

Кир
БУЛЫЧЕВ

ДРЕВНИЕ
ТАИНЫ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО



Алиса и ее друзья в лабиринтах истории

Кир Булычев

Древние тайны (сборник)

«ЭКСМО»

2007

Булычев К.

Древние тайны (сборник) / К. Булычев — «Эксмо»,
2007 — (Алиса и ее друзья в лабиринтах истории)

Фантастические повести, вошедшие в данный том собрания сочинений Кира Булычева, относятся к циклу «Алиса в лабиринтах истории». Алисе и ее друзьям-одноклассникам предстоит пройти летнюю историческую практику. Сделать это нетрудно, потому что к услугам любознательных школьников машина времени. Однако в глубине веков их ждут невероятные приключения...

Содержание

Древние тайны	5
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	24
Глава пятая	33
Глава шестая	39
Глава седьмая	49
Глава восьмая	56
Глава девятая	64
Глава десятая	74
Глава одиннадцатая	82
Глава двенадцатая	87
Пашка-троглодит	91
Глава первая	91
Глава вторая	95
Глава третья	100
Глава четвертая	106
Глава пятая	111
Глава шестая	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Кир Булычев

Древние тайны (Сборник)

Древние тайны

Глава первая ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Сразу после Нового года, в первый день зимних каникул классная руководительница 5 «Б» собрала всех учеников.

– Наступило время отдыха, – сказала она. – Поэтому желающие могут уйти домой и спать две недели без просыпу.

Все засмеялись.

– Покой нам только снится, – сказал Пашка Гераскин, который недавно прочел книжку «В мире мудрых мыслей». Он выучил штук сто мудрых мыслей, но не стал запоминать, кто их придумал. А если его спрашивали, чья это такая умная мысль, он скромно отвечал: «Кажется, моя».

– Самое скучное на свете – это ничего не делать. Если человек ничего не делает целый месяц, он превращается обратно в обезьяну, – сказал Аркаша Сапожков.

– Каролина Павловна, – попросила Алиса Селезнева, – скажите, чем мы будем заниматься на каникулах?

– Мы отправимся на историческую практику, – сказала Каролина Павловна.

Она была такая молоденькая, хрупкая, тихая, что ее иногда принимали за ученицу. Но все в классе знали, что у Каролины железный характер. Недаром она перешла в прошлом году на лыжах через Берингов пролив из Азии в Америку и обратно.

– Ура! – закричал Джавад Рахимов. – Наконец-то! Мне так надоело в классе сидеть!

Маша Белая, человек очень серьезный, куда серьезнее, чем ее близняшка Наташа Белая, спросила:

– А где мы будем историческую практику проходить?

– Вот это каждый решит сам для себя.

Пашка Гераскин даже поднялся со стула.

– Вы говорите, что можно выбирать? – спросил он.

– Сейчас он выберет крестовый поход, чтобы сразиться на мечах с Ричардом Львиное Сердце! – сказала Наташа Белая.

– Ничего подобного, – отмахнулся Пашка. – Ты что думаешь, мне не надоело мечами махать? Нет, у меня есть мечта...

– Какая? – спросил Джавад.

– Тайна, – сказал Пашка. – Может же у человека быть одна тайна?

– У человека может быть тайна, – сказала Каролина. – И Паша нам ее обязательно откроет.

– Это еще почему? – возмутился Пашка.

– А как же тебя отправлять в прошлое, если ты нам не скажешь куда?

– Разумно, – согласился Пашка. – Но сначала я подожду, что придумают мои коллеги по классу.

– Погодите, погодите, – попросила пятиклассников Каролина. – Я хочу уточнить задание на историческую практику. Каждому из вас нужно выбрать себе не просто какую-нибудь эпоху или место, но там должна таиться историческая загадка. Вы же не туристы, вы ученые. А наука – это разгадывание тайн.

– Правильно, – сказал Аркаша Сапожков. – Даже когда я считаю ножки у марсианской сколопендры, я разгадываю тайну. Сначала я не знал, сколько у нее ног, а потом разгадал тайну: у марсианской сколопендры сто сорок семь ног.

– Не может быть! – крикнул Пашка. – Не бывает нечетного числа ног. Аркаша одну ногу нечаянно отломил.

– Я не знаю, какой ты историк, – улыбнулся Аркаша, который, как известно, умеет владеть собой, – но космобиолог ты плохой и не знаешь, что постольку поскольку у всех марсианских сколопендр и многоножек ноги располагаются в три ряда, то общее число ног может быть нечетным.

– Разве? – спросил Пашка. – Я всегда забываю мелочи.

Каролина подождала, пока все отсмеются, а потом продолжала:

– У меня есть для вас второе задание. Каждый путешественник во времени должен снять фильм. Замечательный, очень интересный фильм. Вы не возражаете?

Никто, конечно, не возражал.

– Идите по домам, дети, – сказала Каролина. – Завтра мы встретимся снова. И пускай каждый из вас придумает, какую бы тайну истории он хотел разгадать.

Расходиться не хотелось. Погода стояла отличная, мороз и легкий снежок.

Пятиклассники отправились на Гоголевский бульвар, на станцию юных биологов, где они проводили время после уроков.

Звери удивились тому, что их друзья пришли в неурочное время.

– Не обращайтесь внимания, продолжайте заниматься своими делами, – сказал Аркаша. – У нас каникулы.

Жираф Злодей наклонил свою глупую голову, словно вытянул шлагбаум через дорогу, и громко хлопал ресницами, стараясь понять, что же такое каникулы. Он был одет в теплую фуфайку – сестры Маша и Наташа Белые вязали ее две недели.

Питекантроп Геракл, который родился обезьяной и старался превратиться в человека, раскачивался на морозостойкой кокосовой пальме, держался за ствол ногами и хлопал в ладоши. Он скучал без людей. Дельфины выпрыгивали из теплой воды, над которой поднимался густой пар.

Юные биологи прошли в домик лаборатории. Алиса Селезнева открыла фруктовый кран и налила всем по стакану яблочного сока.

– Давайте обсуждать, – сказала она. – А то скоро обедать пора.

– А ты какие знаешь тайны истории? – спросил Джавад Рахимов.

Он был добрым парнем и хорошим другом, но не очень любил историю и не знал ни одной исторической тайны.

Тогда заговорил Аркаша Сапожков, самый образованный из биологов:

– Вся история Земли – сплошная тайна, – сообщил он, – начиная с происхождения жизни.

– Чего в этом таинственного! – возразил Пашка. – Не было жизни, а потом она появилась. Куда ей деваться?

– Откуда она появилась? – спросил Аркаша.

– От верблюда! – крикнул Пашка, который не выносил, если ему возражали. Недаром Алиса Селезнева считает, что из него получился бы самый настоящий царь. Чуть возразишь – голову с плеч долой!

– Жизнь произошла от Бога, – сказал Джавад. – Так многие считают.

– Только не ученые, – возразил Аркаша.

– История начинается тогда, когда начинается жизнь, – сказала Алиса.

Ван Цицуну очень хотелось сказать что-нибудь умное. Он поступил в этот класс всего два месяца назад и очень боялся, что в чем-нибудь отстанет от остальных ребят.

– История начинается, когда начинается время, – сказал он.

– Чепуха! – закричал невоспитанный Пашка. – Время было всегда!

– Мальчики, мальчики! – вмешалась в разговор Маша Белая. – Не надо ссориться.

В открытую форточку с трудом влезла голова жирафа Злодея. Ему было любопытно узнать, почему биологи так шумят. Но короткие рога жирафа застряли между рамами старого окна, и он начал рваться, волноваться, и стекло зазвенело – вот-вот лопнет.

– Злодей! Стоять! – приказала Алиса. – Сначала успокойся, подумай, а потом будешь тянуть голову обратно.

Злодей заморгал длинными ресницами, большая слеза сорвалась с них и упала на пол. Геракл потащил его за хвост, а Маша Белая щекотно поцеловала в нос. Жираф вытащил голову наружу и чихнул.

– Довели животное, – сказала Наташа Белая. – Разве можно так шуметь?

Мальчик Ван Цицун взволновался, побледнел и сказал:

– Простите, я во всем виноват. Не надо было мне вмешиваться в беседу почтенного Паши и уважаемого Аркадия.

Ван Цицун приехал из Шанхая. Его папа был великим бадминтонистом. Даже чемпионом мира. А теперь он основал в Москве школу бадминтона. Многие хотели поступить в эту школу или отдать в нее своего ребенка. Так что, вернее всего, Ван Цицуну придется остаться в Москве надолго, и он будет учиться в одном классе с Алисой Селезневой.

Русский язык Ван Цицун выучил уже на каникулах и говорил на нем, хоть и с акцентом, не хуже Пашки Гераскина. Он оказался замечательным математиком. Китайский ученик имел только один большой недостаток: он был очень дисциплинированным, аккуратным и совсем не любил шалить, шуметь, убегать с уроков и совершать необдуманные поступки. По сравнению с ним даже заядлый отличник и тихоня Аркаша Сапожков выглядел отпетым хулиганом.

– Если будут записывать, – сказала Маша Белая, – запишите меня на тайну Синей Бороды.

– Простите, это сказка? – спросил Ван Цицун.

– Вот я и хочу узнать, Синяя Борода был сказкой или жил на самом деле? Ну что вы смеетесь? Неужели вам неинтересна такая историческая тайна?

– Мы потому смеемся, – ответила двойняшка Маши Наташа, – что Синяя Борода обязательно на тебе женится, а потом тебя убьет.

– Мы еще посмотрим! – возмутилась Маша Белая. – В те времена, когда он жил, женщины были робкие и слабые. А у меня, к вашему сведению, есть черный пояс карате. Кто не верит, может на меня напасть.

– Все равно, – сказала ее сестра, – замуж тебе рано. Вот я пожалуй вечером маме, что ты решила стать восьмой женой Синей Бороды, посмотрим, что мама на это скажет.

Маша обиделась на Наташу. Они всегда спорили, хотя были так похожи друг на дружку, что даже мама их путала. Вернее, она их не путала, она точно знала, что у нее две дочки – Маша и Наташа, у одной родинка на правой щеке, а у другой на левой. Но всегда сбивалась – у кого же из дочек на какой?..

– Девочки, не спорьте! – попросила Алиса Селезнева. – Лучше ты, Наташка, скажи нам, какую историческую тайну хочешь разгадать.

– Я хочу... я хочу разгадать тайну Железной Маски, – сказала Наташа. – Представляете, всю жизнь он просидел в Бастилии, в одиночной камере, и ни разу не снял железную маску.

– Это правда? – спросил Ван Цицун.

– Совершенная правда, – ответил Пашка. – Это случилось лет пятьсот назад.

– Значит, – вздохнул китайский мальчик, – у него не росла борода, и не болели зубы.

Все задумались и поняли, что Ван Цицун прав. Иначе бы Железной Маске пришлось снимать маску, чтобы побриться или постричь бороду, не говоря уж о встрече с зубным врачом.

– Он не мылся! – воскликнула Маша Белая, которой конечно же не понравился выбор близняшки. – И не причесывался. Мне о нем даже думать противно.

Пока сестры Белые ссорились, Алиса думала: а какую тайну истории ей хотелось бы разгадать? Так много на свете тайн и загадок, но когда тебе говорят: выбери одну, самую для тебя интересную, – все из головы вылетает, и оказывается, что ни одной тайны ты не помнишь.

Тайны, которые придумали сестры Белые, Алисе не понравились. Они ей показались мелкими. Какой-то герцог зарезал своих жен! Ну и что? Мало ли было таких герцогов? А другой барон или принц просидел несколько лет не мывшись и не постригая волос и бороды. Ужасная история! Но ничего с человечеством от этого не произошло. Ни хорошего, ни плохого.

Нет, надо отыскать настоящую тайну, которая интересна всем...

Алиса не успела ничего придумать, как Аркаша Сапожков, самый умный из всех учеников в классе, сказал:

– Давайте вместе составим список великих тайн. А потом поделим их между собой.

– Но если я не хочу великую тайну, а хочу небольшую, но очень интересную? – возразила Маша Белая.

– Сначала мы напишем список всех тайн. – Паша Гераскин поддержал своего друга. – А потом поглядим, кому что интереснее.

Все согласились и уселись за большой лабораторный стол. Питекантроп Геракл подошел к столу и постучал по нему волосатым кулаком.

Все знали, что это означает: Геракл спрашивал, не хочет ли кто-нибудь чаю.

Питекантроп Геракл попал на станцию юных биологов из глубокой древности, когда еще людей не было.

Питекантроп – это обезьяночеловек, даже скорее человекообезьяна.

Он начал превращаться в человека, но ему еще предстояло превращаться полмиллиона лет.

Когда он случайно попал на станцию юных биологов в Москве на Гоголевском бульваре, его новые друзья, юные биологи, принялись о нем заботиться, учить его, чтобы он поскорее стал человеком.

Конечно же Геракл оказался не очень хорошим учеником. Он хотел есть бананы, валяться на солнышке и гоняться за кошками. А учиться ему не нравилось.

Но кое-чему Геракл научился.

Например, он научился приносить ребятам чай, когда они собирались в лаборатории. Он даже научился для этого считать. И все знали, если Геракл стоит возле стола и стучит по нему кулаком, то те, кто сидит за столом и хочет чаю, должны поднять указательные пальцы.

Геракл глядел на поднятые пальцы и загибал столько же на своей руке. Потом он бежал на кухню, вынимал из буфета столько чашек, сколько у него было загнуто пальцев. Он не считал – только ставил на поднос чашку и разгибал палец, ставил еще одну чашку и снова разгибал палец. Когда их больше не оставалось, все чашки уже стояли на подносе. Оставалось только поставить на поднос кипятильник-заварщик и нести в лабораторию.

Аркаша Сапожков достал с полки лист ватмана, взял в руки фломастер и приготовился писать.

– Какую тайну мы можем считать самой первой? – спросил он.

У каждого было мнение на этот счет, но ждали, что скажет Аркаша. Потому что Аркаша был самым умным в классе, и его все слушались, несмотря на то, что он был меньше всех ростом и голос у него был тихий.

– Тогда я сам скажу, – продолжал Аркаша. – Первая тайна – это происхождение жизни на Земле. Как это случилось? Почему и когда наша Земля стала колыбелью жизни?

Он написал:

«Тайна номер один. Происхождение жизни на Земле».

Еще совсем недавно Аркаша был тихим и незаметным мальчиком. Он даже на переменках не бегал и не играл, потому что каждую свободную секунду проводил у компьютера. А после школы спешил домой, где у него с дедушкой был целый зоопарк – птицы, рыбки и черепахи. Никто Аркашу не дразнил, просто на него не обращали внимания. Правда, на биостанцию его позвали, но потому, что он умел заботиться о зверях и был безотказным, всегда можно было Аркашу попросить за тебя подежурить, покормить зверей или почистить клетки.

Животные Аркашу любили, и он умел с ними разговаривать. Даже крокодил Аркашу понимал. В цирке на Цветном бульваре однажды во время представления на манеж неожиданно выскочила львица, которая несла в зубах своего малыша. В три прыжка она достигла десятого ряда, где скромно сидел с дедушкой Аркаша Сапожков, кинула ему на колени львенка и понеслась выступать. Она делала все, что ей велел дрессировщик, но после окончания выступления вернулась к Аркаше, взяла у него малыша и унесла за кулисы. Оказалось, в тот день львица была обижена на дрессировщика и решила показать, что не доверит плохому укротителю своего единственного детеныша. Но удивительно, как львица смогла разглядеть Аркашу в десятом ряду и догадаться, что именно этому мальчику можно доверить ребенка!

В тот день в цирке оказалось несколько зрителей с видеокамерами, и они сняли, как Аркаша сидит со львенком на руках и тот машет четырьмя лапами.

Аркаша пришел в класс знаменитым и получил прозвище Маугли.

С таким прозвищем трудно остаться тихим отличником. Прозвище действует на человека.

А месяца через два Аркаша шел из шахматного кружка по набережной Москвы-реки и увидел, как вороны дразнили игравшего на тротуаре щеночка. Хитрые и подлые птицы задирали его, а когда он с лаем кинулся на них, взлетели над каменным ограждением реки. Щенок не рассчитал своих сил, перемахнул через ограду и ухнул в воду.

Аркаша, недолго думая, кинулся за ним.

Люди, гулявшие по набережной, перепугались, стали кричать, а некоторые мужчины даже начали раздеваться, чтобы нырнуть в воду и спасти ребенка.

Но спасти Аркашу не пришлось. Он уже вынырнул из воды и, гребя шахматной доской, подплыл к щенку. Потом он положил шахматную доску на воду, как плот, щенок взобрался на него, и они вместе поплыли к пристани для речных трамвайчиков.

Среди мужчин, которые хотели раздеться, чтобы спасти мальчика, тоже нашлись кинолюбители, и потому вечером по телевизору показали очередной подвиг Аркаши.

– Послушай, дружище, – сказал на следующий день Пашка Гераскин, – мы, конечно, гордимся тем, что учимся в одном классе с таким героем, но умерь свой пыл! А то от корреспондентов проходу нет.

Конечно, проход был, но Пашка завидовал Аркаше, который на вид куда меньше похож на героя, чем Пашка, а уже прославился и не хочет останавливаться.

– Я обещаю, – сказал Аркаша. – Мне самому очень неприятно. Даже мой дедушка сказал, что быть знаменитым некрасиво.

– Вот именно, – согласился Пашка. – Надо запомнить слова твоего дедушки.

С тех пор не проходило и месяца, чтобы с Аркашей не случилось какого-нибудь приключения. Из всех этих приключений он выходил с честью, хотя так их и не полюбил. Просто привык совершать разные поступки. И все привыкли, что Аркаша их совершает. Только Пашка Гераскин не мог к этому привыкнуть. Он бегал за подвигами и приключениями, но у него редко что получалось.

Вот, например, в ноябре Аркаша опять прославился на весь город. Он пошел в детский садик взять домой своего братишку Борю. Когда он подходил к садику, то увидел, что из окна второго этажа идет густой дым, а воспитательницы выводят ребятишек на улицу.

– Что случилось? – крикнул Аркаша, подбегая.

– Пожар в живом уголке! – ответила воспитательница. – Мы уже вызвали пожарную команду. Все дети в безопасности.

– И я в безопасности! – крикнул маленький Боря, который стоял рядом с воспитательницей.

«Звери в опасности!» – подумал Аркаша, который очень любил зверей.

Когда воспитательница отвернулась, он за ее спиной тихонько пробежал в дом и поднялся на второй этаж.

Из комнаты, где располагался живой уголок – то есть маленький зоопарк для маленьких детей, где жили птички, рыбки и маленькие зверята, – валил черный дым.

Аркаша бесстрашно вошел в комнату.

Он не испугался. И не потому, что был смелым, но неумным, а потому, что был сначала умным, а уж потом смелым. Вчера Боря рассказал ему, что кто-то из родителей привез в подарок детишкам яйцо дракончика, которое нашел на планете Местикуре.

Местикурские дракончики невелики и совсем неопасны, а уж новорожденные дракончики не обидят никого крупнее мухи, потому что мухами они и питаются.

Дракончик должен был вылупиться из яйца на следующей неделе. Но он поспешил и вывелся сегодня.

Новорожденные дракончики ужасно прожорливы. Дракончик огляделся, но поблизости не было ни одной мухи.

С горя и с голоду дракончик принялся пускать из ноздрей черный дым. И напустил полный садик дыма.

Когда воспитательницы почувствовали страшно вонючий дым, они перепугались и принялись выводить наружу детей. Их можно понять, ведь воспитательницы плохо знают космическую биологию.

Зато космическую биологию отлично знает Аркаша Сапожков. Недаром он трудится на станции юных биологов на Гоголевском бульваре.

Кстати, ему известны повадки новорожденных местикурских дракончиков.

Увидев окутанного дымом дракончика, Аркаша сказал ему:

– Потерпи!

Дракончик не хотел терпеть.

Тогда Аркаша изобразил крик мамыши-драконихи.

– Йех-уа-уа-йюс, – пропел он.

Дракончик услышал материнский голос и сразу ответил:

– Юхи-юхи-мама крайюхи.

Это означало: «Мама, мама, я страшно голоден, но вокруг нет ни одной мухи!»

Остальные обитатели живого уголка пищали, выли, скрипели и верещали. Они же задыхались от дыма!

Аркаша открыл окно, чтобы впустить свежего воздуха, и подхватил попугая Каякку, который живет высоко в горах Сьерра-Пальмы и не выносит грязного воздуха.

Попугай перепугался и решил, что Аркаша хочет его съесть. Он бился в руках Аркаши и норовил его клюнуть. Но Аркаша крепко держал птицу. Он выбежал с попугаем из комнаты, отнес его на кухню и насыпал пшена. Попугай кинулся клевать пшено, до которого был большой охотник, а Аркаша схватил банку с изюмом, отнес дракончику и сказал:

– Это слаще мух!

Дракончик понюхал изюм и принялся брать губами по изюминке. Он даже закрыл глаза от удовольствия.

Тогда Аркаша пошел к окну, чтобы затворить его. Он боялся, что рыбки, белки и клетчатый питончик простудятся.

Не успел Аркаша взяться за ручки рамы, как прямо перед ним появилась страшная физиономия в серебряной газовой маске и золотом шлеме.

Это был пожарный.

Пожарные только-только приехали, и заплаканные воспитательницы сказали им, что в детском садике страшный пожар, а внутрь пробрался мальчик Сапожков, который, вернее всего, погибнет.

Пожарные приставили лестницу к стене и полезли спасать мальчика Сапожкова.

А мальчик Сапожков так перенервничал от спасения дракончика и всего детского сада, что при виде пожарного ахнул и потерял сознание.

Пожарные отвезли Аркашу в больницу «Скорой помощи», хоть он пришел в себя через минуту. В больнице Аркаше поставили диагноз: легкое отравление драконьим дымом и переутомление. А потом отпустили домой.

На следующий день в класс вошел пожарный в мундире.

Он попросил разрешения у Каролины на три минуты прервать урок. И когда Каролина разрешила, он вынул из портфеля красную коробочку, открыл ее и достал медаль.

Он попросил Аркашу подойти поближе, прикрепил ему на грудь медаль и сказал:

– Поздравляю вас, ученик Аркадий Сапожков, с награждением медалью «За отвагу на пожаре». Ваш подвиг никогда не будет забыт!

В дверь въехала телевизионная камера, и этот момент был снят, а вечером вся страна слушала рассказ о том, как школьник Сапожков не испугался пожара и накормил дракончика.

Когда пожарник ушел, ребята накинулись на Аркашу с упреками, почему он никому ничего не рассказывает.

Аркаша покраснел и стал оправдываться – ведь он ничего особенного не совершил. Каждый бы на его месте сделал то же самое.

Все стали смеяться и поздравлять Аркашу, только Пашка Гераскин довольно громко произнес:

– Быть знаменитым некрасиво, как сказал один дедушка.

Аркаша записал первую тайну: «Происхождение жизни на Земле».

Потом сказал:

– Я жду предложений, мои друзья.

Аркаша прочел столько книг, что иногда начинал говорить, как их герои. Сегодня он говорил, как капитан Немо и его знакомые с Таинственного острова.

– Запиши про динозавров, – попросила Алиса Селезнева.

– Что я должен написать про динозавров, юная леди? – спросил он.

– Ты должен написать так: «Тайна номер два. Почему вымерли динозавры?»

– А разве это не известно? – спросил Джавад. – Я читал, что они вымерли, потому что климат изменился.

– Ты там был? – спросил Пашка Гераскин.

– Нет, ты же знаешь, что не был.

– Тогда ты не можешь наверняка сказать про климат.

Аркаша записал тайну номер два и только хотел спросить про следующую тайну, как Маша Белая сказала:

– Напиши, наконец, про Синюю Бороду.

– И про Железную Маску, – сказала Наташа Белая.

Пашка Гераскин всплеснул руками:

– Я сойду от них с ума! Эти женщины совершенно не понимают разницы между великими событиями и историческими пустяками! Как можно сравнивать смерть всех динозавров и какую-то Железную Маску? Как, я вас спрашиваю?

– А вот так! – хором ответили Маша и Наташа. И Пашке пришлось умолкнуть.

Аркаша сказал:

– Продолжаем. Кто предложит следующую тайну?

– А ты наши тайны не записал! – обиделась Маша Белая.

– По порядку! – ответил Аркаша. – Постольку поскольку дойдет очередь до Синей Бороды, мы его обязательно запишем.

Все принялись думать о следующей тайне. Даже питекантроп Геракл старался думать, хотя это у него не очень хорошо получалось.

Но ему казалось, что люди не обращают на него внимания, а хотелось, чтобы обращали.

Геракл начал бить себя в грудь кулаком и ухать.

Пашка прикрикнул на Геракла, чтобы помолчал и не мешал людям думать, но Ван Цицун, который внимательно смотрел на обезьяночеловека, тихо сказал:

– А наверное, уважаемый Геракл прав. Ведь происхождение человека – это великая тайна. В разных концах Земли нашли останки разных обезьян и первобытных людей, у нас в Китае откопали кости и зубы синантропа – это был самый большой предок человека, ростом с баскетболиста, но куда сильнее.

– Конечно, – сказал Пашка Гераскин, – у вас в Китае все самое большое.

– Ты не прав, Паша, – ответил Ван Цицун. – Конечно, в Китае есть много всего очень большого, потому что Китай и сам очень большой, но в других странах тоже есть большие вещи. Например, река Амазонка больше, чем наша река Янцзы, зато в Китае когда-то построили Великую Китайскую стену, и она – самое большое творение человеческих рук в мире.

– Вот и разгадай тайну Китайской стены, – сказала Маша Белая, – наверное, это очень интересно.

– К сожалению, – сказал Ван Цицун, – тут нет никакой тайны. У нас в Китае всегда писали подробные истории и тщательно хранили документы. Поэтому известно о стене все – и когда ее построили, и сколько было занято рабочих, и даже сколько пошло на нее кирпичей. Если вы позволите, я бы не стал разгадывать тайну Великой Китайской стены, так как этой тайны не существует. А вот тайна происхождения человека – это великая тайна.

Геракл даже подпрыгнул от радости. Он, видно, понял, что китайский мальчик будет разгадывать тайну его происхождения.

– Но есть и другие великие тайны, – сказал Ван Цицун, – и надо хорошо подумать, прежде чем выбрать нужную тайну. С вашего разрешения я посоветуюсь с моим отцом.

Ван Цицун замолчал, и тогда заговорил Аркаша:

– Давайте запишем третью тайну. Тайна происхождения человека. Это очень важная и интересная тайна.

И все согласились, что это очень важная и интересная тайна.

– Тайна номер четыре! – произнес Аркаша.

Все смотрели на него и ждали, какую же он придумает тайну.

Но Аркаша ничего не говорил. Он ждал.

Алиса смотрела на стену и думала: «Ну, какие еще тайны? Давайте думать по порядку... Что было после того, как человек стал человеком? Был Древний Египет и Вавилонская башня».

– Я хочу разгадать тайну Вавилонской башни! – сказала она.

– Простите, пожалуйста, – попросил Ван Цицун, – будьте любезны, скажите, в чем тайна Вавилонской башни и что такое Вавилонская башня?

Все посмотрели на Алису. Кое-кто знал, о чем речь, но другие могли и не знать.

– Есть такая древняя легенда, – сказала Алиса, – что люди решили строить башню до самого неба.

– Как так до самого неба? – спросил Ван Цицун. – Вы имеете в виду стратосферу?

– В то время люди думали, что небо твердое, – сказала Алиса. – И строили башню до твердого неба. Но Бог рассердился на них и сделал так, что они стали говорить на разных языках. От этого произошло вавилонское столпотворение – люди друг друга перестали понимать.

– Плюнули они тогда, – вмешался Пашка Гераскин, – и разошлись по домам.

– Спасибо, – сказал Ван Цицун. – Но разрешите мне задать еще один вопрос?

– Задавай, – разрешил Пашка.

– А где были переводчики? – спросил Ван Цицун. – Почему переводчики не помогли строителям?

– В то время еще не было переводчиков, – сказала Алиса. – Ведь языки только-только появились, и переводчики еще не успели их выучить.

– Спасибо, – поблагодарил Ван Цицун, – я все понял.

Аркаша сказал:

– Я записал проблему Вавилонской башни. Но подозреваю, что это не историческая, а легендарная загадка. Сказочная, другими словами. Поехали дальше.

– Я хочу отправиться в Древний Египет, – сказал Джавад Рахимов, – чтобы разгадать тайну египетских пирамид.

– А в чем тайна египетских пирамид? – спросила Маша.

– Есть мнение, – сказал Джавад, – что их построили пришельцы из космоса.

– А зачем? – удивилась Наташа Белая.

– Разве мы можем угадать, что у пришельцев в голове? – сказала Алиса. – Сколько я с ними встречалась – и всегда удивлялась, чего еще от них можно ждать?!

– Но есть мнение, – сказал Аркаша Сапожков, – что пришельцы из космоса тут совершенно ни при чем. Египтяне отлично обошлись без их помощи.

– Все равно надо проверить, – не сдавался Джавад. – Кроме того, говорят, что пришельцы построили святилище Стоунхендж в Англии, отлили железную колонну в Дели и много еще чего сделали. Во всем мире.

– Простите, – сказал Ван Цицун, – может быть, во всем мире инопланетные пришельцы и занимались строительством, но в Китае они ничего не построили.

– Почему? – удивился Джавад.

– Потому что мы сами все построили. Зачем нам помощники?

– Ван Цицун совершенно прав, – заявил Аркаша. – Я с ним согласен на все сто процентов. Люди умеют строить не хуже, чем пришельцы. Поэтому я попрошу вас предлагать исторические тайны, в которых нет никаких пришельцев.

– Прошу записать, – сказал Пашка Гераскин, – мне хочется узнать, как погиб король Артур.

– Об этом написано в легенде о рыцарях «Круглого стола», – сказал Аркаша.

– Хватит! – воскликнул Пашка. – Этого нельзя, это не тайна, это запрещено! Дай нам, в конце концов, разгадывать те тайны, какие нам нравятся!

– Пожалуйста, – сказал Аркаша, – я хотел только вместе разобраться, а потом уж решим, кто какую тайну себе возьмет.

Маша Белая вступилась за Аркашу.

– Сапожков совершенно прав! – заявила она. – Если бы он с нами не обсуждал, то я бы до сих пор думала, что в мире была только одна тайна.

– Про Синюю Бороду! – вместе воскликнули Алиса, Джавад и Наташа Белая.

– А теперь я уже знаю...

– Про Железную Маску! – подхватили ее друзья.

– Вы все шутите, – обиделась Маша, – а я серьезно.

– Наверное, нам пора по домам, – сказала Алиса. – Мы еще вечером подумаем над тайнами. Завтра каждый предложит свою тайну Каролине.

Все согласились с Алисой, быстро вымыли чашки, чтобы старательный Геракл их не перебил, и поспешили по домам.

Когда прощались у входа на биологическую станцию, договорились встретиться в школе завтра в десять утра.

Глава вторая

НЕЗНАКОМОЕ НАСЕКОМОЕ

Аркаша хотел зайти к Алисе.

Он собирал монеты, и ему надо было посоветоваться с ее домашним роботом. И в этом нет ничего удивительного, потому что робот Поля был известным нумизматом, прочитал все справочники, в свободное время изучал музейные коллекции и однажды чуть не погиб, когда пересчитывал рупии в подвале Бомбейского банка в Индии. Тогда неожиданно случилось землетрясение, потолок сейфа обрушился на несчастного робота, и его откопали через две недели. Он проржавел, погнулся, но, как только его привели в чувство, сразу сообщил:

– Восемь тысяч пятьсот шестьдесят две.

Спасатели спросили, что имеет в виду искалеченный робот. И робот ответил:

– Столько рупий лежит в подвале.

Любой коллекционер мог ошибиться, спутать монету лидийскую и мидийскую, а копейку Дмитрия Донского с полушкой Бориса Годунова. Но только не робот Поля! Стоило ему один раз увидеть монету, он запоминал ее навсегда. Говорят, что Полю никогда не пустят на металлолом и не отправят на пенсию, а отдадут вместо этого в Исторический музей, где он будет служить нумизматическим справочником.

Аркаша с Алисой не спеша шли по бульвару и разговаривали об исторических тайнах.

– Наверное, мы не правы, – сказал Аркаша, – когда думаем, что исторические загадки были очень давно. А в последние столетия они кончились. Если подумать как следует, мы наверняка найдем тайны где-нибудь поблизости.

– Я сразу могу сказать, – ответила Алиса. – Я читала, что Наполеон, когда бежал из России, выкинул все награбленные сокровища в одно из озер на его пути. Этих сокровищ до сих пор не нашли.

– Вот именно, – согласился Аркаша. – Кстати, и библиотеку Ивана Грозного не нашли. А он ее спрятал в подземельях Кремля.

– Иван Грозный жил давным-давно, – сказала Алиса. – А вот экспедиция на Марс улетела десять лет назад и пропала без вести. Это совсем свежая тайна.

Вдруг Алиса замерла и осторожно дотронулась до локтя Аркаши:

– Смотри, он за нами наблюдает!

Она показала на странное существо, прятавшееся за деревьями. Было оно невысоким, пониже Алисы, страшно худым и даже костлявым, будто скелетик. Голова странная, лица не видно.

– Робот какой-то, – сказал Аркаша. – Недоделанный.

– Недоделанные роботы по улицам вечером не гуляют, – возразила Алиса. – Кто его с фабрики выпустит?

– Тогда пошли отсюда, – сказал Аркаша. – Нам еще мутанта не хватало.

Алиса согласилась с другом. В последнее время ходили разговоры о том, что на Землю откуда-то попали странные мутанты людей, правда, никто их толком не видел...

Они выбежали с бульвара и отправились дальше по узкому переулку Сивцев Вражек.

Вокруг не было ни души.

Над головами неслись серые облака, порой начинал идти мокрый снег, и ветер кидал его в лицо мокрыми снежками...

Пройдя шагов сто по переулку, Алиса обернулась:

– Ой!

Существо почти догнало их. Оно двигалось так, словно вместо ног у него были палки, которые плохо сгибались.

Аркаша сделал шаг навстречу существу и спросил:

– Что вам нужно?

Существо тоже остановилось и вдруг странно заскулило, как потерявшийся щенок.

В этом месте было светло, и Алиса смогла разглядеть преследователя получше.

Конечно же это был не человек и не мутант.

Это был инопланетянин.

Причем по виду – насекомое.

Насекомые отличаются от пауков и ухверток тем, что у них шесть ног. У жуков шесть, у бабочек шесть, но и у кузнечиков шесть ног. А у пауков восемь. Посчитайте, не пожалейте времени. Это закон природы.

У существа, которое преследовало Алису, было шесть конечностей.

Оно стояло на двух тонких ногах, а четыре палочки служили руками. Голова у этого насекомого была чуть вытянута вперед, как у муравья, но покрыта шерстью. Большие желтые глаза смотрели в разные стороны. Губ не было и носа тоже.

Неприятное существо. Даже страшненькое.

Первое удивление Алисы прошло. Прошел и страх. Ну, встретили насекомое с ребенка размером, ну, убежали от него, а потом поняли, что бегать нет никакого смысла.

– Что вам нужно? – спросил Аркаша.

Насекомое протянуло вперед свои палки-руки и направилось к Аркаше. Тут уж самый отважный рыцарь пустился бы наутек.

Но не Аркаша.

– Только не кусаться! – сказал он. – Ведем себя спокойно, не нервничаем! Вы заблудились?

– Папа, – произнесло существо, дотрагиваясь кончиками лап до Аркаши. – Папа, до-ро-гой.

– Оно разговаривает, – сказала Алиса. – И кажется, вы знакомы.

– Вы меня с кем-то спутали, – сказал Аркаша. – Я с вами незнаком, постольку поскольку вижу в первый раз.

– Я буду жить с тобой, – сказала насекомое со странным акцентом. – Я буду учиться в школе. Я стану скрипачом. Где твоя скрипка?

Тут уж Алиса не удержалась и засмеялась, потому что весь класс знал об этой ужасной истории.

Аркаша был мальчиком из очень хорошей семьи, все дети в ней учились музыке. Девочки, как правило, играли на скрипочках, а мальчики на трубе или рояле. Но Аркаша в раннем детстве был таким маленьким и слабеньким, что ему купили скрипку, как девочке.

Аркаша послушно пиликал на скрипке до десяти лет, а потом взбунтовался. Он был тихим, задумчивым мальчиком и не умел драться или громко кричать. Но скрипочку он так ненавидел, что однажды она исчезла.

Когда дедушка стал спрашивать, где скрипочка, Аркаша ответил, что он ее закопал в лесу.

– Зачем? – закричал дедушка, а остальные члены семьи качали головами и делали вид, что очень сердятся.

– Разве непонятно? – спросил Аркаша. – Я ее закопал в плодородном месте и полил из лейки.

– Но зачем?

– Чтобы она проросла и из нее выросли новые скрипочки.

– Мальчик, кажется, сошел с ума, – сказала бабушка.

– Это случилось оттого, что я очень много занимался на скрипке, – прошептал Аркаша, не глядя на старших родственников, чтобы они не заметили, что он смеется.

– Так чего же мы стоим? – спросил дедушка. – Бежим в лес спасать скрипку!

– А я забыл, где ее закопал, – признался Аркаша.

И тут его папа, который сам учился на скрипке до шестнадцати лет, а потом стал программистом, спросил у Аркаши:

– Скажи, сын, ты любишь играть на скрипке?

– Ненавижу, – ответил сын.

– Я так и понял. А что ты любишь делать?

– Я люблю компьютер, – сказал мальчик, – и еще я люблю заниматься биологией. Я никогда не стану музыкантом.

– Я вижу, что мальчик прав, – сказал папа. – Иди в лес, принеси несчастную скрипку, и я клянусь, что больше мы тебя мучить не будем.

– Ура! – закричал Аркаша и побежал на второй этаж, где под кроватью лежала невредимая скрипка. Разумеется, Аркаша не настолько глуп, как думает его дедушка. Он отлично знает, откуда происходят скрипки, а откуда мальчики и девочки.

После событий со скрипкой Аркаша стал первым мальчиком или девочкой в семействе Сапожковых, который совсем не умел играть на скрипке. Если бы вы знали, как ему завидовали остальные дети в той семье!

Когда страшное насекомое заговорило о скрипке, Алиса тут же поняла, что оно с Аркашей знакомо. И даже странно, что Аркаша от этого знакомства отказывается.

Они стояли посреди Сивцева Вражка, мимо проходили и пролетали люди, ведь было еще не очень поздно. Некоторые с удивлением оглядывались, потому что никогда не видели такого страшилки, но потом летели дальше – мало ли какие страшилки живут в Галактике и прилетают на Землю. Если на всех заглядываться, жизни не хватит.

– Ты меня не любишь? – спросил страшилка.

– Разве мы с тобой встречались? – удивился Аркаша, который тоже понял – дело неладно.

– Конечно, постольку поскольку сидели в пещере.

– По-моему, я схожу с ума, – сказал Аркаша Алисе. – Постольку поскольку я никогда не сидел в пещере...

– Аркаша, – сказала Алиса, – боюсь, что это существо говорит правду. Вы отлично знакомы. Скажи, пожалуйста, кто-нибудь из твоих знакомых говорит через каждые десять слов «постольку поскольку»?

– А разве я говорю? – удивился Аркаша.

– Еще как говоришь! – ответила Алиса.

– Папа Аркаша еще как говорит! – сказал страшилка.

Алиса сошла с мостовой, села на лавочку под летающим фонариком и сказала:

– Присаживайся, незнакомое существо. Скажи мне, как тебя зовут? Откуда ты родом и как ты познакомился с моим другом Аркашей Сапожковым?

– Это не только Аркаша Сапожков, – ответило существо, приближаясь к Алисе. Идти существу было трудно, его покачивало, голос срывался. – Это повелитель молний, благородный спаситель малолетних коо.

– Что в лоб, что по лбу, – заметила Алиса. – Никакой ясности. А тебя как зовут?

– Мое имя – Красивый Ай, – ответило существо. – Постольку поскольку я отличаюсь умом, ростом и положительными качествами.

– Лучше я пойду домой, – сказал Аркаша. – А то дедушка беспокоится.

– Вызови дедушку и попроси его не беспокоиться с утра до вечера, – сказала Алиса. – И не трусь. Ничего плохого этот страшилка тебе не сделал.

– Но я никогда не видел раньше Красивого Ая!

– А разве ты не защитник малолетних коо? – спросила Алиса.

– И я не его папа, постольку поскольку в жизни не встречал ни одного малолетнего коо и незнаком с его мамашей.

– Это неправда! – закричал страшилка. – Ваш благородный облик навечно запечатлелся в моей памяти! И если вы ставите мои слова под сомнение, то спросите у учителя Жи. Надеюсь, ему вы верите?

– Мы верим учителю Жи? – спросила Алиса, которой было смешно, но она удерживалась от смеха.

– Я знаю, что делать, – сказал Аркаша. – Пора вызывать на помощь Патруль-12.

Алиса не ответила, хоть и понимала, что, вернее всего, Аркаша прав. Как вы знаете, Патруль-12 – это особая служба, которая заботится о всех потерявшихся детях, стариках, котятках и инопланетянах. О туристах, отставших от своего корабля, о животных, привезенных в кармане, или о несчастном профессоре физиогармонии и гештальта, которого поймала в подарок своему внуку Мария Семеновна Добронравова на планете Пуйс, потому что решила, что это зайчик. А этот зайчик на самом деле торопился на лекцию в университет и не заметил земную туристку, которая схватила его за уши... В конце концов профессора спас Патруль-12.

– Неловко как-то, – возразила Алиса. – К тебе подбегают, называют папой, а ты – в Патруль-12.

– Я тоже так думаю, – сказал страшилка.

– Но если я тебя не знаю!

И в этот момент с неба буквально свалился большой желтый флаер с алой гвоздикой, нарисованной на борту. Это была спасательная помощь Патруля-12.

Из машины сразу выскочили три человека в разноцветных веселых одеждах, заиграла бодрая музыка, в небе начали рваться ракеты.

– Где наш кроха? – спросил доктор Айболит.

– Вот он, – сказал Аркаша.

– Сейчас мы тебя успокоим, – сказал доктор Айболит, – отвезем тебя к маме и папе.

– Не надо меня везти к маме и папе, – сказал страшилка. – Есть все основания полагать, что постольку поскольку...

– Правильно, – сказал доктор Айболит, – постольку поскольку пора в постельку.

Говорящая собака Авва добавила:

– В постельку, в постельку, к птичке постельге.

Третий санитар Патруля-12 был известным на Земле актером Хамелеончиком, который принимал вид того существа, рядом с которым он стоял. И этот Хамелеончик уже превратился в страшилку, только побольше ростом, чем первый страшилка, – то есть в метрового муравья с бакенбардами, бородкой и курчавой шевелюрой.

– Я не хочу домой! – заплакал страшилка, и горячие слезы покатались по его щекам, стекая на грудь. – Я хочу остаться с папой.

– Не беспокойтесь, Алиса и Аркаша, – сказал доктор Айболит, – мы все узнаем о нашем несчастном госте, он отдохнет и полетит туда, куда захочет.

– Только не ко мне домой! – воскликнул Аркаша. – У меня очень нервные дедушка и бабушка. Они не переживут!

– Полетели, моя крошка, – сказал Хамелеончик.

Собака Авва махала хвостом и прыгала вокруг страшилки по имени Красивый Ай, а доктор Айболит сделал страшилке сладкий успокаивающий укол, от которого улучшается настроение, но нет никакого вреда.

– Мы вам сообщим о пациенте, – сказал доктор Айболит Алисе.

Флаер поднялся к низким зимним облакам, и Алиса с Аркашей сообразили, что замерзли.

– Чего ж ты вызвал Патруль-12? – спросила Алиса. – Так мы теперь и не знаем, откуда к нам прилетело это несчастное существо.

– Я думаю, – сказал Аркаша, – что оно прилетело из параллельного мира, где живет другой Аркадий Сапозков, который на меня ужасно похож, но мы с ним незнакомы.

Алиса слышала о параллельных мирах, где все почти как у нас, но не совсем. Некоторые из них точь-в-точь на нас похожи, а другие чуть-чуть. Самой Алисе в таком мире еще не приходилось бывать, потому что не все ученые были уверены, есть параллельные миры, или их придумали писатели-фантасты. Но, с другой стороны, каждому известно, что некоторые планеты или миры, которые придумали такие писатели, оказывается, существуют. А раньше, пока их не придумали, этих миров не было.

Так что Алиса не стала спорить с Аркашей, а пошла домой, благо оставалось идти два шага.

Дома Алиса съела две тарелки пельменей, потом легла на диван и стала листать любимую старинную книжку из бумажных страниц с картинками, которые нарисовал художник Мигунов. Она всегда удивлялась, откуда художник Мигунов так хорошо знает жизнь конца двадцать первого века, если сам он жил на сто лет раньше?

А потом Алиса нечаянно задремала.

И ей приснилось, что она попала на планету, по которой бродит множество страшилок, и все они кладут по розочке к памятнику Аркаше Сапозкову, на постаменте которого написано: «СПАСИТЕЛЬ МАЛОЛЕТНИХ КОО».

Глава третья ВСЕМ ПО ТАЙНЕ

На следующий день в школе Алиса с Аркашей рассказывали о странной вчерашней встрече, и поднялся горячий спор, кем же был тот страшилка. А так как Аркаша продолжал упорствовать, что он никогда не встречал это страшненькое, но вполне безобидное разумное насекомое, то решили провидеофонить в Патруль-12.

На экране видеофона появился доктор Айболит.

Он узнал Алису и тут же снял бороду.

– Жарко у нас, – сказал он, – а при пациентах раздеваться нельзя. Да и мало ли, кто может меня вызвать.

Доктор Айболит оказался совсем молодым добровольцем «Скорой помощи».

– Простите, доктор, – спросила учительница Каролина Павловна, – мы очень переживаем, что за чудище пристало вчера к нашему ученику? Вам удалось узнать?

– Все очень сложно, – сказал доктор Айболит. – Конечно, мы успокоили это насекомое. Мы проверили все справочники и энциклопедии, мы опросили всех экспертов и даже связались с Галактическим центром. К сожалению, обнаружилось, что в обитаемой Галактике такой расы не существует.

– Как не существует? Но у него же есть родители! – воскликнула Каролина.

– У этого существа нет родителей, – ответил доктор Айболит. – Потому что оно одиноко во Вселенной.

– Так не бывает, – сказал Пашка Гераскин. – Наверное, вы ошиблись.

– Мы могли ошибиться, – терпеливо ответил доктор, – но центральный компьютер не может ошибиться.

– Простите, – сказал Аркаша Сапожков, – но у меня есть теория, и я хотел бы ею с вами поделиться.

– Пожалуйста, – ответил доктор Айболит и вытер бородой свой потный лоб. – Я всегда рад услышать новую теорию.

– Не могло быть так, что это существо прилетело к нам из параллельного мира? Там все похоже на нас, но немного другое. Поэтому оно и меня знает, но не меня, а другого Сапожкова, который живет в том мире. Может быть, отправить страшилку в параллельный мир и пускай он ищет там моего двойника?!

– Идея у вас, конечно, замечательная, – согласился доктор Айболит, – но дело в том, что наука еще не уверена, есть ли параллельные миры, или они только кажутся писателям. А раз так, то мы не знаем, куда же послать нашего гостя. Давайте попробуем обойтись без этих миров. Придумайте что-нибудь полегче. Скажите, вы могли встретиться с этим несчастным существом и потом забыть об этом?..

– Ну как я мог забыть! – закричал Аркаша. – Такое во сне приснится, помрешь от страха!

– Скажите, доктор, – попросила Каролина, – а что говорит само это существо? Ведь вы же его спрашивали? Наверное, оно может сказать вам, где живет.

– Нет, – вздохнул доктор. – Все куда сложнее. Конечно же мы разговаривали с этим существом, мы и сейчас с ним разговариваем. Но все зря.

– Как так зря?

– Потому что по нашим, земным меркам это существо – маленький ребенок, ему примерно три года...

– Значит, оно прожило на свете три года? – спросила Маша Белая.

– Мы не знаем, сколько оно прожило, мы знаем, что его развитие равно развитию трех-летнего ребенка. Так что существо не может объяснить нам, как выглядит его планета и кто его родители.

– Спасибо, доктор, – сказала Каролина. – Вы позволите вам позвонить снова?

– Если мы что-нибудь узнаем, – сказал доктор, – мы сразу же с вами свяжемся. Мы понимаем, как вы переживаете.

Они попрощались с доктором и занялись своими делами.

– Ну что ж, – сказала Каролина. – У вас на размышление были вечер и ночь. Расскажите мне, что вы придумали.

Все ученики молчали.

Даже Пашка Гераскин, который никогда не лезет за словом в карман, не спешил со своим предложением.

– Чего вы оробели? – спросила Каролина. – Вот уж не ожидала этого от вас, самого смелого класса во всей школе.

– Нет, – сказала Алиса. – Вы не правы. Дело в том, что нам хочется в разные места и в разные эпохи. А сразу всюду нельзя.

– В разные – это хорошо, – сказала Каролина, – значит, у каждого есть самая любимая. Гераскин, признавайся, куда ты хочешь отправиться в первую очередь?

Пашка встал, поглядел в окно, вздохнул и спросил:

– А если я куда-нибудь поеду, то, значит, во второй раз меня не пустят?

– Я думаю, что с тебя и одного путешествия достаточно. Ты наверняка устроишь приключения даже во вчерашнем дне.

– Разумеется, устрой, – сказал Пашка. – Но сначала я хотел бы побывать в крестовом походе вместе с Ричардом Львиное Сердце, взять Иерусалим и сразиться с Саладином.

– Значит, так, – сказала Каролина, – повторяю для невнимательных и отсталых учеников! Никаких войн, никаких сражений, никакого хулиганства в прошлом времени не допускается. Поймите же, что вы отправляетесь на научную практику, и каждый получит задание. Но ни один из вас не будет брать Иерусалима или побеждать Юлия Цезаря. Вы – наблюдатели. Ты понял, Гераскин?

– К сожалению, я все понял, – ответил Пашка. – И я отказываюсь участвовать в крестовом походе. Я не выдержу, если кто-то будет сражаться, а я буду наблюдать, словно девчонка.

– Отлично, – сразу согласилась с ним Каролина. – Какие еще мысли?

– Дайте подумать, – сказал Пашка. – Кстати, я и не собирался в крестовый поход.

Все засмеялись.

– Я не шучу, – сказал Пашка. – Я уже побывал в Средневековье и сражался на турнирах – это все в прошлом. Мне бы чего-то поинтересней.

– Подумай, а мы поговорим, – сказала Каролина. – Куда ты хочешь, Аркаша?

– Меня интересует научная проблема, – сказал Аркаша. – Мне бы хотелось выяснить, почему вымерли динозавры.

– Ну вот! – воскликнула Маша Белая. – Я уже расхотела освободить Железную Маску, я хотела узнать про динозавров.

– Не расстраивайся, – сказала Каролина. – Мы с тобой найдем другую эпоху, не менее интересную. Никто не возражает против решения Аркаши Сапожкова?

Никто не возражал.

– Может быть, кто-то еще поделится с нами своими планами? – спросила Каролина.

– У меня созрел небольшой план, – произнес Пашка Гераскин. – Если вы не возражаете, я прошвырнусь к троглодитам.

– К кому, простите? – спросил Ван Цицун.

– Паша хочет сказать, – объяснила Алиса, – что ему интересно отправиться в первобытную эпоху, когда люди еще жили в пещерах, и поэтому их называли троглодитами.

Ван Цицун подумал и сказал:

– Наверное, мне придется поехать в пещеру вместе с Пашей.

– Почему? – удивилась Каролина.

– Паша немного легкомысленный и слишком храбрый, – сказал китайский мальчик. – Кому-то надо его охранять.

– Ты будешь меня охранять! – возмутился Пашка. – Да я сам могу кому хочешь показать... или защитить. Я собираюсь поохотиться на пещерного льва или на мамонтов – вот занятие для настоящего мужчины.

– Это занятие для настоящего дикаря, а не мужчины, – сказала Алиса. – Настоящие мужчины разводят тигров, спасают мамонтов и никогда не гордятся тем, что убили безоружного.

– Ну уж это как посмотреть! – возразил Пашка. – Тигр еще как вооружен! Попадись ему на зуб.

– Был такой древний грузинский поэт, – сказала Маша Белая. – Его звали Руставели. Он написал книгу «Повесть о настоящем человеке». Там его герой одними руками убивает тигра. Честное слово, я сама видела картинку.

– Как жалко, – сказала ее сестра Наташа, – что ты, сестренка, читала так много книг. Они у тебя стали путаться в голове.

– Разве я ошиблась? – Маша начала хлопать длинными ресницами, как будто открывала и закрывала двери, за которыми горели голубым светом ее глазницы. – Может быть, я в тот день болела?

– Книга классика грузинской литературы называется «Витязь в тигровой шкуре», – сказал Ван Цицун. – И тигр на него напал первым.

Надо сказать, что новый китайский ученик знал названия всех книг, фамилии всех писателей и художников, у него была хорошая память, он ее все время упражнял, и она стала наконец великолепной памятью.

– Вот видишь, – сказал Аркаша Сапожков. – Даже если тигр нападет на тебя первым, постарайся не убивать его из бластера. У тебя руки есть.

– Записываем, – сказала Каролина. – Аркаша Сапожков отправляется в прошлое на...

– На шестьдесят пять миллионов лет, – сказал Аркаша. – Именно тогда на Земле произошло что-то такое... такое, после чего исчезли все динозавры.

– Хорошо. Вторым у нас записался Паша Гераскин, который отправляется к троглодитам, то есть примерно...

– Как получится, – отмахнулся Пашка.

В отличие от Аркаши, он не успел посмотреть в Интернете информацию об эпохе троглодитов. Тем более что эта идея пришла ему в голову всего десять минут назад.

– Дальше! – воскликнула Каролина Павловна. – Кто следующий?

– Простите, Каролина Павловна, – сказала Алиса. – Мы еще не готовы ответить. Я, например, составила целый список. Хотите прочту?

– Прочитай, – сказала Наташа Белая. – Может, подаришь нам какое-нибудь путешествие.

– Я хотела бы побывать в Древнем Египте или в Древнем Вавилоне, – начала Алиса, – чтобы узнать, был ли потоп, и если был, то чем он закончился. Потом я хотела бы познакомиться с Клеопатрой. Я хочу узнать, почему она так погибла.

– А как она погибла? – спросил Ван Цицун.

– Ужасно! Ее укусила змея! – ответил за Алису Пашка. – Продолжай, подруга!

– Я хочу узнать, что случилось с флотом Александра Македонского. Говорят, что флот уплыл в Америку.

– Удивительно! – сказала Наташа Белая. – Говори, Алиса, говори!

– И вообще меня интересует, кто открыл Америку!

– Вот! – воскликнул Пашка Гераскин. – Эта задача тебе по зубам. Ты отправишься в плавание с Христофором Колумбом!

– Это очень опасно, – сказал Аркаша. – Не для девчонки. Пускай Джавад Рахимов плывет с Колумбом.

– Кстати, – обиделась Алиса, – я плаваю лучше Джавада. Я на стометровке его на корпус обошла. А Америку открыли викинги!

– Продолжай, Алиса, – попросила Каролина. – У тебя еще есть в запасе тайны?

– Пожалуйста. Я хочу найти библиотеку Ивана Грозного.

– Нет, это я загадал, – сказал Джавад Рахимов. – Я читал про библиотеку. Все знают, что у Ивана Грозного была большая библиотека, ее видели разные гости, но потом она исчезла и до сих пор ее не нашли!

– Дай кончить, Джавадик, – попросила Алиса. – У меня осталось совсем мало тайн. Я хочу узнать, кто нарисовал картины в пустыне Наска.

– Я ничего не слышал о пустыне Наска, – сказал Ван Цицун. – Вы не скажете, где это находится?

– В Южной Америке, – сказала Алиса. – Я тебе дам кассету посмотреть. Но это еще не все. Я хочу найти, где и как погиб Амундсен.

– Все ясно, – сказал Пашка. – Алисе осталось всего сто лет жизни, а ей хочется разгадать сто тайн, на каждую года не хватит. А еще надо спать, есть и учиться в школе.

– Можно я скажу, какую тайну мне хочется разгадать? – спросил Ван Цицун.

– Пожалуйста.

– Мне хочется найти место, где похоронили завоевателя Чингисхана.

– Джавад, – обратилась Каролина к Рахимову. – Ты ничего больше не надумал?

– А можно мне узнать, – спросил Джавад, – жила ли в самом деле Шахерезада?

– Это же сказка! – воскликнула Маша.

– А вот я хочу проверить, сказка или правда?

– Ты волен искать Шахерезаду, – сказала Каролина. – Теперь у нас остались только близняшки. Надумали вы чего-нибудь?

– Мы как вчера. Я – про Синюю Бороду, – сказала Маша.

– А я – про Железную Маску, – вздохнула Наташа.

– Тогда я звоню в Институт времени и сообщаю о наших планах, – сказала Каролина.

Глава четвертая ВЗЯТОЧНИК СИЛЬВЕР

Представь себе, дорогой читатель, что ты уже взрослый человек, тебе больше десяти лет, ты отправляешься в меловой период, за много миллионов лет до нашей эры – такая у тебя научная практика. Тебе предстоит разгадать тайну истории Земли, которая оказалась не по зубам величайшим академикам современности, ты всю ночь не спишь от сознания важности своего дела... и вдруг утром дедушка говорит, что он лично проводит тебя до Института времени и проверит, чтобы мальчику не навредили. Чтобы его послали в самую лучшую эпоху, и вообще он намерен выяснить, кормят ли на исторической практике горячими завтраками!

Бабушка встречает тебя в коридоре с новеньким свитером в руках и требует, чтобы ты обязательно надел в меловой период вязаную шапочку, потому что там, как известно, ужасно дует!

Ты готов разреветься от злости на этих родственников, которые уже выжили из ума и ничего не понимают в науке.

Но тут из кухни выплывает мамочка, которая вместо того, чтобы спасти тебя от бабушки с дедушкой, объявляет, что кашка готова, сок на столе, яишенка удалась лучше, чем всегда, – ты же должен как следует позавтракать перед отлетом!

А папа, который сидит уже за столом и хрустит сухарики, потому что с понедельника решил худеть, начинает рассказывать тебе, как он бы вел себя на твоём месте в меловом периоде.

И ты понимаешь, как хорошо, что ты не рассказал родственникам про то, что ты будешь жить среди динозавров. Они-то думают, что тебе разрешили только смотреть на динозавров издали! Если бы они догадались, что ты попадешь прямо в гущу чудовищ, то никуда бы тебя не пустили. Дедушка вместо тебя кинулся бы к бронтозаврам, а за ним папочка, мамочка, бабушка, и старший брат Илья, и младший брат Боря, и сестры.

Но Аркаша Сапожков, который попал в эту ситуацию, вел себя сдержанно и с достоинством, как Жанна д'Арк на костре инквизиции.

Он съел три ложки каши, поклевал яичницу, хотя вы можете представить, какой у него был аппетит! Потом он выслушал все добрые советы, попрощался и вышел из дому.

Дедушка следовал на шаг сзади, бабушка держала Аркашу за руку, и он терпел почти до самого Института времени. Потом остановился посреди улицы и спросил:

– Дедушка, тебя до каких лет водили за ручку по улицам?

– Меня? – Дедушка посмотрел в небо и не ответил.

– А тебя, бабушка, в школу тоже водили за ручку?

И бабушка промолчала.

– Тогда простите и прощайте, мои дорогие! – закричал Аркаша, вырвал руку у бабушки и кинулся к видневшемуся вдали зданию Института времени.

Бабушка кинулась было за ним.

Но дедушка кое-что понял.

Он схватил бабушку за руку и удержал ее.

– Ничего, – сказал дедушка, – потерпи, Эмма, потерпи, он у нас уже совсем большой мальчик и сам понимает, где ему надо гулять с бабушкой, а где можно самостоятельно.

Бабушка собиралась заплакать, потому что она любила поплакать, но дедушка велел ей удержаться от плача, так как у тех, кто плачет, слезы застилают глаза. Это все равно что стоять посреди улицы зажмурившись.

Не оглядываясь, чтобы дедушка не кинулся вдогонку, Аркаша добежал до входа в Институт времени, нырнул внутрь и оказался в обширном холле.

В стороне стоял большой стол, на нем пульт связи и большая темно-зеленая бутылка, на которой крупно, большими буквами было написано:

«БУТЫЛКА РОМА».

За столом сидел человек в одежде пирата, на голове черный платок, один глаз завязан, усы торчат, как у таракана, и шевелятся.

На плече у этого человека сидел большой белый попугай.

Впрочем, попугай был не совсем белый, а довольно грязный, хохолок у него был наполовину выщипан.

При виде Аркаши попугай закричал:

– Полундррра! – и взлетел к потолку.

Пират надел капитанскую фуражку с вышитым на ней золотым крабом. Вокруг краба свернулась золотая змея, укусившая себя за хвост, что издавна считается символом Вечности. Поэтому такая змея – герб Института времени.

– С кем имею честь? – спросил пират.

– Я Сапожков, Аркадий Сапожков. Мне надо к десяти часам быть у Ричарда Темпеста.

– У доктора Темпеста, – поправил вахтер Аркашу. – Мы защитили диссертацию. Вам не сказали об этом?

– Мне никто об этом не сказал.

– То-то я вижу, что мальчик пришел без подарка. Если бы знал, какой у нас праздник, неужели пришел бы без подарка?

– Я могу сходить за подарком, – сказал Аркаша. – Но я, к сожалению, незнаком с доктором Темпестом и не знаю, что он любит получать в подарок.

– Мы любим получать виски, коньяк, а также клюквенную настойку. Еще мы уважаем свиные отбивные с ананасами. Вы записываете, мальчик?

– Я так запомню, – сказал Аркаша. – Но можно принести подарок вечером? Мой дедушка уже ушел домой. А деньги у него.

– Мы живем в счастливом будущем, – сказал пират. – Все разговоры о деньгах и дедушках – пустая попытка отделаться от подарка. Кстати, судя по тому, что я вижу на мониторах, вся семья Сапожковых стоит возле входа в институт. Они надеются, что тебя, мой юный друг, забракуют и ты возвратишься домой. Так что выйди, скажи дедушке, чтобы сбегал за подарком, это займет всего десять минут.

– Позорррр! Позорр! – закричал попугай, носясь кругами под потолком. – Позорр на мою седую голову! Сильвер – жалкий взяточник.

– А вот это ты зря, – сказал пират и достал из-под стола деревянный костыль. Он прицелился костылем в попугая, и тот в панике попытался вылететь в закрытое окно.

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, если бы в вестибюль не вбежал очень худой человек с копной черных выующихся волос.

– Сильвер! – закричал он от входа. – Сильвер Джонович! Вы зачем пугаете птицу?

Тут молодой человек увидел Аркашу, который уже почти дошел до двери, и строго спросил:

– А вы кто такой?

– Я – Аркаша Сапожков... я пришел... я хотел вас поздравить с присуждением вам... вас... ученую степень доктора наук и желаю вам счастья и успехов в труде, а подарок я сейчас... мой дедушка ждет в садике.

– Стоп! – закричал молодой человек. – Вы знаете, кто я такой?

– Вы – доктор Темпест! – быстро ответил Аркаша. – Вы защитили диссертацию, и я вам сейчас принесу подарок.

Доктор Темпест поднял руку. Он остановил Аркашу.

Потом обернулся к пирату Сильверу Джоновичу, который сидел, выставив перед собой костыль.

– Вы уволены, – сказал Темпест. – Вы уволены, Сильвер Джонович, потому что есть предел любому безобразию.

– В чем вы меня обвиняете, молодой человек? – спросил вахтер-пират.

– Я вас обвиняю в том, – ответил молодой ученый, – что, пользуясь своим служебным положением и неосведомленностью молодого человека Аркадия Сапожкова относительно сроков защиты моей докторской диссертации, состоявшейся три года назад, вы пытались выщипать из него бутылку рома или какой-нибудь похожей гадости. Разве не так?

– Совершенно не так, Ричард, – ответил пират Сильвер Джонович. – Как вы знаете, пью я умеренно, и мне хватает бутылки в день, я даже не допиваю. Но надо иметь запас.

– Зачем?

– А вдруг кончится? А вдруг надо будет раны промывать?

– Еще чего не хватало! – закричал сверху попугай. – Если раны, то как бы небольшой!

– Сильвер Джонович, вы говорите неправду. Вы испортили репутацию нашего солидного института. А что, если о вашем поведении узнают не только здесь и сегодня, но там и сто лет назад?

– А разве мальчик Аркаша кому-нибудь расскажет? – Старый пират изобразил сладчайшую улыбку, полез в ящик стола и достал оттуда конфету «Мишка на севере», сдул с нее пыль и протянул Аркаше. – Мальчик, – сказал пират, – там, где ты будешь, конфет не дают. Так что бери и иди.

Аркаша так растерялся, что взял конфету и пошел следом за Ричардом, который помчался по коридору.

Ричард шел все быстрее, Аркаша тоже шел все быстрее.

Ричард повернул вправо, влетел в открытую дверь, и когда Аркаша тоже нырнул в открытую дверь, Ричард уже сидел за столом и читал письма и телеграммы на дисплее.

– Садись, – сказал он Аркаше, – потерпи немного.

Аркаша сидел и терпел.

В кабинете Ричарда Темпеста царил сказочный, невероятный беспорядок. Книжки и кассеты, всевозможные трофеи из прошлого, а также предметы, которые могут там, в прошлом, пригодиться, бумаги, ленты, запчасти к всевозможным приборам, – впрочем, разве разберешься в таком беспорядке? Когда-то новый робот-уборщик решил это сделать. Он разобрал все вещи, положил большие к большим, квадратные к квадратным, а длинные к длинным. В результате Ричард не смог найти у себя в кабинете ровным счетом ничего и чуть было не разобрал несчастного робота на винтики.

Вдруг Ричард спросил:

– Принцип путешествия во времени проходили?

– Нет.

– Тогда слушай. Путешествие во времени возможно и допустимо. Но только в прошлое. Почему?

– Не знаю, – честно признался Аркаша. – Мне когда-то бабушка рассказывала, но постольку поскольку я был тогда еще ребенком, то я забыл.

Аркаша лукавил. Он все помнил, и ему не требовалось никакой бабушки, чтобы запомнить, каким бывает путешествие во времени, но ему хотелось, чтобы Ричард все рассказал еще раз. Все-таки он специалист, старший научный сотрудник Института времени Академии наук, настоящий временщик.

– Время – это мир, – сказал Ричард. Он любил рассказывать о своей профессии, был бы слушатель. – Но как и мир, оно разделено на то, что у нас под ногами, и то, что у нас над головой. Мы как кораблики, лодочки, которые плавают по морю. Ясно?

– Конечно, ясно.

– Ты можешь нырнуть в море?

– Могу.

– Правильно. Ведь под тобой вода, вот ты в нее и ныряешь. Море – это время, которое уже прошло, оно уже было. Из чего состоит время?

– Из минут, – ответил Аркаша, – из дней, часов, секунд.

– Ты не прав, – улыбнулся Ричард. – Часы и секунды – это условные слова, которые придумали люди. Время не может состоять из выдумки. Время состоит из событий. Вот мы с тобой разговариваем, а в это время наш вахтер, бывший пират, Сильвер Джонович пьет ром или ссорится со своим попугаем, а на улице идет дождь со снегом, а на соседней улице строят новый дом... во всем мире случается множество событий. Из них и состоит время. Оно наполнено событиями, и когда пройдет этот час, то все события, которые за него случились, станут водой, смешаются с остальным океаном, и он станет чуть-чуть глубже. Ты понял?

– Понял.

– Значит, если мы нырнем в океан, то окажемся в прошлом, в воде вчерашних событий. И чем глубже нырнем, тем давнее будет время. А это значит... ну!

– Не знаю, что вы имеете в виду, – сказал Аркаша. Он представлял себе громадный синий океан, который наполнен вчерашними или давними событиями, они похожи на медуз, полупрозрачные, шевелятся, стараются подняться к солнцу, а может, даже поедают друг дружку.

– А это значит, что машина времени может работать только из настоящего в прошлое.

– Почему? – спросил Аркаша.

– Потому что в океан ты можешь нырнуть, а как ты взлетишь в небо?

– Как птицы, – сказал Аркаша, – на крыльях.

– Ошибка, мой друг, – сказал Ричард. – У нас с тобой, к сожалению, нет крыльев. И мы не можем подняться в пустоту. Ну подумай, мой юный друг, если прошлое состоит из разных дел и событий, которые уже случились, то из чего состоит будущее? Молчишь? Ну и правильно делаешь. Потому что будущего еще нет. Оно еще не случилось. И нам с тобой некуда путешествовать. Теперь ты понял?

Аркаша не успел ответить, потому что в открытую дверь влетел попугай и закричал:

– Позоррр! Дедушку послали за водкой!

Аркаша не успел сообразить, что же случилось, как Ричард со страшными проклятиями вскочил из-за стола и умчался в коридор. Наступила тишина. На минуту. Потом вдалеке послышались возмущенные голоса. Отдельные слова и даже фразы можно было разобрать:

– Как можно! Старого человека!.. Мало вам рома... – Это голос Ричарда.

А вот голос Сильвера:

– Он сам хотел. Для растираний, только для растираний... если здесь меня не ценят, я могу уйти... меня ждут во многих местах! Космические пираты Крыс и Весельчак У предлагают мне место помощника капитана! Тогда держитесь... нет, я пошутил, не надо так на меня смотреть...

Голоса умолкли, и тут же послышались шаги. Ричард возвратился в комнату. Он был еще более взлохмачен, чем прежде.

– Никому нельзя довериться, – сказал он. – Он же клялся мне, что забыл о своем прошлом. И что бы вы подумали...

– Это он моего дедушку за водкой посылал? – догадался Аркаша.

– И клянется, что они выпили бутылку водки в кустах с твоим дедушкой.

– Но мой дедушка не пьет водки. Он даже пива не пьет. Он ненавидит даже крепкий чай! – сказал Аркаша.

Ричард тяжело вздохнул и снова уселся за стол.

– А теперь, – сказал он, – мы поговорим о твоей командировке. Что ты знаешь об истории жизни на Земле?

– Мы этого еще не проходили, – признался Аркаша.

– Тогда слушай!

Аркаша понял, что угадал правильно: Ричард очень любил рассказывать и даже читать лекции. Ему бы тысячу учеников и слушателей, он был бы счастлив.

– Жизнь на Земле возникла примерно четыре миллиарда лет назад. До сих пор среди ученых нет единого мнения, как это произошло. Некоторые думают, что из космоса были занесены споры, другие полагают, что одноклеточные организмы возникли из белков и аминокислот. Но сейчас нам важнее посмотреть, что происходило потом. В теплых мелких морях первобытной Земли сначала зародились простейшие организмы, вроде амёб, потом они становились все сложнее, пока не появились рыбы, медузы и другие морские жители.

Аркаше все это было, конечно, известно, но как хорошо воспитанный мальчик он слушал Ричарда не перебивая и ждал, когда тот перейдет к делу. Но Ричард, оказывается, думал совсем о другом.

– Ты, пожалуйста, только не смейся, – сказал он, – но я решил, что историю Земли лучше всего рассказывать в стихах. Вот я и написал небольшую поэму. Это педагогическая поэма. Ты будешь ее слушать, и перед твоим внутренним взором пройдут яркие картины прошлого. Хорошо?

Аркаша ожидал всего, что угодно, только не поэмы.

– Когда я был юношей, – продолжил Ричард, – я влюбился в девочку Мальвину. Но она сказала мне, что уже дружит с другим мальчиком, потому что он умеет писать стихи. «Как так?!» – воскликнул я. – Ведь я учусь лучше, чем Вася, я прыгаю в высоту на десять сантиметров выше, чем он, я имею третий разряд по шахматам, и ты дружишь с ним из-за того, что он может поставить рядом слова «кровь» и «любовь»? Да это каждый сможет!» – «А ты попробуй», – сказала Мальвина.

Я просидел двенадцать ночей, получил шесть двоек, потому что мне некогда было учиться, я измучил компьютер, потому что все стихи, которые я придумал, уже были кем-то написаны раньше. Меня подвела хорошая память. Стоило мне написать «Я встретил вас и все былое...» или «Средь шумного бала, случайно, в тревоге мирской суеты...» или даже «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!», а потом спросить у компьютера, не встречал ли он раньше этих строк, он сразу отвечал мне: «Пушкин это написал, Лермонтов это написал...» Тогда я полетел в деревню, там отыскал на птичьем дворе гусиные перья, заточил их и стал писать перьями на бумаге...

– Перьями? Как Пушкин? – удивился Аркаша.

– Это мне тоже не помогло, – признался Ричард. – И я оставил поэзию на пятнадцать лет. А вот в прошлом году снова взялся за гусиное перо...

– Снова влюбился? – спросил Аркаша.

– Нет, я понял, что история Земли – это тема для великой поэмы! Если я смогу передать моим ученикам и друзьям свои чувства, то они будут отправляться в прошлое как дон-кихоты. Хочешь послушать историю Земли в стихах?

– Разумеется, очень хочу, – сказал Аркаша. – Просто мечтаю. Если, конечно, ваша поэма не очень длинная.

– Ну как так можно ставить вопрос! Длина произведения не зависит... то есть значение поэмы не зависит от длины!

– Я не хотел вас обидеть, – сказал Аркаша. – Я сам читал некоторые очень длинные стихотворения, но они мне понравились.

Ричард посмотрел на Аркашу, склонив курчавую голову, и вдруг сказал:

– Знаешь, Сапожков, иногда мне кажется, что ты куда умнее, чем хочешь меня убедить.

– Ни в коем случае! – ответил Аркаша. – Я не очень умный, но хорошо учусь.

– Эту фразу, – сказал Ричард, – надо выложить золотом над Академией наук. Ну хорошо, начнем заниматься поэзией.

Ричард поднялся из-за стола, вышел на середину комнаты, встал перед стулом, на котором сидел Аркаша, и поднял руку. Потом откашлялся. Потом покраснел. Судя по всему, великий научный сотрудник, доктор наук жутко стеснялся одного пятиклассника.

*Когда-то давно,
Так сказать, на заре мироздания,
А может, давнее, в начале первичных времен,
Земля по Вселенной
Летела ужасно пустая
И голая, словно
Арбуз или даже лимон.*

Ричард печально вздохнул и завершил стихотворение так:

*...Ни гор, ни заливов, ни четких границ или стран.
Куда ни помотришь – лишь мелкий парной океан.*

Ричард замолчал. Аркаша тоже молчал, он не знал: надо ли хвалить эти стихи или Ричард будет читать дальше? Ричард подождал-подождал, потом спросил:

– Можно дальше читать? Так сказать, вторую главу?

– Конечно! – обрадовался Аркаша. – Я жду.

– Брраво! Брраво! – закричал со шкафа попугай.

Ричард продолжал:

*Летая вот так, миллиарды недель и столетий,
Само совершенство, а значит, несчастная очень
Взмолилась Земля,
Упросила космический ветер,
Чтоб он постарался
Хотя бы немножко помочь ей.
И ветер послушно понесся в глубины Вселенной,
На поиски жизни, для нашей планеты безвредной.
Чтоб мелкой, послушной, не очень кусачей была:
Ведь наша невеста полжизни одна провела!*

Голос Ричарда окреп; он читал стихи, подняв к потолку правую руку, как юный Пушкин. Они даже похожи были с Пушкиным. Его голос звенел:

*Космический ветер
Микробов принес, инфузорий
И даже амёб,
Очень схожих по форме с фасолью,
Глупейших простейших
И просто простейших простейших,
Размером в микрон
Или в тысячу раз его меньше.
И все эти твари —
Красавцы, а чаще уроды —
Мгновенно ушли в глубину, в малосольные воды.*

Чем дальше читал Ричард, тем больше поэма нравилась Аркаше. Хоть он сам раньше стихов не писал и учить наизусть их не любил, сейчас он подумал, что не мешало бы кое-что запомнить.

А Ричард между тем продолжал:

*Века миновали.
И были они знамениты
Тем, что инфузории выросли до трилобитов
В подводных долинах,
В пещерах и даже на скалах
Плодились трепанги, акулы, кораллы, кальмары...
Медузы, омары и рыбы различных размеров
В рассоле водились,
В условиях самых тепличных,
Пока в океане им тесно и душно не стало...
Там скаты парили,
Как стеганные одеяла,
На них, как подушки,
Лежали витые ракушки,
А звезды блестели,
Как серьги в ушах у подружки.
Над ними неспешно скользили морские коньки,
Как будто по льду,
Натянувши на хвостик коньки...*

Ричард перевел дух и спросил Аркашу:

– Хочешь чаю? Или кофе?

– Спасибо, лимонаду, – сказал Аркаша.

Ричард нажал кнопку, из стены выехала полочка, на которой стоял бокал лимонада и чашечка с кофе, над которой поднимался душистый пар.

– Сейчас начнется самое главное, – сказал Ричард. – Я попытался показать в стихотворной форме процесс переселения живых существ на сушу. Тебе не надоело?

– Ни в коем случае! – ответил Аркаша, маленькими глотками отхлебывая холодный игристый лимонад. – Продолжайте!

Ричард подумал, вспоминая, и заговорил вновь:

*Неглупая рыба,
Которую звали тортилла,
Четыре ноги и две крышки себе отрастила
И вышла на берег.
Ей следом кричат: «Не спеши!»
Она отвечает:
«Как мило, что здесь ни души».
Та рыба тортилла по пляжу гуляла без страха.
С тех пор мы с тобой называем ее черепахой.
Вот так началось берегов и полей заселение.
Была пустота,
А теперь здесь живет население.
Живет и растет
Под кустарником или под пальмами,
В тени баобаба места себе выкроив спальные.
Там был червячок,
По размеру совсем пустячок.
Теперь динозавр встречает тебя горячо.
Его не дразни, не побей, не задень, не серди ты.
А то наступил —*

Вот и нету тебя, троглодита!

Летит птеродактиль:

Уступит он туче едва ли.

Такие страшилки – скорей бы они вымирали!..

Ричард замолчал, допил кофе, потом сказал:

– Остался последний раздел. И он самый важный для наших с тобой исследований. Слушай:

Не знаем причин,

Не имеем об этом преданий.

В конце мезозоя надвинулось похолодание.

И насморк косил бронтозавров,

И бил их бронхит

За все их грехи.

Но какие у тварей грехи?

Леса опустели – как следствие этого мора,

А в них расплодились

Поганки и мухоморы.

Но некому было ходить в те века по грибы.

Опята поднялись повыше фабричной трубы...

Ричард замолк.

Молчание было долгим и тяжелым.

Его нарушил попугай.

– Птичку жалко! – проскрипел он со шкафа.

– Хорошие стихи, – сказала Аркаша. – Большое вам спасибо, что вы их прочитали. Я давно ничего такого задушевного не слышал.

– А с точки зрения обучения? – спросил Ричард. – Тебе помогла моя поэма увидеть мир динозавров?

– Конечно, – уверенно ответил Аркаша. – Я запомнил, что моря в древности были мелкими и теплыми, что сначала жизнь развивалась в море, а потом некоторые рыбы вылезли на сушу. Я запомнил, что летающего динозавра называли птеродактилем, а самого большого – бронтозавром. А эпоха, в которую я отправляюсь, называется мезозоем.

– Молодец! – воскликнул Ричард. – У меня еще не было такого умного и воспитанного практиканта, который так хорошо разбирается в поэзии! Теперь иди в просмотрный зал, и тебе покажут всех основных обитателей средней эпохи – мезозоя, а точнее, ее конца – мелового периода. Он закончился шестьдесят пять миллионов лет назад. Именно тогда и вымерли все динозавры, которые более ста миллионов лет господствовали на нашей с тобой планете. Иди, мой юный друг, наука надеется на тебя!

– Спасибо, – сказал Аркаша. – Но мне интересно: есть ли у вашей поэмы продолжение?

– Ах, ты меня удивляешь! – смутился Ричард. – Кое-что я, конечно, написал, но, честно скажу, никому не показывал. Я стесняюсь.

– А зррря! – прокричал попугай. – Дай нарроду стихи!

– Вот видите, – сказал Аркаша, – и другие хотят послушать.

– Попугай тоже меня удивляет, – признался Ричард. – Казалось бы, что ему стихи? Птица приблудная, прилетел неизвестно откуда.

– От веррррблюда! – закричал попугай. – Полундррра!

– Ну хорошо, – сказал тогда Ричард. – Оставим поэзию. Теперь, когда ты просмотришь видеоматериалы, наш кинооператор научит тебя управляться с мини-камерой – ведь ты будешь снимать кино.

– Настоящее кино?

– Разумеется. Неужели тебе непонятно, что любой опыт, любое путешествие имеют смысл, только если ты сохранил документы. Так что мы ждем фильмов от всех наших практикантов. За практику вы все получите отметки, а за фильм – отдельно. И если фильм удастся, то мы его пошлем на фестиваль документальных фильмов, и ты можешь стать лауреатом.

Аркаша ничего не сказал, но конечно же ему захотелось снять документальный фильм лучше всех. Но он не Пашка Гераскин, который сразу же начал бы хвастаться. Аркаша сначала делает, а потом уж смотрит – получилось или нет.

Глава пятая СПУТНИК ШПИГЛИ

Весь день ушел на подготовку к путешествию. Домой Аркаша вернулся только к вечеру, в темноте. Мороз усилился, выпал снежок, под фонарями он блестел и пускал искорки. Малыши везли за собой санки – на них снова пошла мода, как и на коньки. И на катке на Чистых прудах было не протолкнуться. Сквозь снежные хлопья пробивался вальс, и некоторые конькобежцы, постарше, танцевали под эту музыку.

Как раз у катка Аркашу и встретил дедушка. Он делал вид, что только что вышел погулять с собачкой, но собачка Пьеро давно уже замерзла и даже поджимала лапки. Не привыкло животное гулять так подолгу.

– Ты уже домой идешь? – Дедушка шмыгнул носом, делая вид, что только что вышел на улицу.

– Пошли домой, – сказал Аркаша. – Простудишься. Ведь погода не для пожилых людей.

– Я не очень пожилой, – сказал дедушка. – Я еще в волейбол играю.

Они пошли домой, и дедушка стал расспрашивать Аркашу, что интересного он узнал.

Аркаша вспомнил поэму Ричарда и прочел ее дедушке. Дедушке поэма не очень понравилась.

– Надеюсь, – сказал он, – директор твоей школы запретит эти глупые поездки детей к динозаврам.

– У нас умный директор, – ответил Аркаша, который испугался, что дедушка начнет принимать меры и запрещать практику. – И не мечтай, дедуля, оставить меня дома. Ты опозоришь меня перед товарищами, и тогда мне придется уйти из школы, и никто не подаст мне руки.

– А ты им скажешь, что дедушка виноват, – последовал ответ. – Пускай меня все презирают. Зато ты останешься жив и здоров.

– Дедушка, – спросил Аркаша, – а до какого возраста ты будешь держать меня в вате?

– Никто не держит тебя в вате! – обиделся дедушке. – Я же не мешаю тебе летать на планету Пенелопа. Я не возражаю, когда ты выводешь жирафов или занимаешься другими рискованными опытами. Но динозавры – это слишком!

– Тогда, дорогой дедушка, – сказал Аркаша, – мне придется с тобой попрощаться. Я ухожу из дома. И меняю фамилию. Мне стыдно быть Сапожковым. Я стану Ботинкиным.

Собачка Пьеро залаяла от ужаса, она ведь была старенькая и трусливая, а дедушка сказал:

– Сейчас я лишусь чувств. Ты можешь сразу вызывать «Скорую помощь».

Но на самом деле дедушка чувств не потерял, потому что в последний раз упал в обморок в пятилетнем возрасте, когда ему не досталось сливового варенья, и с тех пор забыл, как это делается.

Аркаша шел домой и думал, как хорошо быть сиротой!

Может быть, такая мысль посещала и тебя, уважаемый читатель? Мне она знакома.

Но обычно мы только начинаем рассуждать на эту тему, а потом вдруг вспоминаем, что нас кому-то надо кормить, одевать, пришивать нам пуговицы и даже отвозить на каникулы в Крым к бабушке Соне.

Но самые дурные предчувствия Аркаши оправдались дома.

Все там, от бабушки до сестренки и собачки Пьеро, уговаривали его не ездить к страшным динозаврам, а вместо этого пойти в зоопарк или даже в цирк.

Но Аркаша был тверд как скала. Ведь это его школа, его практика, его дела – когда-то человеку пора становиться взрослым, а родные Аркаши никак не могли смириться с тем, что он уже почти мужчина. Еще немножко – и он даже женится. Посмотрим, как вы тогда попрыгаете, дорогие родственники!

Так что Аркаша, как скала, выдержал все уговоры, угрозы и нападки, а потом улегся спать и спал без снов и страхов, потому что если ты вырос в семье Сапожковых, тебе не страшны никакие динозавры. И в меловом периоде мезозойской эры ты будешь как дома.

Утром Аркаша сразу провидеофонил Алисе, спросил, как дела.

Алиса сказала, что собирается в школу и еще не решила, куда отправится на практику.

– А я сегодня улетаю к динозаврам, – сказал Аркаша. – До свидания.

– Осторожнее, – сказала Алиса. – Смотри наверх.

– Почему наверх?

– Чтобы на тебя сверху кто-нибудь не наступил.

Прощавшись с Алисой, Аркаша поспешил в Институт времени.

Там все было по-прежнему, только старый пират спал на раскладушке. Недопитая бутылка стояла на полу. За столом вместо него сидел очень красивый робот Вертер, с которым Аркаша был знаком по старым приключениям.

Робот и провел Аркашу в зал подготовки.

Там его ждали диагносты, которые проверили его здоровье, а затем проводили в следующий зал, где оператор показал Аркаше кинокамеру. Пришли портные и сапожники – для Аркаши уже были готовы куртка и брюки зеленого цвета, чешуйчатые, облегающие и очень скользкие. Портные объяснили, что в этой одежде Аркаша не будет выделяться среди динозавров.

Наконец Аркашу отправили в зал, где его ждал Ричард.

– Привет, – сказал Ричард. – Хочу тебя познакомить с твоим помощником.

– С помощником? – удивился Аркаша. – А я думал, что лечу в меловый период один.

– Это не человек, – объяснил Ричард. – Это обслуживающее устройство – сразу и справочник, и подсказчик, и охранник, и верный помощник.

Он открыл сейф и вытащил оттуда пушистую меховую полоску шириной в два пальца.

– Протяни вперед руку. Вот так. – Ричард обернул запястье Аркаши пушистой полоской – она была теплой и мягкой. И сразу охватила руку, будто теплыми пальцами.

– Это твой помощник, – сказал Ричард. – Таких приборов во всей Галактике – раз-два, и обчелся. Мы их выдаем только тем сотрудникам, которые отправляются в очень далекие и опасные путешествия.

– Это прибор? – удивился Аркаша.

Руке было тепло и уютно.

– Это не совсем прибор. Вернее, совсем не прибор. Это разумное существо.

– Вот именно! – прозвучал в мозгу Аркаши незнакомый ворчливый голосок. – Я не прибор, и попрошу меня не оскорблять.

– Телепатия? – удивился Аркаша.

– Называй как хочешь, – раздался внутренний голос. – Я свои деньги зарабатываю честно.

– Может, объясните? – спросил Аркаша.

– Я объясню, – сказал Ричард. – Спигли – существо разумное, но не живое.

– Во-первых, Шпигли, а не Спигли, – прозвучало у Аркаши в голове, – а во-вторых, что это значит – не живое существо? Я живее всех живых!

– Шпигли, – сказал Ричард, – это компьютер, который разработали специально для императрицы Соод из империи Тревокладов, которая не выносит ничего твердого, железного и даже пластикового.

– Почему?

– Потому что в юности на нее столько раз покушались – стреляли, кололи кинжалами, роняли на нее бетонные плиты, пытались отрубить голову, – что она, когда пришла к власти, запретила на своей планете даже сухари, не говоря уж о палках. С тех пор там ходят пешком, потому что никому еще не удалось придумать мягкого двигателя. Но мягкий компьютер ей

придумали. Это белковый биокомпьютер, на нем растет шерсть, и раз в году он делится на две половинки и таким образом размножается.

– Если я размножаюсь, значит, я существую, – сказал Шпигли.

– Императрица Соод страдает провалами памяти, – продолжал Ричард. – Но не хочет, чтобы об этом кто-то догадался. Так что ее мягкий компьютер Шпигли овладел телепатией и может говорить беззвучно – его голос раздается прямо в мозгу хозяина. А хозяин его тот, кто надел Шпигли себе на руку.

– Я не компьютер, – сказал Шпигли. – Я лучший в мире подсказчик.

Аркаше было странно слышать беззвучный голос браслета. Но человек ко всему привыкает.

– Так как Шпигли размножается, то императрица стала ими торговать. Она не хотела, конечно, чтобы у кого-то еще в ее империи появились свои Шпигли. Поэтому, как только отпочкуется новый браслетик, она вызывает свое доверенное лицо Лиандру Восс и та выходит на связь с Интергалактической полицией. Агент полиции тут же летит на связь с Лиандрой Восс и получает от нее прибор.

– Нет, не прибор, а существо – страдающее, одинокое, никому не нужное существо, – сказал Шпигли.

– Наверное, теперь их уже много, если каждый двоится, – сказал Аркаша.

– О нет, мы так мало живем, мы такие хрупкие и незащищенные, – беззвучно ответил Шпигли. – Вернее всего, мы скоро вымрем, и во Вселенной не останется самых умных, самых добрых и чутких представителей нашего племени.

– Они в самом деле очень редкие и таинственные, – сказал Ричард, – иначе бы ты о них слышал. Надеюсь, что вы подружитесь.

– Но зачем мне нужен... – Аркаша спохватился, что браслетик может обидеться, и поправил себя: – Зачем нам путешествовать вместе?

– Ты отправляешься в очень дикое время. Если что случится, тебя и танки не спасут.

– А я спасу, я не раз уже спасал глупых мальчишек и девчонок, – беззвучно произнес Шпигли.

– Наш друг прав, – сказал Ричард. – Ему доступны мысли и намерения всех живых существ.

– А разве у динозавров есть мысли? – спросил Аркаша.

– У них не такие сложные мысли, как у тебя, – ответил Ричард, – но мысли наверняка есть.

– Например, у них всегда есть мысль, как бы сожрать этого мальчишку, – вмешался в разговор Шпигли и засмеялся тонким голоском.

– Шпигли прав, – вздохнул Ричард. – Может быть, тебе лучше отказаться от этого путешествия? Мы тебе подыщем тайну поближе и поспокойнее. Например, кто построил Эйфелеву башню? Кстати, кто?

– Ну этот, – отмахнулся Аркаша. – Я знаю. Я только на минутку забыл.

Шпигли хохотал так, что у Аркаши рука дрожала.

– Ее построил тот же самый мужик, – завизжал браслет, – кто построил Суэцкий канал.

Тут Аркаше стало очень стыдно.

– Простите, – сказал он, – я думал, что Эйфелеву башню построил Эйфель, а Суэцкий канал – Суэц.

Тут уж Ричард со Шпигли не могли остановиться – они хохотали минут пять.

Аркаша стоял мрачный, ему даже улыбаться не хотелось. Конечно, будь на его месте Пашка Гераскин, он бы нашелся что сказать. А тут стоишь дурак дураком.

Отсмеявшись, Ричард сказал:

– Теперь я убежден в том, что тебе по плечу тайна динозавров. Ну как, не отказываешься?

– Вы лучше скажите мне, кто построил Эйфелеву башню... ой нет! Кто построил Суэцкий канал?

– Его построил инженер Лессепс в середине девятнадцатого века, – прошелестел Шпигли. – И еще он потом попытался построить Панамский канал, но получилась крупная афера, известная в истории под названием «Панама». Лопнула лавочка!

– Не может быть, чтобы вы все это знали! – воскликнул Аркаша.

– Это не я знаю! – ответил браслет. – Это знает твой друг Ричард Темпест, а я просто заглядываю к нему в мысли.

– Теперь ты веришь, что Шпигли тебе понадобится? – спросил Ричард.

– Верю, – кивнул Аркаша.

– Но я еще не согласился, – вмешался в разговор Шпигли. – Я не намерен рисковать своей шкуркой бесплатно. Я ставлю условие.

Аркаша стоял, переводя взгляд с собственной руки, которую охватил Шпигли, на Ричарда. Ему еще не приходилось попадать в такую фантастическую ситуацию: на его запястье браслет, который вовсе не браслет, а существо, которое вовсе не существо. И оно разговаривает без голоса – мысленно – с сотрудником Института времени, который этому не удивляется.

– Знаю я твое условие, – ответил Ричард, – Ну нет у нас сейчас для тебя друга и товарища. Как только достанем другого Шпигли, мы вас сразу познакомим.

– Ну ладно, – смиловился тогда браслет. – Должен сказать, что вы, люди, теряете массу лишнего времени на пустые разговоры. В конце концов, мы идем в мезозойскую эру или не идем?

– Пошли, – сказал Ричард.

Снаружи, в коридоре, их ждал робот Вертер.

– Не обращай внимания, – сказал Ричард. – Вертер считает, что наш институт надо как следует охранять. Сюда могут забраться космические пираты или какие-нибудь разбойники.

– Очень мы их испугались! – возмутился браслет.

– Вот по-я-вят-ся, тог-да ис-пу-га-ешь-ся, – сказал Вертер.

– Как там наш старик Сильвер? – спросил Ричард.

– Вер-нул-ся в се-бя и при-сту-пил, – ответил Вертер.

Аркаша вошел в зал, где стояла машина времени.

Она была совсем не похожа на машину.

Небольшая круглая платформа с полметра высотой находилась в центре необычного зала. Казалось, будто они вошли внутрь колоссального мыльного пузыря, который приклеился к полу. А вы знаете, что если мыльный пузырь приклеится к полу, то останется только его верхняя половинка.

Внутри мыльного пузыря было светло, по стенам переливались радужные полосы, а в центре на небольшой круглой платформе стоял стеклянный стакан выше человека ростом. В нем находился небольшой пульт на ножке с несколькими квадратными кнопками. Вот и все.

– Ну, иди, – сказал Ричард. – В случае чего, мы тебя оттуда вытащим. Но не забывай ни на секунду – это не игра. Ты будешь жить в самой настоящей древнейшей мезозойской эре, вокруг тебя будут находиться самые настоящие чудовища.

– Не пугайте ребенка, – мысленно произнес Шпигли. – А то его дедушка закроет ваш институт.

– Я пошел, хорошо? – спросил Аркаша, которому уже надоели разговоры. Все эти взрослые полагали, что имеют дело с мальчонкой-несмышлеником. Но он же не какой-нибудь глупый ребенок двадцатого века! Он живет в космическую эру, он уже навиделся всяких чудес и пережил немало приключений. Так что мы и в мезозойской эре не пропадем. Только нам, детям, приходится куда труднее, чем взрослым. Когда они отправляются в поход, никто не вис-

нет на них как гири – ни дедушки, ни мамы. А здесь тебе приходится одновременно бороться с динозавром и с любимой бабушкой Соней.

Рассуждая так, Аркаша пошел к возвышению. Когда он вступил на него, прозрачная дверь машины времени закрылась.

– Нажми на зеленую кнопку, – послышался голос Ричарда.

– Только не сильно, – подсказал Шпигли. – Приложи меня к кнопке.

Аркаша послушался.

И тут же стенки машины времени стали мутнеть, словно на них плеснули молоком.

Из пульта поднялись белые поручни.

– Держись крепче! – приказал Шпигли. – Не ушиби меня.

Все вокруг завертелось, понеслось, будто Аркаша пикировал в густых облаках.

Он крепко держался за поручни и старался не бояться. Хотя было страшновато.

Внезапно все прекратилось. Он стоял у пульта, в кабине, словно никуда и не двинулся. Муть рассеивалась, и за стеклом была темнота.

– Я тоже немного испугался, – сказал Шпигли. – Казалось бы, чего бояться?

Аркаша был благодарен браслету за то, что тот не стал смеяться над страхами своего спутника.

Дверь машины времени отъехала в сторону, и воцарилась полная тьма. Аркаша даже зажмурился. Он хотел спросить Шпигли, что ему делать дальше, но не успел, потому что тот сам сказал:

– Смотри под ноги, герой.

Аркаша посмотрел под ноги и увидел, что от машины времени в темноту уходит цепочка светящихся пунктиров – как разделительная полоса на шоссе. Аркаша догадался, что по ним и надо идти.

– Голову можешь не нагибать, – сказал Шпигли, – потолок высокий.

– А где мы? – спросил Аркаша.

– В пещере. Где же еще? В прошлом все машины мы стараемся ставить в пещерах, которые сохранились до наших дней. Это надежнее, чем оставлять их снаружи. А то уже бывали несчастные случаи. Нам приходилось специальные спасательные экспедиции посылать.

– Вы так странно говорите, – сказал Аркаша, – как будто давно работаете в институте.

– А чего тут удивительного! Конечно, я работаю, а не бездельничаю, как твой любимый пират Сильвер. Или какаду ободранный. Я все время в экспедициях. Причем мне несладко приходится. Кстати, я пишу кандидатскую диссертацию.

– Какую? – спросил Аркаша.

– Не смей смеяться!

– Я и не думал.

– Еще как думал. Для того я и читаю мысли, чтобы знать, кто смеется, а кто притворяется. А ты сейчас надо мной смеялся.

– А на какую тему вы пишете диссертацию? – спросил Аркаша, чтобы сменить тему разговора.

– О глупых суевериях гомо сапиенс. Ты когда-нибудь слышал о гомо сапиенс?

– Слышал. Это разумные люди. Это я.

– Вот вас я и изучаю. Что мне остается делать, если ног у меня нет, зато я могу заглянуть в ваши извилистые мозги.

Тут разговор прекратился, потому что впереди показалось круглое пятно света. Пещера кончилась. Они вышли на свободное место.

Аркаша подумал: «Какой ужас! Если этот браслетик будет все время разговаривать, я никогда не смогу изучить прошлое! Я даже динозавров не увижу».

Но Аркаша опять выпустил из памяти, что его браслет все понимает и пасется в его голове, как овца на зеленом лугу.

И ответ Шпигли не заставил себя долго ждать:

– Я могу и вообще замолчать. Я буду молчать даже тогда, когда ты будешь меня умолять: дорогой Шпиглик, скажи, пожалуйста, что думает обо мне вон тот динозавр! А я буду молчать, как партизан на допросе. Вот с этого момента я молчу. Молчу, и ни слова! Считаю, что ты остался совершенно один. И мучайся теперь от одиночества...

– Я согласен! – закричал Аркаша. – Я согласен мучиться от одиночества и остаться совершенно один. Я согласен!

– Вот и оставайся, – сказал браслет. – Некоторые уже пробовали без меня здесь обойтись, но ответь мне, мой юный друг-практикант, где лежат их белые обглоданные пантерами косточки? Молчишь? Не знаешь или не хочешь сказать?

– Все, я догадался, – сказал Аркаша.

Он схватил браслет и потянул, чтобы расстегнуть. Но тот вцепился, вклеился, присосался к запястью и не желал отделяться от хозяина.

– Как ты смеешь! – беззвучно кричал он. Но от этого беззвучия у Аркаши голова раскалывалась.

– Послушайте, Шпигли, – сказал он. – Если вы не перестанете болтать, я вернусь обратно.

– Ты не имеешь права!

– Постольку поскольку вас на меня надели как помощника, – строго сказал Аркаша, – вряд ли Ричард вас будет поддерживать. А я имею право командовать.

– Ах ты, генерал нашелся! Академик! – проворчал Шпигли. – Посмотрим, как ты заговоришь, когда за тобой трицератопс погонится. Или археоптерикс тебя клонет в темечко.

Шпигли так увлекся собственной речью, что ослабил хватку, и Аркаше удалось снять его с руки и кинуть на пол.

Глава шестая

НАСТОЯЩИЕ ДИНОЗАВРЫ!

Аркаша стоял на склоне горы, за его спиной поднимался высокий отвесный обрыв. Вход в пещеру скрывался за могучими кустами папоротников, выше человека ростом.

Воздух был жарким и влажным, лучи солнца едва пробивались сквозь туман. В нем таяли деревья и долина внизу. Было тихо, только жужжали комары.

Ах! Один комар укусил Аркашу в шею. Еще чего не хватало! Неужели они уже появились в мезозойскую эру? Что же он теперь, должен их терпеть?

– Аркадий! – прошуршало в мозгу. – Аркадий! Сапожков! Откликнись!

– Ну что вам еще надо?

– Аркадий, вернись, я пригожусь тебе!

– Нет уж, – ответил Аркадий.

Он говорил вслух, ему надоели эти телепатические перешептывания.

– Нет уж, – повторил он. – Обойдусь без вас.

– Но я боюсь темноты! – ответил прибор.

– Сказки, – сказал Аркаша. – Ничего не случится. Когда вернусь обратно, я захвачу вас в Институт времени.

– О нет! – возопил Шпигли. – Они же меня уволят! Как могло случиться, что я попался на жалкую уловку какого-то мальчишки? Они мне не разрешат защитить диссертацию! Моя карьера погублена.

«Ох уж этот помощник, – подумал Аркаша, отойдя за угол скалы, чтобы его мысли не доносились до Шпигли. – Думает только о себе, о своей диссертации».

На душе у Аркадия было легко. Если бы не комары, он был бы совершенно счастлив. Он вспомнил, как в детстве читал сказку про Синдбада Морехода. В той сказке какой-то злой карлик сел верхом на морехода и таскался на нем, не слезая даже ночью. И приходилось его кормить и развлекать. Так и с этим надоедливым Шпигли. Но постольку поскольку...

Откуда-то принесся ветерок, он разогнал туман. Перед Аркашей открылась обширная, покрытая травой долина с редкими купами деревьев. По ней протекала медленная речушка, заросшая по берегам тростником и хвощами, похожими на солдатиков. Недалеко от холма речушка вливалась в болото, и вот в этом болоте Аркаша впервые увидел жителей мезозойской эры.

Издали трудно угадать, большой или маленький предмет перед тобой. Нужен масштаб. То есть что-то должно быть рядом для сравнения.

А здесь все растения были незнакомыми, и не поймешь – вон то могучее на вид дерево достаёт до облаков или только до пояса?

И болото там, внизу, обширное, не переплывешь, или только большая лужа?

Аркаша смотрел на животных, которые пришли к болоту на водопой, как будто рассматривал картинки в справочнике. Ведь у него хорошая память, и он их всех помнил.

Вот бредет по болоту, по колени в воде, вытянув длинные шеи, стадо диплодоков. Таких динозавров чаще всего рисуют в детских книжках или снимают в кино – это медленные громады, длиной в поезд, высотой в пятиэтажный дом, их тело похоже на веретено. По одну сторону от туго обтянутого шкурой живота вытянута длинная шея, которая оканчивается маленькой головкой, по другую – такой же длины, похожий на шею хвост, который ничем не оканчивается. Шея и хвост друг дружку уравнивают, так что динозавр не может ткнуться носом в грязь или сесть на хвост. Ногам такого диплодока приходится труднее всего – им же надо удержать на весу всю эту тушу. Аркаша попытался вспомнить, сколько весит диплодок и какого он размера. Длина двадцать метров, вес тридцать пять тонн... – эти цифры лежали в

памяти, но ровным счетом ничего не говорили. Надо бы спуститься поближе, постоять рядом, снять на камеру, и тогда все станет понятно.

«Что же, – сказал сам себе Аркаша. – Нельзя терять времени понапрасну. Таинственные динозавры ждут нас. Если я буду тут прохладиться, они могут вымереть».

Аркаша направился вниз, раздвигая ветки кустов.

И вдруг кто-то ударил его по ноге.

Аркаша даже подпрыгнул от удивления.

Небольшой ящер, ростом всего по колено Аркаше, тоже подпрыгнул и кинулся наутек. Знаете, на кого он был больше всего похож? На ошипанную курицу! Только ростом с гуся.

Этот хулиган, который кидается на людей, был ярко раскрашен зелеными и синими полосами, что было неспроста. Стоило динозаврику ускользнуть в кусты, он сразу исчез. Его окраска, такая яркая на открытом месте, стала сразу маскировкой.

Наверное, Аркаше надо было испугаться, но он рассудил, что вряд ли существо такого размера опасно для человека.

Успокоив себя, Аркаша сделал несколько шагов вниз и увидел, что ему перегородил дорогу еще один динозавр. И тоже небольшого роста. Динозавр сидел, опершись на толстый хвост, сложив на пузе лапки, – ну точный кенгуренок, только не пушистый, а блестящий. Особенно блестел у этого динозавра живот, желтый, покрытый крупной чешуей.

– А тебе чего надо? – спросил Аркаша.

Динозавр склонил голову. Голова была небольшая, с кулак. Потом динозавр улыбнулся. А может быть, оскалился. Зубки у него оказались маленькие, остренькие, а пасть – змеиная, довольно большая. Аркаша ничего не успел сказать этому наглому существу, так как в этот момент к нему на плечо опустилась стрекоза.

Ничего подобного Аркаша не видел. Он даже камеру не стал вынимать, чтобы не спугнуть эту невероятную красавицу. Размером стрекоза была с ворону, крылья у нее были широкие, радужные, перепончатые, в громадных шарах глаз – с вишню каждый – отражались небо, облака и сам Аркаша.

Открыв рот, Аркаша любовался прекрасным созданием, но недолго. Его созерцание грубо прервал динозаврик, сидевший у него на пути. Он прыгнул, как кенгуру, ударил передними лапками и грудью Аркашу в плечо так, словно тот не был живым человеком и царем природы, и схватил в пасть прекрасную стрекозу.

Аркаша от этого удара сел на траву.

– Так мы не договаривались, – мрачно сказал он, – я не яблоня, а стрекоза не яблоко. Не забудь, что она может быть уже занесена в местную Красную книгу, а ты уничтожаешь редкую дичь. Понял?

Динозавр уселся и, помогая себе маленькими передними лапками, проталкивал стрекозу в открытую пасть. Он смотрел на Аркашу с удивлением: с чего этот незнакомый зверек читает мне нотации?

Сзади слышалось шуршание.

Аркаша обернулся.

К нему несся динозавр среднего медвежьего размера, он прыгал, ломая ветви, как будто увидел друга детства и спешил с ним обняться.

Это совсем не понравилось Аркаше. Он отпрыгнул с пути динозавра. У новенького было низкое массивное тело на коротких массивных ногах, он бежал переваливаясь, как медведь.

И тут Аркаша сделал свое самое первое открытие в мире динозавров: все эти чудища похожи на каких-то современных животных!! Может быть, кенгуру произошли от динозавров? И медведи тоже? Как Аркаше хотелось посоветоваться с умным человеком!

Пока он так думал, покрытый чешуей медведь с тяжелой короткой мордой со страшным ревом развернулся, чтобы напасть на Аркашу. Если верить книгам и фильмам, динозавры

большей частью невероятные гиганты и охотятся друг за другом, а не за туристами и исследователями, которых просто не замечают. А они оказались весьма противными созданиями разных размеров.

Рассуждая так, Аркаша подумал, что, пожалуй, он зря расстался со Шпигли. Браслет мог помочь ему именно теперь.

«Давай-ка я поднимусь и возьму его», – подумал Аркаша.

Но сделать этого ему не удалось.

Потому что неподалеку от него медленно трусил мелкий динозавр чуть побольше кошки. Он был похож на бобра и не бежал, а прыгал, отталкиваясь хвостом.

В зубах этот динозавр держал рыжую тряпочку.

Может быть, Аркаша и не сообразил бы, кого тащит динозаврик, но тут до его мозга донесся отчаянный крик:

– Аркадий, прекрати это безобразие! Разве ты не видишь, что меня взяли в плен?! Неужели ты допустишь, чтобы твоего товарища растерзали какие-то пресмыкающиеся?

И пока Аркаша старался сообразить, что же происходит, его спутник принялся распевать детскую сказочную песенку, которую Аркаша конечно же давно забыл:

– Несет меня лиса в далекие леса, за высокие горы, в широкие просторы! Спасите меня скорей, да не вижу богатырей! Был у меня друг Аркадий, да в душу он мне нагадил!

– Хватит! – закричал Аркаша. – Животное, отдай мне ценный прибор!

Динозавр, услышав крик Аркаши, припустил еще быстрее, и конечно же Аркаше никогда бы не догнать похитителя Шпигли, если бы на пути этого негодяя не показался неожиданный спаситель.

Это тоже был динозавр. И Аркаша даже вспомнил, как он называется: пахицефалозавр.

В книжке о приключениях глупо перечислять имена динозавров. Ведь ученые называли их по-латыни, а латынь – это мертвый язык. На нем говорили жители древней Римской империи. Потом этот язык все забыли, а когда через пятьсот лет вспомнили, оказалось, что это уже не латынь, а итальянский язык. К тому времени римлянами себя называли внуки и правнуки тех варваров, которые когда-то пришли сюда, чтобы завоевать и грабить Рим и другие богатые города. Они перебили часть римлян, а другую сделали своими рабами. Понемногу все перемешались, и получились итальянцы. Но итальянцы – люди гордые, и потому они себя называют римлянами, хотя говорят совсем не на римском языке. А язык бывших римлян, то есть латынь, никуда не пропал. Ведь на нем были написаны все те законы, которыми пользуются в мире и сегодня, на нем первые врачи писали свои первые рецепты, а первые ученые давали названия открытым ими зверям. Вот и пошло с тех пор: если ты считаешь себя настоящим ученым, то будь любезен, пользуйся древним языком – латынью, иначе твои коллеги сочтут тебя невеждой.

Поэтому всех динозавров ученые называли и до сих пор называют по-латыни.

А если перевести эти громоздкие и длиннющие названия на наш язык, то оказывается, они просто описывают динозавров. Вот, например, динозавр, который кинулся на похитителя Шпигли. Он называется пахицефалозавром. Запомнить невозможно! Только Аркаша с его памятью и трудолюбием мог запомнить и произнести это имя.

А что это значит в переводе?

«Завр» – означает «ящер». Все динозавры – ящеры. А «дино» – значит «ужасный». Динозавр – «ужасный ящер».

А кто такой пахицефалозавр? Это – «толстоголовый ящер».

Всего-навсего.

На голове этих ящеров выросли костяные купола, как будто солдатские каски. Толщины и крепости невероятной.

Сами-то ящеры невелики, с человека ростом, ну, иногда побольше, со слона, ну, иногда еще побольше, с троллейбус, но в мире динозавров это не размеры. Это так, мелочь пузатая, головастая.

И зубов у них больших нет, и лапы задние, как у птиц, но без страшных когтей, и ручки передние, как у людей, пятипалые. И раскраска пятнистая, как у камуфляжного костюма. Вот только костяная каска на голове, и потому этот динозавр ведет себя как баран сумасшедший. Чуть видит опасность или соперника, тут же наклоняет голову и несется вперед, как таран на крепостные ворота.

Ба-бах! – и противник с катушек долой!

Ба-бах! – и браслетик вылетел из зубов динозавра-похитителя и взлетел в воздух.

– Я лечу! Я несусь к звездам! – послышался в мозгу Аркаши голос Шпигли. – Может, я птица? Чего ж я летаю?

Аркаша совершил вратарский прыжок и, пробившись сквозь колючие ветки первобытной малины, скатился по хвощам и настиг браслетик только в зарослях цветов. Цветы стояли густой стеной прямых стеблей, на которых покачивались огромные розовые соцветия, источавшие неприятный гнилой запах.

Аркаша схватил Шпигли и попытался выбраться из зарослей, но цветы прилипали к ногам и рукам, тянулись к нему, шуршали, шептались, и Аркаша чуть не потерял сознание от удущья, но его разбудил пронзительный голосок Шпигли:

– Ты с ума сошел? Так заснешь и уже никогда не проснешься! А что скажет твой несчастный дедушка? А что подумает о тебе твоя подруга Алиса Селезнева?

– А что... она... подумает? – с трудом спросил Аркаша.

– Она решит, что ты дезертир. Что тебе не хотелось учиться в школе и овладевать науками и ты трусливо сбежал в меловой период, чтобы купаться в теплых болотах.

– Чепуха, – возразил Аркаша и тут увидел, что на него глядит чудовище совершенно невероятного вида, которое, оказывается, пришло сюда полакомиться цветами.

Но разве такие чудовища могут лакомиться цветами?

– Еще как могут, – ответил Шпигли, который, разумеется, читал все мысли Аркаши. – Это чудовище называется центрозавром.

– Здравствуй, центрозавр, – вежливо сказал Аркаша.

Больше всего центрозавр был похож на носорога. Но кроме носорожьего рога, который рос на носу, как и положено, у него было еще два, которые торчали в стороны, как усы, на голове у него был щит, а глазки оказались такими маленькими, что их можно было угадать только по блеску – так глубоко спрятались эти звездочки.

Голова у центрозавра была длиной побольше Аркаши, а насколько велик центрозавр, он понять не мог, потому что тот смотрел на него в упор. Но уж наверняка он не уступал трем носорогам, вместе взятым.

– Он на меня не наступит? – спросил Аркаша, стараясь отойти. В голове шумело – запах тухлых цветов действовал всюду.

– Он думает сейчас, цветок ты или нет. Он уже решил, что ты, вернее всего, не цветок. А так как центрозавры и все подобные им цератопсы едят только цветы, то он не представляет для нас опасности.

– Но вы уверены?

– Разумеется, я же читаю его мысли, короткие как спички.

– Зачем же такая броня, если ты кушаешь цветочки? – удивился Аркаша.

– Не все его соседи питаются цветочками, – заметил Шпигли. – Некоторые рады бы скушать центрозавра.

Аркаша смотрел на динозавра, тот смотрел на Аркашу и медленно жевал стебель цветка, отчего цветок как бы вползал ему в рот.

– Странное название, – сказал Аркаша, – а что, на окраинах таких динозавров нету? Они только в центре водятся?

– Не шути, – ответил Шпигли, – у тебя, мальчик, это плохо получается. Центрозавр – означает «ящер с острыми пиками».

– Не может быть!

– И относится он к роду цератопсов, к которому также принадлежат стиракозавр, моноклоний, что значит единорогий, и даже лептоцератопс. Они отличаются...

– Хватит! – закричал Аркаша. – Сил больше нет. Зря я тебя спасал.

– Не спас бы, сам бы погиб, – ответил браслет, потом подумал немного и добавил: – Вообще-то ты, Аркадий, преступник. Своего верного товарища бросил в темной пещере, где его мог растерзать любой динозавр.

– А вас можно растерзать? – спросил Аркаша.

– А также растоптать, расплющить, оплевать и унижить! – воскликнул Шпигли. – Я такое же благородное существо, как и ты. И мне тоже бывает грустно.

Центрозавр проглотил цветок, распахнул свою пасть с небольшими, похожими на карандаши зубами и схватил новый букет. Он зажмурился от удовольствия.

Аркаша включил съемочную камеру, которая в виде небольшой кнопки была прикреплена над верхним карманом.

– Ничего нового нет, – сказал браслетик. – Центрозавр как центрозавр, не трать энергию, мой друг.

– Я это ребятам в классе покажу, – сказал Аркаша. – А то у нас все думают, что динозавры – это хищные чудовища. Пускай полюбуются.

Браслет замолчал, послушно ожидая, пока центрозавр дожует букет цветов, и только потом сказал:

– Погляди наверх, может, захочешь снять?

Аркаша посмотрел наверх.

Над поляной парили две чудесные птицы. Впрочем, нельзя было сказать наверняка, птицы это или какие-то другие существа. Крылья у них были небольшие, белые с темными краями, а хвост длинный, не совсем птичий, словно хвост ящерицы, по сторонам которого выросли перья. Но удивительнее всего была голова этой птицы – у нее отсутствовал клюв, а вытянутая вперед крокодильи мордочка заканчивалась приоткрытым ртом, наполненным множеством мелких острых зубов. Таких птиц над Аркашей реяло несколько, может, штук пять, они парили на воздушных потоках, летали медленно и лишь порой складывали крылья и кидались вниз за стрекозой или большой мухой.

В меловом периоде еще не было настоящих птиц. Настоящие птицы произойдут именно от этих странных помесей птиц и ящериц с длинным хвостом. Они назывались...

– Археоптериксами, – сразу подсказал Шпигли.

– Не мешайте, дайте самому вспомнить.

– Археоптерикс означает «древнее крыло», – сказал Шпигли. – Цивилизованный человек сам должен перевести.

– Спасибо, значит, я недостаточно цивилизованный, – сказал Аркаша.

Он принялся снимать археоптериксов.

– Куда дальше пойдем? – спросил Шпигли.

– У вас есть идеи? – ответил вопросом на вопрос Аркаша.

– Судя по календарю, вживленному в мой мозг, тайна, которая случилась с динозаврами и погубила их, скрывается где-то в ближайших днях.

– Неужели никто раньше не пытался ее разгадать?

– У нас и без тайн много дел, – ответил браслет.

– Не верю, – сказал Аркаша. – Это слишком важная тайна...

– Ну, была одна сотрудница... вернее, даже две сотрудницы. Они побывали здесь, но не попали в тот самый момент. Одна прожила два месяца до катастрофы, а вторая угодила в мир, где динозавров уже почти не было. А вот точно попасть в нужный момент смог ты первый, Аркаша!

Аркаша не до конца поверил браслетику, хотя не знал, может ли такой прибор говорить неправду? Но, наверное, если бы кто-то узнал, что же случилось с динозаврами, об этом бы написали в газетах и показали по всем видеосистемам мира...

Дикий визг донесся с неба.

Аркаша поднял голову.

Оказывается, на первобытную птицу археоптерикса накинuloся летающее чудовище, больше всего похожее на летучую мышь, которую не кормили года два. А еще больше на рваное серое одеяло, пролежавшее лет сто в пыли на чердаке.

Длинная крокодилья морда этого одеяла была снабжена множеством острых треугольных зубов.

– Птеродактиль! – воскликнул Аркаша. – Настоящий птеродактиль.

– Вот именно, – согласился браслетик, – отвратительная bestия.

Больше он сказать ничего не успел, потому что птица археоптерикс попыталась улететь в чащу, но ее пышные крылья и длинный хвост были очень полезны, когда надо было красиво парить над полянами, но совершенно не годились, чтобы спастись от быстрого птеродактиля, который был к тому же раз в десять больше первобытной птицы.

Хрясть! Аркаша услышал, как сомкнулись челюсти птеродактиля на крыле археоптерикса. Тот забил целым крылом и каким-то чудом вырвался из пасти хищника.

И, кружась, словно оборвавшийся с дерева осенний лист, начал падать вниз.

Это, как ни странно, спасло птицу. Птеродактиль нырнул за ней и, спускаясь к земле, все щелкал зубами, стараясь схватить свою жертву. Птица падала неверно, неровно, кружась, и птеродактиль, умишко у которого был хоть и злобный, но махонький, все время промахивался.

И тут Аркаша, которого тысячу раз учили не вмешиваться в дела динозавров мелового периода, побежал к тому месту, куда падал археоптерикс, чтобы его защитить.

Археоптерикс – даром что первобытная птица, только-только произошедшая от мелкого динозаврика, – понял, где его спасение. Ковыляя и волоча за собой сломанное крыло, он направился к Аркаше.

Птеродактиль застрекотал, как гигантский кузнечик, и перенес свое внимание на нового врага. Тем более что Аркаша показался ему более вкусной добычей, чем птица.

– Ну уж нет! – мысленно произнес браслетик. – Птеродактиль, я приказываю тебе зажмуриться!

Аркаша не видел, конечно, зажмурился ли птеродактиль, но когда он начал пикировать на Аркашу, мальчик кинулся за толстую пальму.

Не изменяя скорости, птеродактиль камнем пронесся к земле и со всего размаха врезался в нее.

– А теперь пошли, – приказал Шпигли, – не то его родственники прилетят посмотреть, что тут творится.

Аркаша поднял археоптерикса. Птица была размером с гуся, а ее длинный, украшенный двумя рядами перьев хвост свисал до самой земли. Птица пискнула и опустила голову.

– Ей больно, – сказал Аркаша.

– Еще как! – согласился Шпигли.

– Ее нельзя тут оставлять, – сказал Аркаша.

– Погоди немножко, я ей в головку загляну, – сказал Шпигли.

Так они и стояли. Аркаша держал на руках птицу, и ему было тяжело. Но он терпел.

– Тут у нее гнездо близко, – сказал Шпигли. – Пошли.

Он мысленно подсказывал Аркаше, куда идти, и через несколько минут они подошли к густому кустарнику. Там в тени ветвей невысоко над землей было устроено большое гнездо, в котором сидело пятеро маленьких птичек.

При виде раненой мамы и незнакомого двуногого чудовища малыши жалобно запищали.
– Сейчас я их успокою, – сказал Шпигли.

И в самом деле, птенцы замерли, прислушиваясь к мысленной речи рыжего браслетика. А потом принялись хлопать зубастенькими ротиками. Они просили покушать – но кто теперь их будет кормить?

Аркаша сам задал себе этот вопрос и тут же увидел на него ответ.

Сверху спустилась вторая птица. И начала парить над кустами, не смея снизиться.

– Это их папа, – сказал Шпигли. – Он позаботится о детях.

Аркаша отпустил птицу, и она заковыляла к гнезду. Она совсем уже не боялась Аркашу.

Мама-археоптерикс уселась на земле под гнездом, расправив поврежденное крыло.

– Не бойся за них, – сказал Шпигли.

– По крайней мере, мы сделали доброе дело! – воскликнул Аркаша.

Браслетик вздохнул и ответил:

– Порой я смотрю на вас, люди, и думаю – ну откуда вы такие жестокие, глупые и необразованные? Почему вы не хотите думать?

– А в чем дело? – спросил Аркаша.

– Почему ты думаешь, что спасти археоптериксов лучше, чем птеродактиля? Птеродактиля мы с тобой, возможно, ухлопали до смерти.

– Но он же напал на археоптерикса! – возразил Аркаша.

– А археоптерикс нападает на стрекоз. Стрекоз тебе не жалко?

– Археоптерикс красивый.

– Самый красивый – это я. Но знает об этом только королева Соод, которая живет в другом конце Галактики, – сказал Шпигли.

– Я думал, что ты все-таки машина.

– Я иногда тоже так думаю. А иногда сомневаюсь. Иначе откуда у меня такое глубокое понимание человеческой натуры?

Аркаша замолчал и задумался. А ведь браслетик прав. Почему красивый археоптерикс больше достоин жить, чем некрасивый птеродактиль? Ведь для мамы, невесты и детишек птеродактиля он был писанным красавцем!

– То-то, – сказал Шпигли, подслушав мысли своего спутника. – Я и сам кое-кому, не будем указывать пальцем, кажусь похожим на грязную тряпочку. Ты со мной не согласен?

– Согласен, – вздохнул Аркаша, – только я никогда не называл вас грязной тряпочкой.

– Если бы я в тебе такую мысль отыскал, я бы тебя на куски разорвал! – ответил Шпигли.

Аркаша вежливо попрощался с археоптериксом, который длинным змеиным языком вылизывал свое крыло, и пошел дальше вниз, к болоту, где он видел бронтозавров.

Аркаша знал, что бронтозавры – слово неточное. Когда-то так называли всех гигантских травоядных динозавров. Все они в чем-то похожи друг на дружку.

Они – бочки, гигантские бочки с двумя длинными отростками. Спереди – это шея, которая заканчивается маленькой головкой, а сзади точно такой же длины хвост, который ничем не заканчивается.

Голова у этих динозавров размером с Аркашу. Вам она может показаться слишком огромной, но учтите, что сам динозавр в длину больше тридцати или сорока метров.

Аркаша остановился на крутом берегу, который в том месте вдавался в болото, как нос плывущего по реке фрегата. Отсюда было удобно разглядывать динозавров.

Они стояли, лежали в воде, бродили по грязи так близко от Аркаши, словно все это происходило во сне. Так быть не может.

Ведь картинки, которые ты рассматриваешь, даже если они трехмерные, не могут передать правды. Потому что правда – это не картинка чудовища самого по себе, а ты – чудовище и окружающий мир.

Легкий теплый влажный ветерок дул Аркаше в лицо и доносил звуки и запахи болотистой низины, а также помогал летать комарам, слепням, стрекозам и мухам, которые себя чувствовали вольготно и жужжали, свистели, пищали, скрипели, чтобы Аркаше не было одиноко. Ветер шевелил сухие листья больших, с Аркашу, папоротников, и они шуршали и шумели. На острых коготках, как на каблучках, пробежала, лавируя между папоротниками, синяя, в желтую полоску ящерица. Бежала она на задних лапах, прижимая к груди маленькие ручки. Аркаша сообразил, что это не ящерица. То есть по-своему ящерица, но в то же время и маленький динозавр. Ведь ящерицы не бегают на задних лапах. За ящерицей ползла большая толстая змея. Аркаша хотел было отбежать в сторону, но Шпигли довольно спокойно сказал:

– Она на тебя внимания не обращает, и ты не обращай. А то от них не набегаяешься.

Змея все ползла и ползла мимо Аркаши и становилась все толще. А потом стала утоньшаться к хвосту.

Со стороны болота тянуло запахом гнили и мутной стоячей воды.

Аркаша смотрел, как динозавры лениво возятся в болоте, и старался вспомнить, как они называются.

Вот топает по мелководью камарозавр, у него такие толстые ножищи, что внутри каждой можно спрятать парходную трубу...

– Не туда смотришь! – прервал мысли Аркаши Шпигли. – Ты правее, правее смотри! Вот это образина!

И в самом деле, к воде спускался брахиозавр. Он отличался от прочих динозавров своей невероятно длинной шеей и тем, что не тянул ее вперед, как диплодоки, а поднимал к самому небу, так что с высоты шестизэтажного дома его махонькие глазки видели на много километров вокруг. Конечно же такие брахиозавры были больше всего похожи на жирафов, только без шерсти и с длинными хвостами.

Два брахиозавра что-то не поделили, они сблизились и принялись реветь, словно ветер в узком ущелье. Они раскачивали шеями и, видно, ругались так, что все остальные динозавры в долине прекратили жевать и замерли, глядя на этот скандал.

Аркаша никак не ожидал, что динозавры могут так ссориться, а тем более так громко шуметь.

– Ты еще мало что слышал и видел, – заявил Шпигли. – Некоторые тут так умеют реветь – за сто километров слышно. А что касается характеров... брахиозавры – самые мирные создания в этой луже.

– А что же они ссорятся?

Шпигли не ответил; может быть, мозг этих чудовищ был таким маленьким, что Шпигли не удалось его отыскать?

А брахиозавры тем временем умудрились так переплестись шеями, словно намеревались сплестись в косичку. Запутаться они запутались, стали рваться, чтобы разойтись, но никак не могли догадаться, как это сделать. Зрелище было бы смешным, если бы не страшные размеры динозавров и не рычание, которое они издавали.

Вода в болоте взбаламутилась, и те из динозавров, которые искали что-то в тине, подняли головы – видно, ожидая, пока муть оседет.

На шум откуда-то прилетели птеродактили и стали кружиться над водой.

– Смотри, – сказал Шпигли, – сейсозавр идет, наверное, ему помешали.

Аркаша увидел, что к драчунам приближается ящер, по сравнению с которым они кажутся детишками.

Сейсмозавр решительно переставлял толстенные столбы ног, раскачивал бесконечно длинной шеей и громко ухал – видно, пугал драчунов или оповещал о своем приближении.

– Я счастлив, – вдруг сказал Аркаша.

– Счастлив? – Шпигли умел читать мысли, но человеческие чувства не всегда ему были понятны. – Что случилось? Динозавры подрались?

– Понимаешь, я вижу собственными глазами то, что не только представить, но и в сказке вообразить невозможно!

– Мало ли что! – ответил Шпигли, которому было обидно, что он не испытывает счастья, а какой-то обыкновенный мальчишка испытывает. – На Паталипутре есть дракон, который такого динозавра как ягодку проглотит.

– Ну что ж, – сказал Аркаша. – При первой возможности слетаю на Паталипутру. И посмотрю.

– Ну, может быть, не как ягодку... но обязательно скушает, – сказал Шпигли, и Аркаша догадался, что его браслетик может немножко прививать. Это было даже смешно.

– Я думаю, – сказал Аркаша, глядя на сейсмозавра, – что его так называли потому, что сейсмология – это наука о землетрясениях. А когда такой динозавр идет по земле, она дрожит.

– Может быть, – ответил Шпигли. – Я не задумывался.

– Тогда скажи мне, – попросил Аркаша, – зачем природе такие невероятные гиганты? Ведь ничего не бывает случайного.

Шпигли задумался. Словно пропал. Потом вдруг запищал мыслями в мозгу Аркаши:

– Я думаю, что на Земле слишком долго стоял мирный, теплый, ровный климат, слишком много было мелких, богатых пищей болот и озер, даже горы им не мешали. И вот за миллионы лет деревья выросли до небес, а за ними выросли динозавры. Может, они потому и вымерли, что привыкли быть господами. Никто не смел им сказать: хватит расти!

Брахизаврам надоело бороться, наверное, они устали. Они распутали жирафы шеи и тут же забыли друг о дружке – и побрели в разные стороны, пригибая растущие по берегам пальмы и срывая с них листья.

Сейсмозавр – король болот – медленно шел, вытаскивая из тины толстые ножищи и кивая своей маленькой головкой.

Тут он увидел что-то вкусное и наклонил голову к воде.

И вдруг вода взбурлила.

Из нее выпрыгнул крокодил – самый настоящий, из стихотворения Корнея Чуковского, только такой большой, что, наверное, не поместился бы в широкой египетской реке Нил.

Гигантские челюсти крокодила распахнулись и сжались на шее динозавра. И хоть крокодил был очень велик, динозавр конечно же мог раздавить его одной ногой.

Он и попытался это сделать, но крокодил уже мчался прочь, поднимая буруны воды.

Динозавр остановился и продолжал покачивать шеей...

– Стой! – закричал Аркаша. – У него нет головы!

– Раз крокодил откусил ему голову, – согласился Шпигли, – значит, у него нет головы.

Между тем динозавр медленно побрел прочь...

– Так не бывает! – воскликнул Аркаша. – Он же безголовый!

– Ты же видел, какая у него маленькая головка, – сказал Шпигли. – В ней, конечно, есть мозг, но главный мозг у него в спине... И пока динозавр сообразит, что его убили, он еще погуляет. Только вот кушать ему нечем.

Аркаша еще долго продолжал следить за удаляющимся безголовым чудовищем.

Аркаше досаждали комары и мухи, которые норовили сесть на него и цапнуть – кровопийцы они были ужасные.

– Кого им, кроме меня, жрать? – спросил Аркаша. – Ведь если динозавры пресмыкающиеся, значит, они холоднокровные, правда? Чего с них комарам взять?

– Теперь ученые так не думают, – откликнулся Шпигли. – Судя по нашим экспедициям, многие динозавры были теплокровными, как и ты, мой мальчик. Иначе бы они не могли быстро двигаться. Ведь ты знаешь, что у лягушек или ящериц, а тем более у черепах кровь такая же, как окружающая температура. Как в стакане с водой, оставленном на столе. То-то змеи и ящерицы на зиму засыпают.

– Но крокодил может кинуться на жертву! – возразил Аркаша.

– И крокодил, и змея, и ящерица. Но стоит жертве убежать, как змея успокаивается и замирает. Холодная кровь не позволяет трудиться. Прыгнул, догнал, сожрал и переваривай. Не догнал сразу, жди следующую жертву.

Надвинулись серые тучи, по водной глади озероц и проток заколотили капли дождя.

– Давай уйдем, – сказал Шпигли. – Разведку мы с тобой совершили, а простужаться – не в наших интересах.

– А куда мы пойдем?

– Я думаю – в нашу пещеру. И переждем дождь.

Они пошли обратно. Дождик был теплый и ласковый, он зарядил надолго.

– К рассвету погода разгуляется, – услышал Аркаша мысли Шпигли. – Во мне вживлен микробарометр, я не ошибаюсь. И тогда мы с тобой продолжим путешествие. А сейчас у тебя слишком много впечатлений. Лучше полежи с закрытыми глазками и постарайся еще раз пережить свои приключения. Это приятно и поучительно.

Глава седьмая КОСМИЧЕСКИЙ БОЙ

Когда они поднимались сквозь заросли хвощей и папоротников к пещере, Аркаша понял, что очень устал.

«Наверное, переволновался», – подумал он. Бабушка Аркаши всегда считала излишнее волнение причиной всех болезней. Если у мальчика болел живот, она сразу спрашивала: «Ты сегодня волновался?» Старший брат Аркаши Илья отлично умел пользоваться слабостью бабушки. Если ему очень не хотелось идти в школу или ехать на дачу, чтобы полоть морковку (дедушка верил в живительную силу огородного воздуха!), то он говорил вслух: «Что-то я сегодня волнуюсь! Может быть, давление атмосферы неправильное?»

«Нет, – тут же откликнулась бабушка. – Я еще вчера вечером обратила на тебя внимание! Кто просил тебя сражаться с драконом в виртуальном мире? Разве тебе мало было гигантского осьминога?»

Аркаша даже улыбнулся, вспомнив о бабушке. Вот бы ей сейчас поглядеть...

Но додумать он не успел, потому что жук размером с кулак, мчавшийся ему навстречу, не успел или не захотел свернуть с дороги и ударил Аркашу в лоб так, что тот свалился на землю, как от удара камнем. На лбу тут же вздулась шишка, а жук взревел еще громче прежнего и исчез в кустах. Он несся так, что пробивал листья, и за ним в кустах оставался туннель. Конечно, через минуту другие листья закрывали этот коридор, но зрелище было удивительным!

Шпигли прошептал:

– Отдохни немного, Аркадий, а то будет сотрясение мозга.

Аркаша сел, потер лоб, потрогал шишку и сказал:

– Надо в будущем шлемы выдавать.

– Пробовали, – ответил Шпигли. – Но в шлеме жарко, и практиканты всегда их теряют. Это моя обязанность предупреждать тебя о жуках и динозаврах, но я тоже иногда задумываюсь! Прости, как раз сейчас я задумался.

– О чем?

– Я думаю, что твоя усталость вызывается составом воздуха в этом периоде.

– Почему?

– В земной атмосфере еще не набралось нужного человеку количества кислорода. Пройдут миллионы лет, прежде чем зеленые деревья и травы выработают его. Динозавры привыкли к углекислоте, а вот нам, млекопитающим, трудно. Может, поэтому мы вывелись не сразу.

– А разве вы млекопитающее? – спросил Аркаша.

Он поднялся с земли. Голова немного кружилась.

– Разве я похож на лягушку? – спросил Шпигли.

Они вошли в пещеру. Из спасательного пояса, в котором находилась пища на неделю, моторчик, воздушный пузырь, чтобы перепрыгнуть через ущелье, и даже распылитель усыпляющего газа, чтобы тебя ненароком не сожрало какое-нибудь глупое чудовище, Аркаша достал пакетик с ужином и положил перед собой на плоский камень. Пакетик зашипел – он втягивал влагу из воздуха и раздувался, превращаясь в шар, побольше футбольного мяча.

– А вы ужинать будете? – спросил Аркаша у Шпигли.

– И не подумаю, – ответил браслетик, – я обедаю только по понедельникам, а сейчас четверг. У меня совершенно нет аппетита.

Шар с легким щелканьем лопнул и превратился в тонкий пластиковый поднос, на котором стояла кружка с какао, лежали бутерброды и, что самое удивительное, три крутых яйца.

Правда, ни ложек, ни вилок в пакете не оказалось.

Аркаша почувствовал, что безумно проголодался, и только протянул руку к бутерброду, как почувствовал легкий удар током.

– Это что? – удивился он. – Это вы дергаетесь, Шпигли?

– Ничего подобного, – ответил браслетик, – я не дергаюсь, я тебе напоминаю.

– Напоминаете? А я не понял, о чем?

– Хорошо воспитанные молодые люди, – сказал Шпигли, – обязательно моют руки перед едой.

Аркаша даже ахнул от такой наглости:

– Вот если бы на моем месте был Пашка Гераскин, то он бы все вам объяснил!

– Я не знаю, что объясняет друзьям твой друг Пашка, – сказал Шпигли, – но я от своего не отступлюсь. Потому что мой долг – охранять жизнь и здоровье практиканта. И я не желаю, чтобы ты питался местными бактериями.

Пока Шпигли говорил, Аркаша с ужасом думал, что теперь ведь браслетик не отстанет, а раз так, то придется идти вниз, к ручью... но тут он увидел, что рядом с бутербродами лежит пачка салфеток. Он потрогал – салфеточки были влажными и приятно пахли. Вот чем моют руки путешественники в меловом периоде!

Он вытер руки и хотел было выкинуть салфеточки, но сдержался, вспомнил, что задача практиканта ни в коем случае не сорить в далеком прошлом. Не сорить, не пачкать, не разрушать!

Он отложил салфетки в сторону и стал есть, а Шпигли молчал, словно обиделся. И Аркаша понимал, почему так случилось, – ведь оказалось, что совсем не стоило кричать на Шпигли, раз салфетки предусмотрены в питательном пакете.

Аркаша запил бутерброды, отмахнулся от комаров и тут увидел, как пластиковые обертки, тарелки и кружки на глазах тают. Они уничтожаются, чтобы не оставалось мусора!

Аркаша вытащил из пояса шарик размером с грецкий орех и кинул его на пол, шарик начал раздуваться – это была подушка.

Аркаша почувствовал, что ему вдруг страшно захотелось спать.

– Я посплю, – сказал он. – А вы?

– Шпигли никогда не спит на службе, – ответил его телохранитель.

– Тогда разбудите меня, если что-нибудь случится, – попросил его Аркаша.

– Не премину воспользоваться вашим советом, – ответил Шпигли, как граф на приеме у короля. Но Аркаша даже улыбнуться не успел, так быстро заснул.

Ему казалось, что он только успел закрыть глаза, как услышал слова:

– Проснись, шеф, что-то странное происходит на небе!

Аркаша проснулся сразу. Не как другие, которые сначала пытаются сообразить, где они и что случилось.

– Что происходит? – спросил он и открыл глаза.

Перед ним находился вход в пещеру. Небо было чистым, звездным, глубоким, и звезды казались большими и разноцветными.

– Гляди, гляди! – настойчиво повторил Шпигли. – Ты видишь большую звезду?

И Аркаша заметил, что одна из звезд движется:

– А чего особенного? Космический корабль или спутник.

– А теперь подумай, практикант, – строго спросил Шпигли. – Где мы с тобой находимся? Кто, по-твоему, здесь сооружает космические корабли и спутники? Может быть, твои любимые динозавры?

Аркаша окончательно проснулся и сел.

Ночь была тихая и в то же время полная почти неслышных звуков – шуршания листвы, бормотания ветерка, далекого-далекого рева какого-то чудовища.

– Значит, на Землю кто-то прилетал в отдаленные эпохи, – сказал Аркаша.

– Молодец, – согласился с ним Шпигли. – Но почему-то мы об этом не слышали.

– Значит, мы сделали открытие, – сказал Аркаша. – Хотя, может быть, все же это комета с особой орбитой.

– Ты чудо! – согласился Шпигли. – И по астрономии у тебя двойка.

– По астрономии у меня никогда не было двоек... – Тут Аркаша осекся. Он понял, что кометы не летают зигзагами.

– Смотри, второй! – сказал Шпигли.

Второй космический корабль шел куда ближе к Земле. Его уже нельзя было спутать со звездочкой – он был ярким, как ракета.

И становился все ярче.

– Он идет на посадку! – воскликнул Аркаша.

– Может быть, да, а может быть, нет, – ответил Шпигли.

– Надо дать знать, что мы здесь, – сказал Аркаша.

– Во-первых, нечем, – сказал Шпигли. – А во-вторых, незачем. Я не давал обещания Ричарду знакомить тебя с любым пришельцем, который забредет на Землю в меловом периоде.

Вспыхнул и тут же погас зеленый луч – тонкий, как паутиная ниточка. Он протянулся от космического корабля в сторону движущейся звездочки.

– Это сигнал? – спросил Аркаша.

В ответ несколько полосок протянулось к большому космическому телу.

Аркаша видел, что маленьких звездочек несколько. Они кружили вокруг яркой звезды.

В небе вспыхивали все новые искры...

– Это не сигнал, – сказал Шпигли. – Это самый настоящий космический бой, сражение. И это мне не нравится.

– Но кто может сражаться? Здесь?

– Вот именно, – согласился Шпигли. – Скажите, кто?

– Хорошо, что мы в пещере, – сказал Аркаша.

– Может быть, этот бой закончится где-то в небесах, – сказал Шпигли. – И они не будут снижаться.

Аркаша отлично понимал, что бой идет где-то в тысячах километров от Земли – иначе бы все вокруг сгорело. Но если ты не специалист по космическим боям, то никогда не догадаешься, что же происходит на самом деле.

Внезапно голубая молния вырвалась из небесных далей и ударила в землю далеко за горизонтом.

И тут же оттуда, из-за черной стены леса, поднялось светящееся изнутри розовое облако, оно раздувалось и росло, становясь все более ярким внутри и тускнея к краям, которые клубились, будто Аркаша смотрел на клуб пыли, оставленный каретой, которая умчалась по пыльной дороге.

– Что это? – Аркаша вскочил на ноги.

Облако постепенно выгорало, так что только в центре его оставалось яркое свечение, которое озаряло далекие вершины деревьев.

И лишь потом, наверное через минуту после взрыва, донесся утробный гул, будто подземное чудовище пыталось выбраться наружу и никак не могло разворотить камни, отчего буйствовало и злилось.

– Один из зарядов попал в землю, – сказал Шпигли. – И это значит, что может попасть и другой.

– Может, нам уйти поглубже в пещеру? – спросил Аркаша.

– Наоборот, – ответил браслетик. – Если в эти скалы попадет заряд, то нас с тобой засыплет камнями, я не смогу удержать на себе всю гору...

– А если мы будем стоять на открытом месте?

– На открытом месте мне легче тебя защитить, – ответил Шпигли. – По крайней мере, я смогу отбросить тебя в сторону.

– Отбросить?

Аркаша толком не успел сообразить, что же имеет в виду Шпигли, как почувствовал, что его приподнимает непонятная сила, и он летит по откосу и больно ударяется о землю.

– Что такое? – спросил он, когда дыхание вернулось к нему.

– Ничего особенного. В моих силах поднять и перебросить с места на место объект до ста килограммов весом. Включая мальчишку-практиканта.

– Как вы это делаете?

– Ответа нет, – сказал Шпигли. – Такие действия входят в систему защиты практиканта от неожиданностей. Мы даем гарантию твоему дедушке и родителям, что возвратим тебя домой в одном куске...

– Что?

– Шутка! Я имел в виду в целости и полной сохранности. Вот я и стараюсь. Но лучше бы ты не терял времени и включил свою камеру. А то когда тебя спросят в Институте времени, что ты делал, отличник, когда над твоей головой разворачивалось космическое сражение, ты ответишь, что сидел зажмурившись и дрожал от страха.

– Почему от страха? – обиделся Аркаша и направил камеру в небо.

И увидел, что сражение продолжается.

Было ясно, что к Земле приближается какой-то большой корабль – конечно, не поймешь, насколько большой, тем более что сам он не светился, но когда рядом вспыхивали взрывы или его оболочки достигали зеленые лучи, можно было увидеть, как он велик.

Противники большого корабля – Аркаша называл их слепнями или истребителями – носились вокруг, не приближаясь к громадине, беспрестанно выпускали в его сторону заряды и били по нему снопами лучей, которые превращались во вспышки света возле корпуса корабля.

Корабль отбивался, как мог.

Из него также вылетали разноцветные лучи, и вдруг Аркаша увидел, как один из них почти незаметно коснулся истребителя и тот превратился в клуб света, который медленно краснел и тускнел.

– Они его сбили? – спросил Аркаша.

– Я наблюдаю этот бой с помощью сканирующих приборов, находящихся во мне, – сказал браслетик, – и если ты будешь так любезен, что приподнимешь руку, чтобы мне было удобнее смотреть, я тебе расскажу, что же происходит.

Аркаша приподнял руку.

– Ну и что вы видите? – спросил он.

– Мне кажется, – ответил Шпигли, – что неопознанный летающий объект в виде космического корабля старается приземлиться... или выйти на орбиту вокруг Земли. Он подвергся нападению неприятеля на подлете к нашей планете. В настоящий момент корабль старается отбить нападение небольших военных космических судов, что весьма меня тревожит...

Космический бой постепенно смещался к горизонту – Аркаша понял, что скоро сражение можно будет увидеть только с противоположной стороны Земли.

– Внимание! – закричал Шпигли так громко, что своим криком чуть не поцарапал Аркаше мозги. – Большой корабль получил несколько опасных попаданий. Он теряет скорость. Его системы защиты одна за другой выходят из строя. Смотри, смотри...

– Куда смотреть?

– Тебе, с твоим слабым человеческим зрением, не увидеть... но я вижу, как от большого корабля отделился малый корабль и пошел прямо к Земле. Я бы сказал, что это спускаемый аппарат, точнее – спасательная капсула, планетарный катер, ты меня понимаешь?

И тут Шпигли замолчал.

Небо за горизонтом вдруг озарилось многоцветной ослепительной радугой, затем стало розовым и вокруг наступил страшный ненормальный день, словно вместо солнца включили множество слишком ярких кварцевых ламп – земля превратилась в операционный стол и на ней высветились все лепестки, червяки и даже букашки.

Аркаше захотелось распластаться по земле, зарыться в нее, исчезнуть... Он представил себе, как просыпаются динозавры и крокодилы, птицы и стрекозы, как все смотрят в страшное ослепительное неживое небо.

– Ложись! – приказал Шпигли так, что послушаться его было нельзя.

И не только приказал, но и стал вдруг невероятно тяжелым, рука, вокруг которой он был обмотан, вжалась в землю, и Аркаша был вынужден лечь.

Все это случилось так быстро, что Аркаше некогда было рассуждать и глядеть вокруг.

– Голову к земле! – приказывал Шпигли. – Не смотри!

– Почему? – прохрипел Аркаша, которому стало страшно неудобно и душно.

– А потому, что жена Лота превратилась в соляной столб! – крикнул Шпигли.

Какая еще жена Лота?

Но Аркаша не успел ничего спросить, земля под ним вздрогнула так сильно, что ему показалось, будто он взлетел выше деревьев, и лишь рука с браслетом, как якорь, держала Аркашу на траве, и было так больно – вот-вот разорвет.

Но и это продолжалось несколько секунд – его тут же вновь бросило на землю.

Грохот вокруг стоял такой, что больно было ушам и даже глазам.

Аркаша потерял сознание.

Он никогда раньше не терял сознания. В конце концов не мужское это дело. И даже не знал, что потерял сознание... просто в одно мгновение вокруг ревело, рычало, земля содрогалась, как будто норовила броситься в пляс, а потом все пропало, и когда Аркаша очнулся – стало темнее, гул стих, хотя и не прекратился...

Аркаша открыл глаза.

– Можно, – проворчал Шпигли. – Смотри. Ты был без сознания десять минут.

– Не может быть!

Аркаша приподнялся на локтях.

Небо за горизонтом было зеленым, словно его снизу подсвечивали могучими прожекторами.

По зеленому пространству, как будто это был шелковый занавес, проплывали светлые, почти белые волны, поднимаясь снизу и растворяясь над головой в том месте, где зеленое сияние смешивалось с синевой неба, а на границе заката и ночи проявлялись звезды.

– У тебя счастливый организм, – сказал Шпигли, – когда стало совсем страшно, он тебя выключил, и ты проспал все неприятности.

– Но я же не нарочно! – ответил Аркаша. Ему было стыдно за свой организм, который, честно говоря, оказался трусоватым. Единственное утешение, что это не сам Аркаша трусоват, а его организм.

– Мне придется сообщить об этом в отчете о нашей командировке, – сказал Шпигли.

– Делайте что хотите, – сказал Аркаша. – Только мне сейчас не до ваших рассуждений.

– Ах, конечно! – воскликнул Шпигли. – Ты хочешь узнать историю Лота и его жены?

– Где-то я о них слышал.

– Наверное, твой дедушка тебе рассказывал. Он читает Библию?

– Он ее смотрит на компьютере, – ответил Аркаша. – Когда ему требуется пример из Библии, он включает компьютер, и тот подсказывает нужную страницу.

– Что ж, у тебя мудрый дедушка, жалко, что он тебя не сажает рядом.

Аркаша смотрел на зеленое небо, оно и не собиралось темнеть. Ему было не по себе.

– Тебе все еще интересно узнать о Лоте? – спросил Шпигли.

– Рассказывайте, – согласился Аркаша.

– Это произошло во время одной из прошлых атомных войн, – сказал Шпигли. – А если тебе будут рассказывать другое, ты им не верь.

– А когда были прошлые атомные войны? – спросил Аркаша.

– Раньше, три тысячи лет назад или четыре.

– Когда еще паровоза не было?

– Не пытайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле, практикант, – рассердился Шпигли. – Всем понятно, что на Земле существовала великая цивилизация, вернее всего, в Атлантиде, она погибла в атомной войне.

– Моя подруга Алиса, – сказал Аркаша, – побывала в Атлантиде и помогла последним атлантам улететь домой. Вы не слышали об этом?

– Я не читаю детских сказок, – ответил Шпигли. – Но я знаю, что древняя атомная война описана в книге под названием Библия, которую твой дедушка смотрит на компьютере, и если ты мне не веришь, то спроси у дедушки. Во время той войны была бомбардировка враждебных нам городов – Содомы и Гоморры.

– А кто вы такие?

– Кто мы такие?

– Почему Содом и Гоморра вам были враждебны?

– Это все знают, – сказал Шпигли. – Но в тех городах жил один праведный человек.

– В каких городах? У него был дом в одном городе и дача в другом?

– Мне трудно с тобой разговаривать, ты плохо воспитанный мальчик. Но главное в том, что праведником в тех городах был Лот, и ему было сказано, чтобы он взял жену и бежал из города, потому что будет атомная бомбардировка. Вот он и убежал.

– А кто ему сказал про бомбардировку?

– Кто надо, тот и сказал.

– Это до сих пор тайна? Может быть, ваш Лот был шпионом, обычно шпионов вытаскивают из опасных мест.

– Считай как знаешь. Но Лота предупредили, чтобы после взрыва он не оглядывался. А то ослепнет. То есть превратится в соляной столб.

– Ослепнет или превратится? – спросил Аркаша.

– В самом деле ослепнет от вспышки, а в переносном смысле превратится в соляной столб.

– Спасибо, – сказал Аркаша. – И чем вся эта ужасная история закончилась?

– Как и положено. Они с женой бежали, а утром началась бомбардировка.

– А кто обернулся?

– Ты знал, да? Скажи, ты знал раньше, да?

– Не обижайтесь, Шпигли, – сказал Аркаша, – я не читал, но вы уже мне намекали.

– Ты прав. Лот велел жене не оборачиваться, но она обернулась.

– Еще бы, – сказал Аркаша. – Видно, сзади так грохнуло, что она не хотела, а обернулась.

И тут Аркадий обернулся, чтобы посмотреть на скалу и пещеру, в которой стояла машина времени.

И замер, как жена Лота.

Почти превратился в соляной столб!

Горы и обрыва не было. Вместо них за спиной Аркаши громоздилась каменная осыпь, скала попросту рассыпалась на глыбы и рухнула вниз.

– Вовремя мы вышли погулять, – сказал Аркаша.

– Мы не выходили погулять, – откликнулся Шпигли, у которого начисто отсутствовало чувство юмора. – Это я тебе сказал, что снаружи смогу тебя охранять, а в пещере, на которую упадет тысяча тонн камней, даже я бессилен.

- Что же творится там... поближе к взрыву?
- Ты понял, какой это был взрыв? – спросил Шпигли.
- Я могу догадаться, – сказал Аркаша. – Это упал космический корабль.
- Притом корабль, начиненный ядерным топливом.
- Откуда вы знаете?
- Я многое знаю. Но в этом нет тайн. Я противник тайн и мистики. Мы, ученые...
- Шпигли, извините меня, но, может быть, сейчас лучше не отвлекаться?
- Для вас это отвлечение? – обиделся Шпигли, но, видно, сообразил, что практикант прав. – Во мне есть датчики, – сказал он. – Микродатчики радиоактивности, содержания в воздухе и воде элементов и их сочетаний.
- И что сказали ваши датчики?
- Они сказали, что в двухстах пятидесяти километрах отсюда, в районе Калуги, упал и взорвался космический корабль. Его длина один километр семьсот двадцать шесть метров, высота...
- Значит, большой? – сказал Аркаша.
- И не говори! Таких и у нас не делают, – ответил Шпигли.
- Надо идти на помощь, – сказал Аркаша.
- Замечательная идея, которая говорит о том, что человеческие детеныши относятся к самым глупым существам во Вселенной, – сказал Шпигли. – Как ты представляешь это самое «идти на помощь»?
- Ногами, – буркнул Аркаша, который уже сообразил, что его решение не самое умное.
- Двести пятьдесят километров ты пройдешь ножками по меловому периоду между крокодилами и динозаврами и недельки через две, если останешься в живых, дойдешь до гигантской воронки. В ней ты увидишь все, что осталось от космического корабля.
- А что я увижу? – спросил Аркаша.
- Яму. Которая излучает радиацию, как атомный реактор. Поэтому я очень тебя прошу – не бери меня с собой, оставь здесь, брось, закопай в землю, так у меня будет больше шансов остаться в живых!
- Но что же делать! Мы не можем с тобой просто так стоять?
- Правильно. Ты уже начал шевелить мозгами! – сказал Шпигли, который совсем распустился и вел себя, как хулиган, а не как охранник размером с кулачок.
- Наверное, тогда надо стонять на машине времени в наш век, рассказать обо всем Ричарду, пускай высылают сюда экспедицию.
- Чудо ума! – закричал Шпигли. А так как он мог говорить только мысленно, от его крика у Аркаши в мозгу зацекотало.
- А что?
- Обернись еще раз, если раньше не догадался.
- Аркаша снова обернулся.
- Значит, мы не сможем вернуться обратно! – До Аркаши только сейчас дошло, в какое ужасное положение они попали.
- Мы не можем вернуться обратно через эту машину времени, – сказал Шпигли, – но можем воспользоваться запасной машиной.

Глава восьмая БЕГЛЕЦЫ НА БЕРЕГУ

Аркаша вздохнул с облегчением. Ведь всего три секунды назад он представил себе, что навсегда останется здесь без надежды на помощь. И придется жить в лесу, собирать корешки и еще спрашивать у этого мехового нахала, какие грибы и ягоды ядовитые, а какие съедобные. И в конце концов он как-нибудь проглотит ядовитую ягоду или на него наступит рассеянный диплодок...

– Перестань так печально думать, – взмолился Шпигли. – Ты мне мешаешь. Я сейчас разрыдаюсь и останусь здесь с тобой погибать.

Аркаша спросил:

– Далеко отсюда до запасной машины времени?

– Очень далеко, – ответил Шпигли.

– Может, подождем, – сказал Аркаша.

– Чего?

– Там, в Институте времени, обязательно должны догадаться, что у нас что-то случилось.

И они пойдут нас искать.

– И как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Они придут в наше время, отыщут нас с вами и проведут в запасную машину времени.

– Может, придут, а может, нет. Попасть в конкретный день далекого прошлого чрезвычайно трудно.

– Но вы говорите, что выбраться нельзя!

– Разве я так говорил?

– Но я вас так понял.

– Удивляюсь, как с такими ограниченными способностями ты добрался до третьего класса!

– До пятого!

– Не кричи на старших. Я и без тебя знаю, в каком классе ты учишься. Пошли искать машину времени!

– Погодите, – попросил Аркаша. – Но ведь машина времени, которую засыпало в этой пещере... она же будет существовать в будущем?

– Разумеется. Тогда ее найдут и починят.

– Но когда это случится?

– Я смогу тебе сказать об этом с точностью до тысячи лет. Тебя устраивает?

– Меня все устраивает, – устало сказал Аркаша. – Я не знаю, что делать. Но, наверное, надо идти?

– Ты что, пешком хочешь идти? – удивился Шпигли.

– А как же еще?

– Ну, ты пессимист! Знаешь, что такое пессимист?

– Это человек, который видит в жизни только печальное.

– И к тому же обладает паршивой памятью, – сказал Шпигли. – Когда тебя собирали в путешествие, то показывали, что спрятано в твоём поясе?

– Конечно. Там еда, тросик, удочка, фонарик и много еще других полезных вещей.

– А теперь открой справа кармашек с красной наклейкой. Открыл? Нажми на зеленую кнопку. Нажал? Теперь крепче держись на ногах.

За спиной у Аркаши послышалось шуршание, и он почувствовал, что становится с каждой секундой все легче и готов оторваться от земли.

– Не верти головой, – сказал Шпигли. – У тебя за спиной сейчас надулся прозрачный воздушный шар с тебя размером, он наполнен легким газом.

– Он был в моем поясе?

– А много ли места надо для пузыря с оболочкой в полмикрона и супергелия, который в жидком состоянии весит двадцать граммов? Теперь слушай внимательно. Нажимая на кнопку на поясе, и, отпуская ее, ты можешь надувать шар и делать его меньше, подниматься и опускаться. Сам понимаешь, это не ракета и не космический катер. Ты полетишь довольно медленно, по принципу ракеты на воздушном топливе.

– Чего же мы ждем?

Аркаша посильнее нажал на кнопку, и шар за его спиной, как огромный ранец, потянул его к облакам, Аркаша потерял равновесие и повис.

– Нажимай на зеленую! – закричал Шпигли.

Аркаша послушался его и со всего размаху шлепнулся на землю – газ из пузыря вырвался наверх, а ракета-Аркаша потерпел крушение.

Только после третьей попытки Аркаша научился немного управлять своим пузырем.

– Учти, что газа у нас всего на час полета, – сказал Шпигли.

– И куда же мы полетим?

– Я тебе сказал – в Калугу. Вернее, в то место, где через много миллионов лет будет основан город Калуга.

– Мы пролетим мимо места взрыва? – спросил Аркаша.

– Это еще зачем? – спросил Шпигли.

– Мы с вами обязаны снять фильм. Вы же сами сказали, что еще никто не видел этого крушения.

– Нет, я тебя туда не пущу, – сказал Шпигли. – По моим расчетам, там очень высокая радиация. А я отвечаю за твоё здоровье.

– А вдруг там остался кто-то живой?

– После такого взрыва? Не смей меня, практикант Сапожков.

– Но постольку поскольку мы с вами видели, что от большого корабля отделился катер, он мог спуститься нормально.

– Очень сомневаюсь, – ответил Шпигли. – Зато те, кто взорвал корабль, могли спуститься на землю, чтобы проверить, не осталось ли тут живых.

– Вы думаете, что они такие жестокие?

– Я ничего не думаю. Я только видел бой, – сказал Шпигли, – и не могу сказать, кто здесь плохой, а кто хороший. Мы до сих пор мало знаем о Галактике, а уж тем более о ее далекой истории.

Аркаша попробовал еще раз свой заплечный воздушный шар-рюкзак. Он нажал на красную кнопку, добавил в него газа, и шар поднял Аркашу над землей. В первые минуты Аркаша чувствовал себя неуверенно: и ему было страшновато опрокинуться и еще раз грохнуться о землю. Но вскоре он освоился и нажал на зеленую кнопку. Что-то легко подтолкнуло Аркашу в спину, и склон с деревьями пошел вниз и назад.

– Не спеши, – предупредил его Шпигли. – А то упадешь, расшибешься и меня расшибешь. Это было бы очень грустно.

Летел Аркаша не слишком быстро и не высоко – ведь шар служил всего лишь спасательным средством, чтобы добраться до берега во время кораблекрушения. Он не предназначался для того, чтобы носиться под облаками.

Шпигли показал Аркаше, куда держать путь – между большой рекой и сиянием на месте взрыва, которое хоть и потускнело, но не исчезло.

Ночь была странная, даже ненормальная.

Если посмотреть направо, то открывалось чудесное звездное небо мелового периода, не замутненное дымом заводов и бензиновыми выхлопами, слева же ночь превращалась в мертвый зеленый искусственный день, словно ты смотришь на площадь, освещенную лучами света, проходящими сквозь мутную воду гигантского аквариума. Из аквариума тянулись на звездную половину неба языки дыма, и чем дальше Аркаша со Шпигли летели над степью с редкими могучими деревьями и папоротниками ростом с вековую сосну, тем меньше становилось звезд, и тем гуще покрывали небо несущиеся тряпки туч.

Было довольно светло. Аркаша летел невысоко, не поднимаясь выше деревьев, и видел, что животные конечно же не ложились спать.

Раз Аркаша даже сильно испугался. Он пролетал над невысоким холмом, как вдруг с него поднялась длинная, как пожарная лестница, шея с маленькой головкой на конце, и круглые, с тарелку, глаза чудовища оказались буквально на расстоянии вытянутой руки от Аркаши. С перепугу он нажал на кнопку скорости сильнее, чем нужно, и шар, надувшись газом, поднял его к небу.

– Ты куда? – возмутился Шпигли. – Ты что же думаешь, что когда упадешь с такой высоты, мне не будет больно? Еще как будет! Так что лети пониже.

– Но там была голова!

– С каких пор мальчики из двадцать первого века стали бояться брахиозавров? Чем тебе помешал несчастный ящер, который не может заснуть от страха?

– Я от неожиданности, – сказал Аркаша.

– Дай-ка мне лучше посмотреть, сколько у тебя еще осталось супергелия?! А то грохнешься не по своей вине! Ведь твой пузырь за спиной не паровоз, который может тянуть вагоны сто лет подряд!

Видно, Шпигли в жизни не видел паровоз и не представлял, как он выглядит.

Аркаша поднес браслетик к поясу, и тот принялся ворчать:

– Вот, сделали пузырь, да не пузырь, а пузырек какой-то! Никуда на нем не улетишь. Лучше бы дали нам складной флаер.

– Вряд ли в прошлое дают флаеры, – сказал Аркаша. – Ну кто мог подумать, что рухнет такая гора и засыплет пещеру? А по заданию мне и не нужно отходить далеко от нее.

– Знаю, знаю, – откликнулся Шпигли. – Но если мы с тобой все же вернемся живыми, обязательно поставлю вопрос, чтобы каждому практиканту давали танк или вездеход. Дети – наше будущее! Детей надо беречь!

Аркаша отлично понимал, что Шпигли беспокоится о самом себе. Ведь у него нет своих ног, надо надеяться на чужие!

– Пора спускаться, – сказал Шпигли. – Газа почти не осталось.

– Видите впереди гору? – спросил Аркаша. – Я на нее спущусь.

– Зачем? Лучше в ямку!

– С горы видно вокруг. Надо поглядеть, что осталось от космического корабля.

– Рискованно, – сказал Шпигли. – Мы будем на виду.

Но Аркаша его не слушал. Он опустился на вершину высокого холма. Потом выпустил газ из пузыря и спрятал в пояс его тонкую оболочку.

Пока он летел, в ушах свистел ветер. Теперь, когда ветер стих, Аркаша уловил другие звуки. Было слышно, как волнуется здешний народ. Доносились стоны, рев, вой – словно динозавры перекликались и спрашивали друг друга: «Что случилось? Что с нами будет?»

С вершины холма открывался вид на много километров вокруг.

Аркаша увидел воронку – след падения космического корабля.

На Луне ему приходилось видеть кратер. Эта воронка оказалась похожей на лунный кратер. Она была не очень глубокой, но в диаметре достигала нескольких километров. Земля, выброшенная из нее, окружала воронку ровным высоким валом, а внутри зловеще светилась.

Вот это свечение, вроде бы неяркое, но очень сильное, окутывало половину неба и превращало ночь в освещенный аквариум.

Аркаша понял, что вблизи воронки никто не мог остаться в живых.

Лес и трава выгорели на много километров вокруг, и до самого горизонта долина была черной от пепла, а кое-где по ней еще пробегали язычки пламени.

Ни одного живого существа не было видно на ней.

– Мы пойдем правее, – сказал Шпигли. – Радиация повысилась до опасного предела. Тебе нельзя здесь больше оставаться.

Аркаше и не хотелось там оставаться. Он стал спускаться с холма.

– Сколько еще идти? – спросил он.

– Целый день, – ответил Шпигли. – Надеюсь, что ты выдержишь. Но в крайнем случае ты всегда можешь утопиться.

– Зачем мне топить? – не понял его Аркаша.

– Чтобы не мучиться, – ответил браслетик.

– Я лучше буду мучиться, – сказал Аркаша. Он нажал на кнопку съемочной камеры и с холма заснял воронку и сияние. Он надеялся, что его фильм и в самом деле будет самым интересным: он не узнал, отчего вымерли динозавры, но сделал не менее важное открытие: он узнал, когда и где на Землю упал и погиб чужой космический корабль. А это значит, что уже шестьдесят пять миллионов лет назад в Галактике существовали разумные существа и между собой воевали.

Только он об этом подумал, как услышал голос Шпигли:

– Замри! Не двигайся.

До Аркаши донесся низкий гул – над обугленной саванной быстро летел космический аппарат, похожий на тарелку, как их изображают в фантастических фильмах.

Аркаша замер. Он понял, что над Землей рыщут враги взорванного корабля. И пускай они примут его, Аркашу Сапожкова, за некрупного динозавра.

Тарелочка промчалась мимо, чуть наклонившись, как летит диск, запущенный спортсменом, и исчезла на темной стороне неба.

– Вы думаете, они ищут, не осталось ли кого-нибудь в живых? – спросил Аркаша и показал на светящуюся воронку.

– А может быть, просто выясняют: хорошая ли планета Земля, не стоит ли на ней поселиться?

– А если поселятся?

– Ничего у них не выйдет, – ответил Шпигли, – а то бы мы давным-давно о них узнали. Надеюсь, мы их не очень интересуем.

Аркаша пошел вниз с холма и дальше, по степи, обходя воронку. Шпигли иногда подсказывал ему, куда лучше повернуть или как обойти гнездо скорпионов или змей – в нем был вмонтирован биоискатель. Но не простой биоискатель, который может сказать, что впереди какое-нибудь животное, а прибор, который давал возможность браслету сообразить, что это за животное, опасное ли оно и что намеревается делать. Так что Аркаша его слушался, и за четыре часа, которые шел по степи, ни разу не столкнулся с какой-нибудь опасностью.

Правда, разок он прошел между ног диплодока. Но не сразу догадался, что над ним не листва деревьев, а брюхо гигантского динозавра. И только когда сверху донесся страшный утробный гул, и Аркаша даже присел от неожиданности, Шпигли заметил:

– У динозаврика нелады с животиком.

Тогда-то Аркаша посмотрел вверх и понял, что толстые стволы деревьев, между которыми он прошел, на самом деле – ноги динозавра. И тут один из стволов поднялся, согнулся и двинулся в сторону. Второй ствол покачнулся тоже.

– А теперь бежим! – приказал Шпигли. – Динозаврик решил погулять, и если он на нас наступит, он этого не заметит.

Аркаша припустил со всех ног и только шагов через сто обернулся.

На фоне зеленого неба, как будто вырезанный из черной бумаги, медленно двигался силуэт гиганта.

Динозавр поднял к небу маленькую головку, и с высоты, как будто от самых звезд, донесся его тоскливый вой.

– Чует малышка, что плохи наши дела, – сказал Шпигли.

– Почему плохи дела?

– Разве ты не устал, практикант?

– Постольку поскольку мы с вами уже прошли полдороги, если не больше, другого выбора нет, – разумно ответил Аркаша.

– Давай посидим, отдохнем, – сказал Шпигли.

– Если вы будете меня жалеть, то мы далеко не уйдем, – ответил Аркаша.

– Практикант! – воскликнул Шпигли. – Я начинаю тебя уважать.

– Спасибо. – Аркаша даже смутился. Такого он от ворчливого Шпигли не ожидал.

– Я предлагаю пройти еще три километра, – сказал Шпигли. – Судя по карте, которая во мне, мы окажемся на крутом берегу Москвы-реки.

– Москвы-реки? – удивился Аркаша.

– На крутом берегу той реки, которая текла когда-то там, где в наши дни будет течь Москва-река, неужели непонятно?

– Теперь понятно.

– Там мы с тобой отдохнем, а утром осмотримся и продолжим путешествие. Ночью на охоту выходят такие твари, что даже я могу не успеть... тебя защитить.

И как бы в ответ на эти слова послышался свист, и с неба на них что-то кинулось. Аркаша так и не успел сообразить, что это такое, потому что Шпигли выпустил в нападавших пучок молний. Одна из тварей упала на землю. Оказалось, что это скорпион с перепончатыми крыльями.

Он извивался на земле, и Аркаша подумал: «Как хорошо, что сейчас темно, я бы перепугался от одного его вида».

– Какая радость! – воскликнул Шпигли. – Это совершенно неизвестный палеонтологии вид мерзких тварей. Мы имеем право назвать его своим именем. Скорпионис Шпиглиада. Звучит?

– А почему Шпиглиада? – спросил Аркаша. – Они же на меня нападали!

– Для тебя тоже найдем каких-нибудь неизвестных гадов, – сказал Шпигли. – А я старше. И я здесь уже в шестой раз. Пора бы мне прославиться.

Когда они поднялись на высокий берег реки, уже начало светать.

Река была в тумане.

По небу неслись облака. Зеленое свечение с трудом пробивалось сквозь них.

– Ты спи, – сказал Шпигли, – а я тебя посторожу.

Аркаша прилег на землю под пузатой пальмой.

И понял, что смертельно устал. Вот уж не думал, что вместо того, чтобы снимать фильм о динозаврах, он будет вынужден бродить ночами по степи и скрываться от летающих тарелок.

Аркаша не заметил, как заснул. Ведь даже если ты очень устал, ты все равно не замечаешь, когда наступает сон. Зато всегда замечаешь, когда просыпаешься.

Так случилось и с Аркашей. Он проспал, как ему казалось, всего минуту, когда в мозгу словно будильник прозвучали слова Шпигли:

– Пора вставать, пора приниматься за великие дела!

– Ну отстаньте, – сказал Аркаша. – Ведь я всю ночь топал.

– Мне не нравится, что происходит вокруг, – сказал Шпигли. – И чем скорее я отправлю тебя в твой век, тем лучше.

– А что?

Аркаша сел и поежился. Холодный ветер прилетел откуда-то снизу. Голубой утренний туман окутал все вокруг так, что в двух шагах ничего не было видно. Из тумана снизу доносился низкий глубокий вой каких-то чудовищ, выскакивали большие комары и вились вокруг – они не кусались, но противно звенели.

– Скоро туман разойдется, – сказал Шпигли. – Я чувствую. Дождик пойдет, и туман разойдется.

– Дождика нам еще не хватало, – расстроился Аркаша.

– Зонт не входит в комплект приборов и орудий для практиканта, – сказал Шпигли. – Считается, что практиканты дождика не боятся.

– Погодите, – сказал Аркаша. – Мне кажется, что я слышу голоса.

– Не может быть, – сказал Шпигли, но замолчал.

И в самом деле, снизу, от реки, доносились слабые, как жужжание насекомых, голоса.

– Это прищельцы, – сказал Аркаша.

– Это может быть кто угодно, – возразил Шпигли. – Например, другие практиканты, беженцы, туристы из какого-нибудь фантастического будущего или даже экспедиция, которую послали искать нас с тобой.

– Пойдемте поглядим, – предложил Аркаша.

– Я возражаю, – сказал Шпигли. – Я возражаю, потому что может возникнуть опасная ситуация для моего практиканта.

– Мы осторожно, – сказал Аркаша. – Вы же понимаете, что вернее всего это несчастные пассажиры со взорванного корабля.

– А я этого не понимаю, – ответил Шпигли. – Мне кажется, что это те, кто их взорвал. И у них есть локаторы. Так что они нас засекут быстрее, чем мы их увидим.

– Значит, мы будем сидеть здесь и ждать? Чего?

Шпигли молчал минуты две. Потом сказал:

– Смелого пуля боится, смелого штык не берет. Это очень старинная песня смелых людей. Идем, только будешь во всем мне подчиняться.

Начался дождик. Он был теплый и какой-то несмелый. Но он прибил туман к земле, и стало, по крайней мере, видно, куда идти, куда ставить ногу.

Аркаша прошел вдоль берега по краю обрыва, пока не оказался над тем местом, откуда доносились голоса.

Последние клочья тумана уползали по воде, и было видно, что под обрывом, на усыпанном камнями берегу, лежит небольшой космический корабль, похожий, скорее всего, на гороховый стручок. Видно, корабль был поврежден, потому что несколько необычного вида существ стояли перед ним и рассматривали нос корабля, который врезался в каменную глыбу. Эти существа разговаривали, и звук голосов легко поднимался вверх, и с края обрыва он был хорошо слышен Аркаше.

Стало достаточно светло, и Аркаша смог разглядеть пассажиров корабля. И у него возникло странное чувство, что он их уже видел, удивительно – где, когда? Нельзя же забывать, что он попал в первобытную эпоху.

Эти существа выглядели как насекомые, хотя передвигались на двух ногах. Ножки у них были тонкие, как палочки, с толстыми твердыми суставами. Ножек было две, а вот рук – четыре. Так что всего конечностей шесть. Головы существ походили на муравьиные, но с золотистой шерстью. Большие круглые желтые глаза смотрели в разные стороны.

Одежда этих существ закрывала только маленькие туловища.

Ростом они были чуть повыше Аркаши.

– Откуда я их знаю? – вслух спросил Аркаша.

– Ты их видел раньше?

– И совсем недавно, – сказал Аркаша.

Он словно услышал скрипучий голос: «Папа, до-ро-гой!»

Нет, таких совпадений не бывает!

Аркаша хотел рассуждать и дальше, но тут он услышал знакомый гул – показалась летающая тарелка.

– Ложись! – приказал Шпигли.

Аркаша упал на траву.

На этот раз корабль инопланетян не пролетел мимо – вероятно, с него увидели существ у реки.

Тарелка взмыла вверх и затем спикировала к реке.

Шпигли, когда хотел, мог становиться тяжелым, как чугунная гиря. Аркаша почувствовал, что его руку прижало к земле, а в голове шепчет Шпигли:

– Не шевелись! Они стреляют по всему, что движется!

Были слышны крики, сыпалась земля, лопались камни, падали деревья. Поднялся ветер – он неся порывами, норовя сбросить Аркашу с обрыва.

Наконец все стихло.

– Можно подниматься, – сказал Шпигли.

Аркаша подошел к краю обрыва. Ему не хотелось смотреть вниз – он знал, что ничего хорошего не увидит.

Но посмотреть надо.

Внизу, на берегу реки, все изменилось. От похожего на стручок корабля остались лишь рваные клочья металла и пластика, будто его прожевало и выплюнуло чудовище. Земля вокруг была выжжена, и даже вода у берега, в заводи, еще кипела – над тем местом поднимался пар.

– Они их убили! – в ужасе произнес Аркаша.

– Пойдем дальше, – сказал Шпигли. – Только включи кинокамеру иними все. Нам надо будет показать это в институте.

Аркаша послушно начал снимать с обрыва. Потом он сказал:

– Может, спустимся, посмотрим? А вдруг кто-то остался жив, и мы поможем.

– Нет, – возразил Шпигли. – Мы этого не сделаем. А если убийцы вернутся обратно? Что от нас останется? Пшик!

– Я осторожно, – сказал Аркаша.

– Ты же знаешь, что я тебя не пущу.

Аркаша решил обмануть Шпигли. Он сделал вид, что согласен, но сам внезапно попытался сдернуть браслет с руки.

– Ха-ха-ха! – воскликнул Шпигли. – Некоторые наивные мальчики забывают, что каждая их мысль мне известна. Ну тащи, тащи меня, придется тебе собственную руку отрезать.

– Я нечаянно, – сказал Аркаша, и ему стало стыдно. Тем более что и эту попытку обмануть его Шпигли тоже услышал. И засмеялся.

– Ну давайте спустимся! – попросил еще раз Аркаша. – Нельзя бросать других в беде.

– Во-первых, – ответил Шпигли, – нельзя бросать в беде своих друзей и соплеменников. Знаешь, кто такой соплеменник?

– Конечно, знаю. Это тот, кто со мной из одного племени.

– Правильно. Но если ты видишь войну каких-то совершенно чужих для тебя существ – не вмешивайся. Это великий закон Галактики. Потому что мы не знаем, на чьей стороне правда.

– Я не про правду говорю, – сказал Аркаша. – Я говорю о том, что видел, как вооруженный корабль уничтожил тех, которые были там, внизу.

– А может быть, они – опасные преступники? Может быть, за ними гнались, чтобы их обезвредить? Может быть, это опасные насекомые, безжалостные и злобные. А ты их хочешь спасти?

– Я верю в то, – твердо сказал Аркаша, – что всегда надо помочь безоружному и раненому, всегда надо помочь обиженному и слабому. А уж потом мы разберемся, кто там злобный, а кто добрый.

– Чепуха, чепуха, чепуха! – завопил Шпигли. Аркаша даже поморщился от его крика внутри головы. – Так вы, люди, будете помогать паразитам. Ты спустишься, а они тебя съедят! Ты думаешь, почему я жив и буду жить дальше? Потому что я никогда не вмешиваюсь, если мне может грозить опасность. И тебе не разрешаю вмешиваться. Вот приедут специалисты, пускай они и разбираются.

– Какие специалисты? – удивился Аркаша.

– Мы доложим в Институте времени, там изучат всю обстановку и пришлют специалистов.

– Все, – сказал Аркаша. – Я очень вас уважаю, но я пошел вниз. Потому что кто-то может нуждаться в помощи.

– Но они же насекомые!

– Насекомые тоже люди! – воскликнул Аркаша.

И этим он так удивил Шпигли, что тот замолчал, и только когда Аркаша отыскал не очень крутое место и стал спускаться к реке, Шпигли попытался утянуть его обратно. Но Аркаша упрямо лез вниз, и даже Шпигли ничего не мог поделать, к тому же он не знал, кто прав, а кто нет.

Спускаться было трудно не только потому, что обрыв оказался крутой и из-под ног вниз все время срывались комья земли и камешки, но и потому, что дождь шел все сильнее и уже не был таким теплым, как вначале.

Наверное, прошло минут десять, прежде чем Аркаша достиг полосы песка, которая отделяла обрыв от реки.

Страшный горелый запах был таким сильным, что даже дождик не мог его смыть.

Вокруг было тихо и пусто, если не считать громадных обломков уничтоженного корабля.

– Ну вот, убедился? – сказал Шпигли. – Теперь пошли дальше. Ведь твои бабушка с дедушкой очень волнуются.

– И еще волнуются мои папа, мама, сестры, братья, товарищи по классу и соседи по даче, – ответил Аркаша. – Ведь вы за себя боитесь!

– Это оскорбительно, – сказал Шпигли. Он тянул руку вниз, и Аркаше казалось, что он тащит тяжелую сумку.

В тот момент облака на несколько секунд разошлись, словно специально, чтобы Аркаша мог увидеть, как по небу несется, уменьшаясь и превращаясь в яркую звезду, космический корабль – тарелка, которая недавно устроила здесь бойню.

– Видели? – спросил Аркаша.

– Видел, – сказал Шпигли. – Возможно, они считают, что сделали свое дело, и улетают. А возможно – ничего подобного, и они только заманивают нас. Мы побудем здесь еще немного, а они вернутся и нас убьют. Да и вообще – с чего ты решил, что у них только один корабль?

Глава девятая

КАК СПАСТИ ПРИШЕЛЬЦЕВ?

Аркаша пошел вдоль песчаного берега. Он разглядывал разбросанные остатки корабля – тут была такая температура, понял он, что никто не мог уцелеть. И следа от людей не осталось.

Жаль, так мы и не узнаем, что же произошло.

И тут он увидел, что по берегу спешат к нему несколько... четверо существ, таких же, как те, кто погиб возле корабля.

Одно из существ было покрупнее, трое остальных поменьше.

Они несли пучки травы, цветы, ягоды в пластиковых мешочках...

Когда эти существа увидели, что их корабля нет, а рядом с его остатками стоит какое-то неизвестное создание, они сначала замерли, но потом тот, что покрупнее, что-то крикнул, и, кидая свою добычу, существа бросились бежать.

– Остановите их, Шпигли! – велел Аркаша.

– Я не могу. Они очень боятся.

Аркаша кинулся за беглецами. Он понимал, что если это последние из пассажиров корабля, которые еще не знают, какая ужасная судьба настигла остальных, то они убегут и окажутся беззащитными в этом мире. Они, может, и не подозревают, какие чудовища здесь обитают!

К счастью для Аркаши, существа бежали очень медленно, тонкие ножки с трудом держали их.

– Сила тяжести здесь значительно выше, чем у них дома, – сказал Шпигли. – И воздух для них плох. Далеко не убегут.

– Ну скажите им, что мы не враги!

– Они думают, что это мы погубили их корабль.

– Ну объясните! Я же не могу с ними говорить, я их языка не знаю.

– Я стараюсь, – сказал Шпигли. – А ты беги, не останавливайся.

На помощь Аркаше пришел случай. На берегу, занимая весь пляж от обрыва до воды, лежала черепаха, да, именно такие черепахи водились в меловом периоде – длиной она была метров в пять, а ее панцирь был украшен толстыми короткими шипами.

При виде беглецов черепаха лениво подняла голову и широко открыла свой короткий загнутый клюв.

Насекомые замерли. Видно, плавать они не умели, а больше деваться было некуда.

Тогда самое крупное из несчастных существ схватило камень и кинулось на Аркашу. Оно бросило в него камень, но тот не долетел и упал в воду, подняв столб брызг.

– Они в полном отчаянии, – сообщил Шпигли, – я думаю, что они не очень опасны.

– Так скажите им, что и мы не очень опасны!

Наконец, видно, до существа дошли мысли Шпигли. Оно остановилось, прислушиваясь. Аркаша рассматривал пришельцев.

Конечно же они были насекомыми, и он их видел раньше...

Правильно! Перед самым началом практики, когда они возвращались с Алисой Селезневой со станции юных биологов! Тогда такое странное существо преследовало Аркашу и кричало, что он его папа!

Какое странное совпадение! Такого быть не может.

Ведь между двумя встречами шестьдесят пять миллионов лет!

– Я объяснил ему, что мы здесь находимся как исследователи, в экспедиции. Что мы вдвоем с тобой. Только он не понимает... он даже меня оскорбляет, – сказал Шпигли.

– Что вы имеете в виду? – спросил Аркаша.

– Он думает, что ты – единственное здесь разумное существо, а я если и существую, то как паразит. Сиж у тебя на руке и пью твои соки! Это же надо докатиться до такого обвинения!

– Лучше узнайте, пожалуйста, кто они и откуда, что произошло?

– Не все сразу, практикант, не все сразу. Они перепуганы, они увидели, что погиб их корабль, что погибли все их друзья, они меня сейчас спрашивают, неужели никого не осталось?..

Аркаша отошел немного в сторону, чтобы пропустить пришельцев, и они медленно подошли к обломкам своего корабля.

Маленьких пришельцев стала бить дрожь, один даже упал и чуть шевелил лапками, а старший и самый большой пошел вокруг обломков, заглядывая под них и за ними.

– Я сказал, что их враги выжгли все живое боевыми лучами и улетели... А может, и не улетели. А он говорит, что когда кластапуги догнали их большой корабль и взорвали его, то им удалось спуститься на нашу планету на спасательном катере. Многие погибли, но некоторым удалось спастись. Самым маленьким.

– Как так самым маленьким?

Шпигли молчал, он слушал, как говорит насекомое, и минуты через две начал пересказывать его речь. А Аркаша тем временем поближе разглядел пришельцев, которые старались помочь своему упавшему товарищу. Один из них или точно такой же, как они, живет сейчас в Москве двадцать первого века. И эту загадку Аркаша никак не мог решить.

– Он говорит, – перевел Шпигли, – что кластапуги захватили их планету. Завоевали. Они убили очень многих, потому что коо жили мирно...

– Кто такие коо? – спросил Аркаша.

– Неужели ты не понимаешь, – вот эти насекомые и есть коо. На них напали злобные кластапуги, которые хотели захватить их планету. Коо смогли запустить последний корабль, на который они погрузили своих детей и воспитателей. Они надеялись, что большой космический корабль сможет скрыться от врагов и найти новую планету для жизни. Но кластапуги увидели, как стартует корабль, и погнались за ним. Они настигли его у самой Земли, и конец этого боя мы увидели. Капитан корабля приказал детям перейти в спасательный катер, потому что с минуты на минуту большой корабль должен был погибнуть. И за несколько секунд до его страшного конца спасательный катер ушел к Земле, унося часть несчастных детей коо.

Аркаша вспомнил, что видел, как от большого корабля перед его гибелью отделилась маленькая звездочка. Значит, это и был «стручок»!

– Они надеялись, что в пылу битвы кластапуги упустят беглецов. Но те заметили отлет спасательного катера и отправили на его поиски один из своих истребителей. Коо опустились здесь, под прикрытием высокого обрыва, и так как никто на них не нападал, они сделали непростительную глупость – остались возле корабля. Надеялись, что, как только кластапуги улетят, они отправятся дальше искать себе новую родину. Мудрый Жи и трое детей постарше пошли искать пищу для остальных, но вдруг услышали взрыв. Они побежали обратно... и увидели, что все погибли, а рядом с уничтоженным кораблем стоит отвратительного вида чудовище.

– Какое еще чудовище? – спросил Аркаша.

– Я думаю, они имели в виду тебя, мой дорогой практикант, – ответил Шпигли.

Насекомые закивали головами, показывая, что Аркаша и есть чудовище.

Аркаша решил оставить выяснение этого вопроса, пока не научится языку насекомых. Он уже понял, что не может вот так – повернуться и уйти отсюда. Перед ним стояла кучка несчастных беженцев, которых надо выручать. И неважно, хорошие эти коо или плохие, как рассуждает Шпигли. Главное, что трое детей с другой планеты и учитель Жи оказались в чужом мире, не знают, что делать и куда идти.

Как только Аркаша понял, что теперь он должен отвечать за жизнь этих осиротевших пришельцев, он сразу стал спокойнее и даже старше. Так с ним всегда случалось на экзаменах.

Может, еще это происходило оттого, что у Аркаши – единственного во всем классе – было пять младших сестер и братишек. Аркаша понял, что теперь съемки фильма и наблюдения за динозаврами становятся не главным его занятием...

– Ты что задумался? – спросил Шпигли. – Что-то я не могу разобраться в твоих мыслях, практикант.

– Спросите их, – сказал Аркаша, – могут ли они остаться на Земле и жить здесь?

Шпигли ответил почти сразу.

– Нет, – сказал он, – к сожалению, это исключено. Учитель Жи говорит, что сила тяготения на Земле в два раза сильнее, чем на их планете. От этого они ходят с трудом. К тому же воздух не совсем такой, какой им нужен, они задыхаются. К сожалению, они скоро умрут, и никто их не может спасти. И еще он говорит, что его уже не жалко, а вот последних детей планеты Коо очень жалко.

– Пускай не плачет, – сказал Аркаша. – Есть мы с вами, и мы не дадим их в обиду.

– Правильно! – отозвался Шпигли. – Только помни, практикант Сапожков, что мы с тобой не имеем права рисковать своим здоровьем. И пускай они живут как хотят, мы зла им не причиним. Но помочь мы им не сможем. Исключено.

– Все наоборот. Мы им будем помогать!

– Я тебе запрещаю рисковать! Хватит уже того, что первая машина времени засыпана в пещере. Тебя ждут дедушка с бабушкой.

– Ну что вы пристали ко мне с дедушкой и бабушкой! Они меня уже десять лет как ждут с утра до вечера. Но сначала мы решим, как помочь детям.

Насекомые коо стояли в отдалении, глядели на Аркашу, который разговаривал сам с собой, и не понимали, что же происходит.

– Шпигли, – приказал Аркаша, – немедленно начинайте учить их русскому языку.

– Как же я это сделаю?

– Вы отлично знаете, как это делается, – сказал Аркаша. – Вы же можете говорить с ними без слов.

– Я просто передаю им свои мысли.

– А вы передавайте не только мысли, но и слова, – попросил Аркаша. – Может, кто-нибудь из них окажется способным. А я пока подумую.

Шпигли фыркнул, он был недоволен поведением своего практиканта. Но, как ни странно, послушался.

А Аркаша стал думать.

Если оставить пришельцев здесь, в надежде что они как-нибудь выживут, вернее всего, они не дождутся помощи. Ведь, судя по всему, все их соотечественники убиты. Надо будет обязательно выяснить потом у них, а почему эти кластапуги так жестоко на них напали?

Как назло, этих пришельцев нельзя взять с собой – они рассыплются через полкилометра. Оставить их на берегу – через полчаса какой-нибудь хищный динозавр или крокодил решит, что кто-то подбросил ему вкусный ужин, и полакомится несчастными насекомыми.

Значит, остается одно: первым делом отыскать для пришельцев надежное убежище, чтобы они могли потерпеть там, пока Аркаша со Шпигли найдет запасную машину времени.

– Ну и как у вас идут дела? – спросил Аркаша у Шпигли.

– К сожалению, никаких способностей к языкам они не обнаруживают, – ответил Шпигли. – Считаю, что нам не повезло.

– Постольку поскольку мы все равно должны их спасти, – сказал Аркаша, – придется тогда вам обо всем договариваться. Нам надо отыскать для них убежище.

– Опасно задерживаться здесь, – сказал Шпигли. – Давление падает, погода портится, над нами образовалось облако пыли. Мне все не нравится. Оставим их здесь, пускай ждут.

– Нет, только не здесь, – возразил Аркаша, – здесь опасно.

– Но нам еще опаснее, – сказал Шпигли.

Аркаша уже привык к нему и научился не слушать поучений браслетика. Все-таки тот не человек. Это люди совершают неправильные поступки. Хорошие или плохие, но неправильные. И этим они отличаются от машин и биороботов, даже самых умных. Конечно, с точки зрения безопасности, как любит говорить Шпигли, разумно поспешить к машине времени. В задание нашей исторической практики не входит забота о каких-то непонятных уродцах. Но Аркаша не мог их бросить – разумно это было или неразумно!

– Как вы думаете, – спросил Аркаша у Шпигли, – где им безопаснее всего укрыться, пока мы будем искать машину времени?

– Не знаю, – ответил Шпигли. Он был недоволен своим практикантом. – К тому же я должен сообщить тебе, Сапожков, что я буду голосовать за неудовлетворительную отметку за практику. Ты был недисциплинирован и не занимался исторической тайной, а занимался неизвестно чем.

– Постольку поскольку... – начал было Аркаша, и тут один из детей пришельцев сказал:

– Постольку поскольку здравствуйте, здесь опасно, но где машина времени?

Аркаша даже рот разинул от удивления.

Но Шпигли его разочаровал:

– Этот пришелец повторяет твои слова, как попугай, а сам ничего не понимает.

Старый учитель Жи что-то начал говорить, размахивая четырьмя лапками, но Шпигли молчал.

– Шпигли! – Аркаша почувствовал неладное. – А ну-ка немедленно расскажите мне, что сказал учитель?

– Ничего особенного...

– Я никогда не думал, что роботы-охранники могут говорить неправду, – удивился Аркаша.

– Вопрос не в правде или неправде, – сказал браслетик, – а в том, что я оскорблен твоим недоверием. И непослушанием. Мне еще никогда не попадался такой непослушный практикант. И никто еще не называл меня роботом! Ах, как жаль, что у меня нет ног! Я бы убежал от тебя – и разбирайся в своих проблемах как знаешь.

Насекомые не слышали разговора между Аркашей и Шпигли, потому что Аркаша думал, а Шпигли читал его мысли и так же мысленно отвечал. Но они понимали, что дело неладно. И конечно же боялись остаться здесь без защиты.

– Учитель Жи, – медленно сказал маленький пришелец, – говорит, что я, Красивый Ай, гений. Я учил все языки моего дома Коо, я учил твой язык, я слушал твои слова, и постольку поскольку я все помню, я хочу говорить дальше. Слышишь, мой учитель Жи говорит тебе то же самое?

– Эх, Шпигли, Шпигли, – сказал Аркаша. – Вы неточный переводчик. Но давайте не будем ссориться. Вы же видите, что идет дождик, космические пришельцы замерзли и дрожат. Я тоже. Где нам спрятаться? Где здесь пещера или шалаш?

– Здесь нет шалаша, – сказал Шпигли. – И я не чувствую пещеры. Пускай пришельцы сами поищут себе убежище. Нам пора идти.

Аркаша обернулся к Красивому Аю. Теперь он уже был уверен, что через шестьдесят пять миллионов лет именно с ним он встретится в Москве. Он не знал, почему так случится, но по крайней мере меньше удивлялся тому, что какое-то разумное насекомое будет называть его папой и повторять любимое выражение Аркаши: «Постольку поскольку».

– Ты меня немного понимаешь? – спросил Аркаша.

– С каждой минутой я запоминаю все больше слов, – сказал Красивый Ай. – Скоро я буду все понимать.

– В этом нет нужды! – обиделся Шпигли. – Я всегда скажу тебе, Аркадий, о чем думает это насекомое.

Аркаша поморщился. Он услышал в тоне Шпигли презрение к несчастным пришельцам.

Он посмотрел вверх. Конечно, лучше бы, чтобы пришельцы подождали его возвращения наверху, на обрыве. Но он понимал, что насекомым, непривычным к силе тяжести на Земле, взобраться на обрыв невозможно.

– Ждите, – сказал он, – спрячьтесь среди обломков вашего корабля. А я пройду вдоль берега и поищу для вас убежище. Понял?

– Конечно, я понял тебя, мудрый старший брат. Мы затаимся, как ничтожные брамблюки при виде господаруса.

– Правильно, замечательно! – ответил Аркаша. Конечно, он не знал, кто такие брамблюки и почему они боятся господарусов. Но вряд ли это так важно! – Ждите. Мы со Шпигли вас не покинем.

– Не покинем, – подтвердил Шпигли, который не рад был задержке, но решил больше не спорить с Аркашей.

Аркаша посмотрел, как учитель Жи загнал своих подопечных под большой кусок обшивки корабля, и быстро пошел вдоль берега, глядя вверх на обрыв в надежде отыскать там черную дыру пещеры. Но ничего не находил.

Река бежала быстро, вода в ней была серой, дождь хлестал все сильнее, стало сумрачно, словно наступал вечер.

– Сколько сейчас времени? – спросил Аркаша.

– Девять тридцать утра, – ответил Шпигли. – Ничего мы не найдем.

Было холодно, и с каждым мгновением становилось все холоднее.

Дождь шел мутный, словно в нем мыли посуду. От этого сквозь струи было трудно смотреть.

Аркаша хотел спросить Шпигли, что он думает по этому поводу, но тот прочел мысль Аркаши и ответил:

– Постольку поскольку от взрыва в воздух поднялось много тонн пыли, она теперь смешивается с водой...

Аркаша заметил, что Шпигли начал говорить его любимое слово. Неужели это так зарачительно?

Они отошли уже далеко от разбитого «стручка», но никакого укрытия для пришельцев не было видно.

Впереди возвышались какие-то фигуры, похожие на толстые стволы деревьев, вернее, на толстые морковки, которые росли корнем вверх.

– Поглядите, – сказал Аркаша. – Кажется, я что-то нашел.

– Я бы на твоём месте не радовался, – сказал Шпигли.

Аркаша подошел поближе и удивился – оказывается, это были динозавры. Они сидели столбиками, как суслики у своих нор. Размерами они были чуть больше слона, на головах у них торчали красные гребни, как у петухов, одним гребнем Аркаша мог бы накрыться, как одеялом.

– Коритозавры, – сказал Шпигли, – они относятся к гадрозаврам.

– Они хищники?

Каждый из коритозавров был окружен невысоким земляным валом, словно сидел в пиале.

– Это травоядные динозавры, можешь их не бояться, только не спугни, а то они наступят на нас.

– А что они делают? – спросил Аркаша.

– Что делают все хорошие мамы?! – сказал Шпигли. – Они высиживают яйца, а потом займутся воспитанием детенышей.

– Не может быть! – сказал Аркаша. – Динозавры все-таки тупые ящеры, как они могут воспитывать детей?

– Это раньше так думали, что динозавры – тупые ящеры, – сказал Шпигли. – А теперь уже точно установлено, что многие из них не только были теплокровными, но они выращивали потомство, жили стаями, в которых были свои вожаки – если бы не загадочная беда, мы с тобой могли бы стать динозаврами. Разумными динозаврами.

– Что касается вас, я не знаю, – сказал Аркаша. – Но из меня бы динозавр не получился.

Несмотря на то, что Аркаша чрезвычайно осторожно подходил к мамашам-динозаврихам, которые высиживали яйца, они увидели его и, как по команде, повернули к нему странные петушиные головы и принялись угрожающе шипеть. Они пугали пришельца, но Шпигли был спокоен.

– Никуда они со своих яиц не слезут! Они тебя только страшат. Тем более что им очень холодно. Я так и чувствую их страх – они не тебя, маленького, боятся, они боятся, что стало холодно, и яйца могут остыть. Тогда их детишки погибнут. Они думают, что раньше так не было.

Вдруг Шпигли замолчал, а через секунду крикнул:

– Бежим!

– Почему?

– Не спрашивай!

Аркаша послушно побежал по берегу.

– Прижмись к обрыву! – велел Шпигли.

Аркаша послушался его, и вовремя.

Мимо него, тяжело приминая песок и камни, пронесся страшный ящер. Он был так невероятно силен и тяжел, что Аркаша даже не сразу сообразил, как он называется, – не узнал его, хоть видел на экране и в книгах.

– Тиранозавр! – подсказал Шпигли. – Ну, нам с тобой, практикант, повезло! Тиранозаврус рекс! Знаешь, что это значит?

– Король ящеров-тиранов! – перевел Аркаша.

– Почти правильно, – сказал Шпигли, который не жаловал слишком знающих практикантов.

Но Аркаша не слушал Шпигли. Он увидел, как тиранозавр прыгнул на ближайшую мамашу.

У него было странное, уродливое тело – гигантский, толстый, сильный хвост, как у крокодила, громадные сильнющие задние лапы, как у птицы Рокх, на концах их, как загнутые сабли, торчали такие когти, что они могли разорвать пополам бегемота. Голова у этого гиганта была так велика, что занимала треть тела, а пасть, в которой поместился бы автомобиль, усеивали длинные неровные зубищи. Но при всем том передние лапы тиранозавра были маленькими, особенно по сравнению с остальным телом. Впрочем, как увидел Аркаша, они были не очень нужны чудовищу.

Тиранозавр ударил по самке коритозавра всем своим весом, и, отчаянно закричав, она упала, до последней секунды стараясь прикрыть собой гнездо. Ударом задней лапы тиранозавр убил свою жертву и тут же схватил маленькими ручками, чтобы удобнее было заталкивать ее в пасть.

Остальные мамы вопили, квакали, стрекотали, как пулеметы, но своих гнезд не бросили – они понимали своим небольшим умишком, что если сейчас, в наступившие холода, оставить яйца хоть на несколько минут, они погибнут.

Тиранозавр терзал свою жертву, и Аркаша стоял, не в силах оторвать глаз от страшного зрелища. Дождь то запускал сильнее, то едва моросил. Потом начался град.

Градинки, правда, были мелкие, но больно стегали по плечам и голове.

И вдруг к шуму и крикам прибавился рев – по мелководью вдоль берега к тиранозавру неслись несколько динозавров, в которых Аркаша сразу распознал самцов коритозавров. Конечно, их зубы и когти далеко уступали природному вооружению тиранозавра, но сородичи погибшей мамыши примчались стремительно, совсем не думая, могут ли они победить гигантского хищника. Тиранозавр распахнул свою пасть-вагон, прыгал на врагов, пытался отбиваться маленькими передними лапами, размахивал хвостом и ревел так, что тряслись вершины деревьев.

Коритозавры кидались на него, как собаки на медведя, повисали на нем, и наконец гигантский хищник не выдержал. Как и все негодяи, он был трусоват, и если видел, что его не боятся, предпочитал убираться восвояси.

Коритозаврихи, сидевшие на гнездах, верещали, переживали, один из самцов – ну что прикажете делать! – уселся на место погибшей мамыши. И тут из облаков сквозь холодный дождь вывалились три птеродактиля, которые принялись рвать тело убитой.

– Нам тут не пройти, – сказал Шпигли.

– Что, полезем наверх?

– Обрыв высокий. Да есть ли смысл? Нам уже сейчас возвращаться минут пятнадцать.

А что, если дальше уйдем?

Шпигли был прав. И Аркаша понимал это.

– Но что делать?

– Честно говоря, не знаю, – ответил Шпигли.

– Скажите, пожалуйста, – спросил Аркаша, – а насколько вы сильный?

– Я очень сильный.

– Я знаю, что вы можете заставить меня лечь на землю. Но можете ли вы добавить силы моей руке?

– Нет ничего проще.

– Я могу стать в десять раз сильнее?

– Ты не сможешь, но твоя правая рука может.

– Можно я попробую?

Аркаша подошел к высохшему деревцу толщиной в руку. Кора дерева была мокрой и холодной.

– Дайте мне силу, смелый Шпигли! – попросил Аркаша.

– Ты готов к подвигам, практикант-геркулес? – ответил браслетик.

Аркаша постарался согнуть дерево. Оно легко поддалось, и когда Аркаша нажал посильнее, с громким треском сломалось. Коритозаврихи, которые, нахохлившись, сидели на яйцах, обернулись в сторону Аркаши, но, видно, решили, что он не опасен, и даже не стали звать на помощь мужей.

Аркаша поднял дерево одной рукой.

– А теперь отпускай, – сказал Шпигли.

– Почему? Мне же легко, – удивился Аркаша.

– Ничего в мире не достается бесплатно, – сказал Шпигли. – В обычной жизни твои мышцы работают на один процент от их возможностей. Я же заставляю их работать в полную силу. Подумай, ведь не я сломал дерево – сломал его ты, я только помог твоим мышцам собраться в кулак и сделать, что от них требуется. В каждом человеке хранятся замечательные силы, только он их не использует. Посмотри, например, на штангиста. Он же поднимает штангу в пять раз больше собственного веса. Но только потому, что может направить все свои силы в

одну точку, в один момент. Попробуй штангист погулять, держа штангу над головой, – ха-ха-ха! На второй минуте он грохнется на землю!

Аркаша почувствовал, что силы оставляют его. Он кинул на берег сломанное дерево. Главное он узнал: если нужно, он сможет стать силачом.

– Пошли обратно, – сказал он. – Я нашел решение!

Он повернул назад и быстро пошел вдоль реки. Шпигли донимал его:

– Ну скажи, чего ты хочешь? А то в мыслях у тебя нет никакой ясности!

– Придем, увидим, – отвечал Аркаша.

Стало еще темнее. Река заметно вздулась, вода в ней уже не текла, а неслась вперед, мутная и злая. Вместе с каплями дождя с неба падали снежинки.

– Этого быть не может, – сказал Шпигли. – Мы же с тобой изучали историю мелового периода. Климат здесь ровный, теплый, почти тропический. Вокруг растут пальмы и папоротники, все динозавры ходят голые, ни на ком шерсти нет.

– А вот и есть, – сказал Аркаша. Он показал на животное, похожее на большую крысу, которое плыло по реке, высунув длинную острую морду, а потом выскочило из воды и побежало вдоль берега на низеньких кривых ножках, волоча за собой голый короткий хвост.

Крыса и в самом деле была покрыта шерстью.

– Но ведь ты знаешь, кто это! – воскликнул Шпигли.

– Крыса?

– Это первобытная крыса, прародительница тех, которые тебе известны. Из нее потом выведутся и крысы, и мыши, и даже ондатры. Это предок грызунов. Когда динозавры вымрут, вот эти маленькие, невзрачные на вид млекопитающие и займут их место на Земле.

– Но почему изменился климат? – спросил Аркаша. – Нам с вами никто об этом не сказал.

– Вот я и думаю, – ответил Шпигли. – Только пока не придумал.

Они вернулись на то место, где оставили пришельцев.

Их нигде не было видно!

У Аркаши даже сердце упало: не сожрал ли кто-нибудь несчастных беглецов?

Но когда они подошли поближе, то увидели, что все коо сидят вдоль большого обломка их корабля, прижавшись к нему спинами и тяжело дыша.

– Ты нашел нам дом? – спросил Красивый Ай. – А то нам совсем плохо.

– Я придумал другое.

– А нам далеко идти? – спросил Красивый Ай.

– Вам никуда не надо идти.

Аркаша отошел на несколько шагов от разбросанных по берегу обломков корабля. Наконец он увидел подходящий кусок обшивки, как бы обрывок гигантской трубы, правда, разорванный и сплюснутый.

– Шпигли, – сказал Аркаша. – Включайте меня.

– Как включать? – не понял его Шпигли.

– Включайте мою богатырскую силу!

Аркаша схватил «трубу» и потащил повыше к самому обрыву. Потом он распрямил сплюснутую часть обломка и, навалившись на ее край, заставил края трубы войти в обрыв. Теперь получилась как бы искусственная пещера, бочка, лежащая на боку, днищем которой стал обрыв, а открытая часть глядела на реку.

Тут силы полностью оставили Аркашу, и он упал на песок.

Пришельцы коо заверещали, защелкали.

– Учитель Жи, – сказал Шпигли, – говорит, что никогда не мог предположить, что в таком небольшом и слабом на вид теле скрывается могучая сила. И если все жители этой планеты будут такими же, как господин Великий Богатырь Аркаша, то коо не страшны никакие бандиты. Какое счастье, что у его детей такие замечательные друзья и защитники.

Переведя эти слова учителя Жи, Шпигли сказал:

– Теперь потерпи немножко. Я тебе сделаю питательные уколы – иначе ты у меня погибнешь от истощения.

Он сделал Аркаше уколы и велел ему лежать, а Аркаша попросил его:

– Объясните этому учителю Жи, что мы с вами не здесь живем, а в будущем. Я думаю, раз у них есть космические корабли, они должны понимать, что такое путешествие во времени.

Сказав так, Аркаша отполз в дом, который сделал для насекомых, и улегся там, чтобы не мокнуть больше под дождем.

Красивый Ай и два других ребенка коо уселись возле Аркаши и стали отгонять мух и комаров, которые тут же набились в укрытие – им тоже не нравились холодный дождь и ветер.

– Постольку поскольку, – сказал Красивый Ай, – ты мой друг, то я хочу, чтобы ты стал моим папой. У меня нет папы и мамы, а кто будет обо мне заботиться?

Остальные дети коо не поняли толком, о чем говорит Красивый Ай, но тоже стали хныкать и просить Аркашу о чем-то на своем языке.

Аркаша не заметил, как под эти голоса заснул, – видно, устал, даже уколы не помогли.

Когда он проснулся, почти ничего не изменилось. Коо сидели в доме-бочке, который построил Аркаша. Всем было холодно. Снаружи хлестал дождь.

– Надо идти, – сказал Аркаша.

– И как назло, газ в воздушном шарике кончился, – сказал Шпигли.

– В такую погоду никакой воздушный шарик не поможет, – ответил Аркаша. – Унесет меня за кудыкины горы.

– Прошу прощения, – сказал Шпигли. – В моем внутреннем атласе такие горы не указаны.

– Когда вернемся домой, покажу, – пообещал Аркаша.

Ой, как ему не хотелось вылезать наружу. «Это не меловой период, а ноябрьский, – подумал Аркаша. – В такую погоду хороший хозяин собаку на двор не выгонит...»

– Твои мысли мне непонятны, – сказал Шпигли. – Может быть, ты психически больной? Какой еще хозяин? Какую собаку? Откуда ты взял ноябрьский период?

– Я шутил, – сказал Аркаша. – Жаль только, что нас с вами отправляли в теплые края и не выдали меховых шуб. Может, мне вас на шею повязать вместо воротника?

– А что! Попробуй! – согласился браслетик.

Аркаша легко снял его и прикрепил на шею. Меховой браслетик уже высох и был теплым. В самом деле, такой воротник немного согревал.

– По крайней мере, – сказал Аркаша, – я ангиной не заболею.

Он посмотрел на пришельцев. Они сидели все четверо в ряд у стены. И смотрели на него круглыми золотыми глазами.

«Теперь я понимаю, что значит материнское чувство, – подумал Аркаша. – Это бывает, когда тебе страшно, как бы что-нибудь плохое не случилось со слабыми существами, которые тебе доверились и ждут от тебя помощи и защиты».

– Вы рассказали учителю Жи, почему мы здесь оказались? – спросил Аркаша у Шпигли.

– Да, – ответил браслетик. – И он очень расстроился. Ему можно посочувствовать. Теперь он оказался не только в миллиардах километров от своей планеты, но и в миллионах лет от нашего времени. Но он будет нас ждать. Что ему остается делать?

Шпигли сказал, куда идти, и Аркаша вылез под холодный дождь. Стало еще хуже, чем час назад. Темнее, холоднее, мокрее.

Аркаша с трудом взобрался на обрыв, чтобы продолжить путь к машине времени. Камни и куски земли валялись из-под рук и ног, стебли кустов и пучки травы не держались в размокшей глине. Наверное, полчаса Аркаша полз вверх, и если бы кто-то увидел его в тот момент, когда он выпрямился на обрыве, он бы решил, что это не человек, а грязная глиняная фигурка.

Наверху ветер дул еще сильнее. Кое-где в низинках скопились полоски снега. И когда Аркаша, сгибаясь под порывами ветра, шагал вперед, под ногами время от времени похрустывал ледок, затянувший лужи.

– Такого быть не может, потому что этого не может быть никогда, – бормотал Шпигли. – Ни в одном учебнике или справочнике вы такого не увидите.

Аркаша поглядел налево. Там еще светилось зеленоватое зарево – значит, из воронки продолжала вытекать радиация.

– Скажите, – спросил Аркаша, – а не может быть какой-нибудь связи между холодным дождем и взрывом космического корабля?

– Еще чего не хватало! – откликнулся Шпигли. – Какая может быть связь? Ну, взорвался и взорвался, и дело с концом!

Аркаша понимал, что идти надо скорее, чтобы не замерзнуть, но ветер бил в лицо и кидал горстями ледяную воду.

Аркаша стал считать шаги, но на трехстах сбился, а Шпигли прикрикнул на него:

– Перестань считать, ты мне мысли путаешь!

– А о чем вы думаете? – спросил Аркаша.

– О том, почему вымерли динозавры! – ответил Шпигли.

– Они вымерли от холода, – сказал Аркаша.

– Это ненаучно, – сказал Шпигли. – Через полчаса дождь кончится и станет тепло. Надо потерпеть.

– Вот я и терплю, – сказал Аркаша.

Он шел дальше и дальше и старался думать о всяких приятных вещах – например, о том, как он катался прошлым летом на досках на Гавайских островах или как славно сидеть у камина в горах, смотреть, как огоньки перебегают по дровам... нет, лучше костер. Конечно, костер в лесу, а на перекладине кипит чайник. Сейчас будет горячий чай!

– Аркадий, немедленно прекрати! – закричал Шпигли. – Твои мысли вносят в мою систему полный разлад!

Дорога начала подниматься в гору. Они вступили в редкий лес из деревьев, стволы которых были похожи на капустные кочаны в три обхвата, а сверху метелкой торчали листья.

– Ой! – воскликнул Аркаша.

Он неожиданно налетел на динозавра.

Это был округлый толстяк, похожий на бегемота-переростка. Он сидел, прижавшись спиной к стволу дерева, и мелко дрожал.

– Прости, – сказал Шпигли, – я его не заметил, потому что он ни о чем не думает, а ждет, когда кончится дождик.

Динозавр вдруг оглушительно чихнул.

Наверное, в другой ситуации это показалось бы Аркаше смешным, но сейчас он только подумал: «Не хватало еще насморком от динозавра заразиться!»

И, скользя по траве, он ускорил шаги.

Главное, понимал он, терпеть и терпеть...

Глава десятая

СИЛЬВЕР НА КОВРИКЕ

Аркаша шел, не думая о времени. Шпигли тоже не приставал со своими рассуждениями – видно, понимал, что лучше под руку не говорить. Только часа через три, когда Аркаша совсем уж терял сознание, а его ноги сами кое-как переступали, Шпигли сказал:

– Остановись, возьми из пояса обед и поешь.

– Я не хочу.

– Ты скоро упадешь, если не подкрепишься.

– Я упаду, если остановлюсь.

Разумеется, этот разговор был совершенно безмолвным – все равно у Аркаши не было сил открыть рот.

Тогда Шпигли сменил тактику:

– Открой глаза! Посмотри, какой удобный камень лежит под тем деревом. Тебе очень хочется присесть на него и выпить горячего чая.

И он так это сказал, что Аркаша понял: именно этого ему и хочется.

Ноги подкосились, и он рухнул на твердый мокрый камень. Здесь, под деревом, дождь шел не так сильно, но капли, собираясь на больших листьях, скатывались вниз и, как вишенки, ударили по земле или по голове Аркаши.

Аркаша с трудом вспомнил, как надо вынуть из пояса пакетик с обедом, разорвать его, чтобы пища согрелась. Есть ему совсем не хотелось, но он с удовольствием выпил крепкого горячего чая с витаминами и с последним глотком почувствовал, что его тело согревается и он готов идти дальше.

В низине на краю леса Аркаша увидел несколько динозавровых гнезд. Только гнезда были невелики, да и яйца в них чуть больше гусиных.

– Видите, – сказал он Шпигли, – не все сидят на яйцах, некоторые матери занимаются своими делами.

– Не скажи, – возразил Шпигли, – ты лучше посмотри направо.

Аркаша увидел, что там, в овражке, сплелись в один клубок несколько динозавров, не очень крупных, с человека ростом.

– Они не смогли больше сидеть в гнездах, – сказал Шпигли. – Слишком холодно.

– Разве они не понимают, что их дети погибнут?

– Наверное, не понимают. Не преувеличивай их способности, – ответил Шпигли. – Холодно им, замерзают, вот и бросили гнезда.

– Вы говорили, что скоро распогодится, – сказал Аркаша, – а становится все хуже. Если бы так случалось часто, наверное бы, они не бросали гнезд.

– Ну не знаю, – воскликнул Шпигли, – как быть?! Не знаю я всех дел мелового периода. К тому же я промок.

Аркаша ничем не мог помочь своему охраннику и поспешил в дорогу.

Они и дальше встречали всяких динозавров, и больших и мелких. Но все динозавры чувствовали себя не в своей тарелке.

– Они ищут, где магазин меховых шуб, – сказал Аркаша.

Но Шпигли не понимал юмора, поэтому он ответил:

– В меловом периоде не было магазинов.

– Конечно, – не сдавался Аркаша. – Шубы продавали на базаре.

– По-моему, мой практикант сходит с ума, – сказал Шпигли. – Может, еще посидим, отдохнем? Там у тебя должен оставаться неприкосновенный запас продуктов.

– Он может пригодиться потом, – сказал Аркаша. – И вообще зря я его не оставил пришельцам. Я сам виноват – в голову не пришло.

– И хорошо, что не пришло. Откуда ты знаешь, что этим насекомым можно наш чай пить? Даже мне чай пить вредно.

Раздался страшный треск – он даже заглушил шум ветра и дождя.

– Стой! – приказал Шпигли.

Аркаша уже и сам остановился.

Не видя его, по лесу, пробиваясь сквозь кусты и ломая деревья, как слепой, шел самый удивительный зверь, которого можно увидеть в меловом периоде. И хоть Аркаша чувствовал себя ужасно, он замер, восхищенный такой шуткой природы.

Этот динозавр называется стегозавром. Размером раза в два крупнее слона, он кажется еще более высоким, потому что на его спине в два ряда тянутся метровые лепестки – костяные пластины, похожие на заостренные на концах лепестки ромашки.

– Ты о нем читал? – спросил Шпигли, которому очень хотелось поделиться с Аркашей своими знаниями.

– Я знаю, что эти пластины защищают его от врагов. И еще некоторые ученые считают, что они помогают стегозавру согреваться. Он выползает из зарослей, подставляет пластины солнечным лучам, и они быстро прогреваются, а затем согревшаяся кровь стегозавра разбегается по всему телу, и он просыпается.

– Но мозг у него размером с грецкий орех! Ты об этом помнишь?

– Забыл. – Аркаша пожалел Шпигли. Ведь ему так хотелось показаться учнее своего практиканта.

Стегозавр двигался еле-еле. Он наткнулся на толстое бревно, которое не смог сломать, и закашлялся. Он кашлял громко, ухал, от его кашля с деревьев сыпалась листва. Все его массивное полосатое тело содрогалось от приступов кашля, он раскрывал небольшой рот, и оттуда, как из трубы, вылетал рев.

– Плохо дело, – сказал Аркаша. – Что-то они уж очень теплолюбивы. Надо бы шерстью обзавестись.

– Ты уже говорил об этом, – сказал Шпигли. – Но они же не думали, что станет холодно.

– Но почему? – Аркаша никак не мог дать себе ответа на вопрос: почему вдруг наступили холода?

Они вышли на поляну, перед ними тянулась равнина. За ней, скрываясь в полосах дождя, поднимались скалы.

– Уже немного осталось, – сказал Шпигли. – Потерпи, практикант. Нам к тем скалам.

К сожалению, долина, по которой пришлось идти, была залита водой. Кое-где вода только хлюпала под ногами, иногда приходилось переходить широкие лужи.

Аркаша не боялся промокнуть – к счастью, его башмаки, как и комбинезон, были влагонепроницаемыми, а также рассчитаны на змеиный укус – ни одному зубу с ними не справиться. Шпигли совершенно серьезно предупредил его:

– Ты близко к динозаврам не подходи. Еще заразишься.

И вдруг сам чихнул.

Это было так неожиданно, что Аркаша остановился и спросил:

– Мне показалось?

– Надо говорить: «Будьте здоровы!» – сообщил ему Шпигли.

– Неужели роботы чихают?

– Это еще одно доказательство тому, что я никакой не робот!

Аркаша замолчал и принялся снова считать шаги. Вода брызгала из-под ног, стало совсем сумрачно, как осенним вечером.

– Который час? – спросил Аркаша.

- Уже третий, – сказал Шпигли.
- А сколько еще идти?
- Час... или два... как получится.

Вдруг Аркаша почувствовал, что земля под ногами дрогнула. В голове возник гул. В нем была угроза.

- Что это такое? – Аркаша остановился.
- Я не вижу, – сказал Шпигли, – но ничего хорошего мы с тобой не ждем.

Аркаша не стал с ним спорить. Он оглянулся – хоть бы какое-нибудь внушительное дерево, или холм, или хоть бы камень, за которым можно спрятаться, потому что ему очень захотелось спрятаться!

Гул приближался – на них надвигалось что-то громадное, тяжелое, как будто несло войско старинных колесниц.

И вот Аркаша увидел их!

По равнине мчалось полчище динозавров. Тысячи динозавров.

По мере того как они приближались, можно было разглядеть их по отдельности.

К счастью, стадо двигалось не прямо на Аркашу, а наискосок.

- Они бегут на юг, – сказал Шпигли. – Они спасаются от холода и дождя.

В этот страшный для них момент динозавры забыли, кто им враг, а кто друг, кто жертва, а кто хищник... Вот бежит диплодок, от каждого его медленного и неуклюжего шага сотрясается земля. Кажется, что его маленькая головка касается низких облаков; вот рядом, в десять раз меньше диплодоков, семят утконосые ящеры...

– Цератопс! – закричал вдруг Шпигли, будто совершил великое открытие. Аркаша увидел стадо цератопсов – коренастых, короткохвостых, похожих на носорогов чудовищ, спины которых были покрыты костяными щитами, из которых поднимались и торчали вперед рога.

– А это... – И тут Аркаша забыл, как называется динозавр, которого даже в дурном сне не вообразишь – казалось, что его голову украшает древнегреческий военный шлем или что-то в этом роде. Единственный рог этого динозавра тянулся, загибаясь, назад, и был он в три метра длиной.

– Паразавролофус, – сказал Шпигли, довольный тем, что у него память лучше, чем у практиканта. – Это же совсем просто!

Похожие на кенгуру небольшие злобные ящеры диеноники громадными прыжками неслись по краям армады динозавров, но не нападали на игуанодонов и других травоядных великанов.

Казалось, что скопищу динозавров не будет конца.

Тысячи, десятки тысяч динозавров уходили из этих краев в поисках теплых мест, оставив свои гнезда, свои лежбища, любимые болота и озера.

Аркаша стоял, не в силах шелохнуться, и разглядывал ящеров. Он не сразу сообразил, что надо снимать, но потом нажал на кнопку камеры, и Шпигли, который начал было выговаривать ему за забывчивость, замолчал на полуслове.

И, снимая, он пропустил опасность.

- Беги! – закричал Шпигли, который, видно, тоже загляделся на динозавров.

Оказывается, еще один отряд беглецов, поменьше первого, несся по равнине, но на этот раз ящеры мчались прямо на Аркашу.

Аркаша побежал от них, он старался двигаться не прямо перед стадом, потому что даже в такой момент сообразил, что динозавры обязательно догонят и растопчут его, а в сторону, чтобы не оказаться на их пути. Он задыхался, и тут еще, как назло, началась низина, затопленная водой глубже чем по колено. Для динозавров эта глубина ничего не значила, а вот для Аркаши она оказалась роковой – ведь он вынужден был на каждом шагу вытаскивать ноги из воды!

Он бежал, отчаянно задыхаясь в разреженном воздухе.

– Скорее! – торопил его Шпигли. – Не теряй ни секунды! Ты меня погубишь!

И вдруг Аркаша услышал сверху, от облаков, визгливый крик:

– Они здесь! Скорее, капитан!

Аркаша решил, что ему почудился этот голос, но Шпигли сообразил быстрее.

– Мы здесь! – закричал он. – Мы здесь! Скорее помогите нам!

До первых динозавров оставалось уже совсем немного.

И тут сверху спикировал надувной плотик, или ковер-самолет, или пластиковая подстилка – называйте как хотите.

Посреди этого воздушного корабля сидел одинокий пират Сильвер Джонович, вахтер Института времени, а над его головой кружил любимый пиратский попугай.

– Прыгай! – крикнул пират.

Аркаша подпрыгнул и протянул вперед руки. Пират втащил его на борт ковра-самолета.

Прошло всего десять минут с того момента, как Аркаша думал, что наверняка погиб и не сможет убежать от динозавров, а он уже обо всем забыл. Тем более что старый Сильвер снял свою пиратскую куртку, выделанную из кожи ската, которого задушил когда-то собственными руками в схватке на глубине тридцати футов у острова Калимантан, и накинул на плечи Аркаши. Сразу стало теплее.

Сильвер хотел без лишних слов отвезти Аркашу к запасной машине времени, но Аркаша сказал, что придется вернуться к реке, где под обрывом их ждут несчастные пришельцы.

Пока ковер-самолет летел к реке, Сильвер рассказал, почему он тут оказался.

– Получаю сигнал, – сказал он, – что машина времени вышла из строя.

– Почему же это вы получаете сигнал? – спросил недоверчивый Шпигли.

– Да потому что дело происходит ночью в воскресенье, когда я один дежурю в институте.

– А робот Вертер? – спросил Шпигли.

– Робот Вертер улетел на конференцию, посвященную столетию выхода в свет телевизионного сериала «Гостья из будущего», снятого режиссером Павлом Арсеновым. Празднества по этому поводу охватили половину городов Земли, не говоря об отдаленных уголках Солнечной системы.

– А другие сотрудники?

– Другие сотрудники понадеялись на меня. Ведь обычно ничего плохого не может случиться. А такого, чтобы машина времени вышла из строя, еще никогда не было. Включил я компьютер, думал – может, ошибка. Нет, говорит компьютер, машина времени раздавлена горным обвалом. В конце мелового периода. А у нас там как раз один практикант находится. Все, говорю я себе, спокойно, без паники.

– При чем тут паника? – сказал Шпигли. – По инструкции ты должен немедленно вызвать директора института и сотрудника, который ведает практикой.

– Я старый пират, – ответил Сильвер. – Я знаю, что нельзя поднимать товарищей посреди ночи только потому, что на наш фрегат напали какие-то дикари! Я решил, что сначала сам быстренько проверю на линии, что произошло. Взял дежурный ковер-самолет, вызвал попугая, как разведчика, и вылетел. Вот и все. А теперь вы рассказывайте.

Аркаша поведал вахтеру, что с ним произошло за последние часы.

Сильверу было особенно интересно узнать про космическое сражение. Он вообще любил поговорить о битвах – и искренне расстроился, что его там не оказалось.

– Эх, – вздыхал он, – нет здесь моих бандитов и разбойников. Мы бы взяли их на abordаж – только пух и перья бы от них полетели.

Сверху Аркаше были видны стада динозавров – все они двигались к югу. В стороне светилось зеленоватое зарево.

– Там воронка – все, что осталось от космического корабля, – сказал Шпигли.

– Слушайте, – предложил пират, – давайте слетаем туда, поглядим.

– И не мечтай! – возмутился Шпигли. – Ты что, не знаешь, что такое радиация?

– Мне рассказывали, – уклончиво ответил пират, – но как-то я не все запомнил.

– И не мечтайте, – сказал Аркаша. – Вы не только сами погибнете, но и погубите нас.

– Я его не пущу! – закричал попугай. – Он дурррак! Старрый дурак!

Пират отмахнулся от попугая. Он смотрел на динозавров.

– Все собирался сюда, да не было случая, – сказал он. – Неужели такие изверги по свету бродили?

– Вот мы и стараемся понять, куда они делись.

– И не надо понимать, – сказал пират. – Без них лучше. Птички поют, бабочки летают...

Впереди показалась река, за ней «бочка», в которой их должны были дожидаться пришельцы с Коо.

Аркаша заглянул в «бочку», там было темно и пусто. Сначала он подумал, что насекомые коо куда-то убежали или их кто-то сожрал.

– Эй! – сказал он. – Куда вы подевались?

Никакого ответа.

– Ну вот, – сказал разочарованно Шпигли, – а мы старались, жизнью рисковали... хотя постой, постой! Они же здесь!

Тут песок в дальнем конце бочки зашевелился, и из него медленно высунулись сухие ручки насекомых.

– Во-первых, – сказал учитель Жи, – так теплее, а во-вторых, нас никто не увидит.

Красивый Ай вылез из песка следом за учителем Жи и застрекотал:

– Мой папа приехал! О, усынови меня, Аркаша! Мне так трудно жить сиротой.

Учитель Жи рассердился и стал укорять мальчика за то, что он пристает к Аркаше, забывая, что во всей Вселенной, может быть, осталось всего четверо представителей народа коо. А если Красивый Ай станет сыном уважаемого Аркаши Сапожкова, то вообще никаких шансов на то, что славная раса коо возродится, не останется. Даже икру метать будет почти некому!

– Как так метать икру? – удивился пират Сильвер. – Я не выношу лягушек!

– Я не знаю, что такое лягушка, – ответил Красивый Ай, – и я должен честно признаться, что не люблю, когда люди ходят на одной ноге и не могут отрастить себе вторую, которую где-то потеряли...

– Не где-то, а в бою в Бермудском треугольнике! – возразил Сильвер. – Против нашего брига было шесть французских фрегатов и одна испанская каравелла. Грот-мачта пала на меня, и мне пришлось самому отрубить себе ногу, чтобы выбраться из-под нее.

– Поменьше верьте старому жулику! – закричал снаружи попугай. – Я сам видел, как он ее потерял.

– Как же? – спросил Аркаша.

– Он напился как сапожник в таверне «Хромая судьба» на Барбадосе. А платить было нечем. Хозяин погнался за ним, чтобы заставить заплатить, и этот Сильвер бежал так быстро, что обогнал собственную ногу. Она отстала, заблудилась в джунглях, и никто ее потом не смог найти.

Все замолчали, а потом Шпигли произнес:

– Похоже на то, что вы шутите, господин какаду.

– Я еще никогда в жизни не был так серьезен, – ответил попугай. – Спроси у Сильвера. Он не посмеет соврать.

– Еще как посмею, – сказал Сильвер. – Кстати, здесь речь идет не обо мне, а об этих бескрылых стрекозах. Икру они, видите ли, решили метать! Будто у нас своей не хватает.

Красивый Ай подошел к Аркаше и схватил его за руку тонкими палочками пальчиков.

– Мой папа не даст меня в обиду. А если вы хотите скушать нашу икру, то вы проклятый людоед-икроед!

– Да не собирался я ничего кушать! Я ухожу и оставляю вас одних.

– Нет, – сказал Аркаша, – так нельзя. Мы не можем погубить цивилизацию целой планеты.

– Губить мы не будем, – согласился вахтер Сильвер Джонович, бывший морской пират. – Только попрошу вас доложить, что у вас произошло. Может, вы карманники какие-нибудь и за вами милиция гоняется.

Красивый Ай не понял, о чем речь, да и Шпигли с трудом объяснил слова Сильвера учителю Жи. Учитель Жи понял наконец и разрыдался. Розовые слезы покатились из его глаз, и там, где они падали на железный пол бочки или на песок, вырастали маленькие голубые цветы.

– Во дает! – сказал пират Сильвер. – За одно это я буду защищать народ коо до последней капли крови от негодяев, которые посмеют на них напасть.

А Шпигли перевел для Сильвера и Аркаши рассказ учителя Жи.

– Наша планета Коо небольшая, – рассказал учитель. – Жили мы мирно, никому не мешали, торговали с марраками и прочими соседями по нашей звездной системе. Все шло хорошо, пока у нас не высадились кластапуги.

– Это какие такие кластапуги? – спросил Сильвер. – Знал я когда-то одного Кластапуги, был он из панамских индейцев, ходил на шхуне «Мать родная», жестокий был человек, двумя саблями дрался. Это не его ли дети?

– Даже не родственники, – ответил за учителя Жи Шпигли. – Твой Кластапуги когда и где жил? А их кластапуги – когда и где?

– Надо проверить, – упорствовал пират.

– Кластапуги, – сказал Шпигли, – по описанию учителя Жи, совсем не похожи на нас, людей.

– Ага, – сказал Сильвер. – А вы, значит, люди?

– А кто же еще!

– Я вас понял, – сказал Сильвер. – Сколько людей, столько мнений. Наверное, если бы моя покойная жена Габриэлла метала икру, я бы тоже ее человеком считал.

Все посмотрели на Сильвера, подождали – может, объяснит, что же он имеет в виду. Но Сильвер достал из кармана трубку и стал набивать ее табаком.

– Кластапуги, – продолжал Шпигли, – произошли от собак бультерьеров. Когда-то на их планете жулики, которые нечестно нажились, обокрали своих соседей, ограбили бабушек и детские приюты, построили себе дома из красного кирпича и стали бояться, что их друзья придут и их ограбят. Для защиты своих домов и нечестного богатства они вывели специальную породу собак, скрестив крокодилов с белыми крысами. Эта порода собак называется бультерьерами, а точнее, на их языке – кластапугами.

– Ой! – воскликнул Аркаша. – У нас на Земле тоже были собаки бультерьеры, только они потом друг дружку перегрызли!

– А на планете кластапугов получилось иначе. Бультерьеры объединились в стаи, грабили дома и сначала загрызли всех бедняков и честных людей, а потом принялись за богачей. Они грабили дома, уничтожали детей, стреляли в полицейских.

– Ну, это преувеличение! – сказал Аркаша. – Как собаки могут грабить дома и стрелять в полицейских?

– В этом виноваты их хозяева. Хозяева думали, что бультерьеры, то есть кластапуги, – их защитники. Поэтому они вырастили им на передних лапах пальцы с когтями и научили их стрелять. Вот и погибли. Кластапуги захватили планету, но они ведь умеют только драться и кусаться. И конечно, плодить щенков. Вот и получилось, что через несколько лет на планете стало нечего есть, и не из чего отливать пули для их автоматов, и ковать сталь для их ножей.

Но ведь негодяи всегда чего-нибудь придумают. Вот кластاپуги и решили захватывать другие планеты, но не убивать всех жителей, а оставлять рабов, чтобы они трудились на полях и в шахтах. Так они захватили несколько планет, куда сначала прилетали как туристы, как гости, как торговцы, а если планета их устраивала и они видели, что могут ее завоевать, они оскаливались и вонзали свои зубы в глотки жителей планеты. Так случилось и с нами... мы тоже не сообразили, какая опасность нам угрожает...

– Да, – вздохнул Сильвер. – Мы, пираты, были лучше. Захватим, ограбим и плывем дальше, а вы снова добро наживайте.

– Я бы не сказал, что это намного лучше.

– Живи и дай жить другим, – сказал Сильвер. – А вы продолжайте, продолжайте, очень интересно!

– А дальше вы все знаете. Нам удалось поднять в небо один большой корабль, на который мы погрузили детей. Мы думали, что сможем спрятаться. Но они выследили нас и догнали у самой Земли.

– Зачем же они вас убивали?! – удивился Аркаша. – Ведь никакой выгоды нет...

– Ты не понимаешь, – сказал учитель Жи. – Как все мерзавцы, кластاپуги трусливы. Ведь они вывелись из рабов, которых специально науськивали, чтобы они бросались на безоружных, кусали и рвали. Кластاپуги – это рабы. Подлые рабы подлых хозяев. Они предательски перебили собственных господ, а потом расплодилось так, что надо было захватывать чужие земли. Но притом они очень боялись, что об их подлых поступках узнают сильные соседи. И тогда им несдобровать. Вот они и спешили уничтожить свидетелей. Чтобы никто не мог рассказать, что же произошло. Представляете, мы бы добрались до Федерации Точных? И рассказали все. Тут же был бы послан флот, чтобы освободить нашу несчастную планету.

– Но ведь они не всех убили на вашей планете? – спросил Аркаша.

– Конечно, не всех. Но тех, кто остался жив, они загнали в шахты и на заводы. И если кто-то прилетит на нашу планету, его встретят кластاپуги и наврут с три короба. Скажут, например, что мы проиграли планету в карты или поменялись с кластاپугами планетами – мало ли на что способен подлый враль!

– Надо лететь к вам и наводить порядок, – сказал Сильвер. – Я согласен принять командование боевым фрегатом.

– Это хорошая мысль, – вздохнул Аркаша, – но, к сожалению, глупая. Ты забыл, сколько лет прошло с тех пор?

– Сколько?

– Шестьдесят пять миллионов лет! За эти годы любая планета так изменилась, что даже ни одного океана на старом месте не найдешь. И вернее всего, на той планете уже давно нет ни кластاپугов, ни коо.

– Отлично! – сказал Сильвер. – Значит, надо отправить корабль отсюда. Небольшой, хорошо вооруженный крейсер! И мы выбросим этих булей с планеты.

– И как же вы намерены протащить сюда крейсер? – спросил Шпигли. – Через какую машину времени вы это сделаете?

– Ну, я... – и Сильвер замолчал. Конечно же это был пустой разговор. Никто не сможет притащить в меловой период космический корабль!

– Мне интересно, – сказал Аркаша, – почему они здесь не высадились?

– По двум причинам, – ответил Шпигли. – Во-первых, они сразу сообразили, что эта планета еще совершенно первобытная и здесь некого угнетать. Ты же не заставишь динозавров шить тебе брюки или отливать пули!

– А вторая причина? – спросил Аркаша.

– А вторая, как мне сейчас подсказывает учитель Жи, заключается в том, что ни коо, ни кластапуги не смогли бы жить на Земле. Сила тяжести на нашей планете вдвое больше, чем на их собственной, а состав воздуха такой, что они с трудом дышат. Зачем им мучиться?

– Значит, и вам, мои дорогие насекомые, – произнес Сильвер, – пора от нас сматываться на историческую родину.

– Но как? – воскликнул Аркаша.

– Папа, придумай, ты же умный! – взмолился Красивый Ай.

Но Аркаша ничего придумать не смог.

Они сидели, молчали, думали, и вдруг Аркаша увидел, что к ним в «бочку» вползает язык воды. Он выглянул наружу и увидел, что вода в реке поднялась и уже вплотную подступила к убежищу.

С ужасом Аркаша заметил, как мимо них, белым брюхом кверху, как большое бревно, плывет первобытный крокодил. Видно, не выдержал такого холодного купания, простудился и сдох.

– Надо уходить, – сказал Аркаша.

– Ты прав, юнга, – сказал Сильвер. – Не знаю, поднимет ли нас всех ковер-самолет. Будем эвакуироваться по очереди. Сначала отвезем Аркашу и учителя Жи, а потом вернемся за остальными.

– О, нет! – закричал малыш Красивый Ай. – Я вас умоляю, не разлучайте меня с папочкой.

Он вцепился в Аркашу. И поэтому в первую очередь полетели Аркаша с Красивым Аем, а остальные коо остались их ждать.

За тот час, что прошел с тех пор, как Аркаша шел через долину, погода еще ухудшилась. Наступала холодная осенняя ночь.

– Ох, не выжить динозаврам, – сказал пират Сильвер.

Красивый Ай отчаянно вцепился коготками в ладонь Аркаши.

Глава одиннадцатая ПОТЕРЯЛСЯ РЕБЕНОК!

Запасная машина времени таилась на скалистом острове посреди озера, по которому гуляли серые волны, украшенные барашками. Она стояла в гроте, который был выточен водой в отвесной скале, а между входом в грот и водой была лишь неширокая полоса гальки.

Сильвер опустил ковер-самолет перед входом в грот, выкурил трубочку и поднялся вновь в воздух, чтобы под проливным дождем вывезти пришельцев коо.

Попугай полетел было за ним, но через минуту возвратился и сказал:

– И охота была мне грррип зарабатывать!

Аркаша пошел в глубь грота поглядеть на машину времени.

Она оказалась точно такой же, как и та, что была разрушена в пещере: невысокая круглая платформа, на которой стоял прозрачный стакан размером со старинную телефонную будку. Внутри его находился столбик с наклонной крышкой, на которой располагался пульт управления.

– Это что, папочка? – спросил Красивый Ай.

– Это машина времени. На ней мы с тобой улетим туда, где я живу и где можно укрыться от дождя и холода.

– А там не будет так трудно ходить и дышать? – спросил малыш.

– Я думаю, что там что-нибудь для вас придумают. В беде не оставят.

– Тогда полетели туда скорее! – попросил Красивый Ай. – Я так устал здесь! Я соскучился по музыке. Ты мне купишь скрипку?

– Этого еще не хватало! – воскликнул Аркаша. – Я от своей еле отделался.

– Ты не любишь скрипку?

– Люблю, конечно, люблю, но не сейчас. Вотждемся учителя Жи и твоих друзей и полетим в наше время. Там все будет.

– Я первым полечу, ладно? – попросил Красивый Ай.

Малыш кинулся было к машине, но его тонкие ножки подогнулись, и Аркаше пришлось его подхватить.

– Я отдохну, – сказал малыш. – Постольку поскольку здесь сухо и почти тепло...

– Жди нас, – сказал Аркаша. – А я выйду, сниму озеро и бурю. Это может пригодиться.

Он вышел наружу.

В полумраке с неба сыпался мокрый снег, и он казался белым-белым на фоне лилового неба.

Из озера высунулась морда какого-то водяного динозавра на длинной шее. Динозавр смотрел на Аркашу печально, словно просил о помощи.

– Ох, не нравится мне это! – внезапно произнес Шпигли.

– Мне тоже, – сказал Аркаша.

– Ты меня не понял, практикант, – сказал Шпигли. – Мне не нравится твой сыночек.

– Сыночек?

– Твой насекомый красавчик.

– А что такое?

Шпигли не успел ответить, потому что сзади послышался знакомый голос:

– Ну вот я тебя и нашел! Что произошло?

Аркаша обернулся.

Из грота выбежал Ричард Темпест собственной персоной, научный сотрудник Института времени.

Аркаша страшно обрадовался. Он кинулся к Ричарду и обнял его.

Ричард тоже был взволнован.

– Я уж боялся беды! – сказал он.

Ричард был не причесан, одет кое-как, словно только-только вскочил с постели.

– Какая может случиться беда, когда я рядом! – проворчал Шпигли. – Вы меня оскорбляете, коллега.

– Ничего подобного, старина Шпигли, – сказал Ричард. – Никто тебя не оскорбляет. Вы лучше скажите, что произошло? Что случилось с первой машиной времени? Почему вы здесь?

– Первая машина времени погибла, но я заблаговременно вывел из пещеры практиканта Сапожкова, – сказал Шпигли, не дав Аркаше даже рта раскрыть.

– А как вы здесь оказались?

– На ковре-самолете. Нас старина Сильвер привез, – сказал Шпигли.

– Вот этого я и боялся! – возмутился Ричард. – Ведь есть порядок: если случается что-то в прошлом времени, то дежурный по институту робот Вертер... а где, кстати, робот Вертер?

– Он на фестивале «Гостя из будущего».

– Это переходит все возможные рамки! А кто его заменил?

– Пират Сильвер!

– Я во всем виноват! – расстроился Ричард. – Гнать меня надо из Института времени! Пошел домой, лег спать, не проверив, что на дежурстве остался выживший из ума разбойник.

– Ничего подобного! – раздался с неба громовой хриплый голос. – Может, я и разбойник, но никто еще не говорил, что я выжил из ума.

Из низкого облака вывалился ковер-самолет, на котором сидели пират Сильвер и три коо – учитель Жи и два его промокших воспитанника.

Пока они спускались, Сильвер закончил свою речь:

– Мне придется вызвать тебя на дуэль, уважаемый Ричард, потому что пострадала моя честь.

Ричард в полном изумлении смотрел на насекомых с планеты Коо.

– Это беженцы, – сказал Аркаша, – мы вам все сейчас объясним.

– А почему такая погода? Это, наверное, не меловой период, а разгар ледниковой эпохи, – сказал Ричард. – Неужели произошла такая страшная ошибка?

– Никакой ошибки, – сказал Шпигли. – И вместо того, чтобы стоять на ветру и под дождем, я советую вам, мои коллеги, зайти внутрь грота и в относительной сухости все рассказать Ричарду, который умудрился все проспять.

Ричард послушно вошел в грот, и тут, у входа, глядя на бушующее озеро, Аркаша, Шпигли, Сильвер и учитель Жи, перебивая друг друга, рассказали сотруднику Института времени обо всем, что нам с вами уже отлично известно.

– Невероятное стечение обстоятельств!

Ричард внимательно слушал, перебивал, удивлялся, но в конце концов поверил и лишь сердился на Сильвера, который конечно же не имел никакого права сам хватать ковер-самолет и нестись в меловой период. Ведь он не только не знает палеонтологии и истории, но и читать еще не научился.

Сильвер не обижался и не оправдывался. Ричард бушевал, а пират медленно ходил вокруг, посасывая свою трубочку, пускал голубой дымок и постукивал деревянной ногой.

– Хорошо, – сказал наконец Ричард. – Мы продолжим разговор в тепле, тем более что я вижу – наши друзья совсем плохи, и их надо поместить в госпиталь. Там сделают искусственную силу тяжести и составят дыхательную смесь, которая им лучше всего подходит. А уж потом мы решим, что с ними делать.

Ричард выглянул в последний раз из грота. Несчастный динозавр все плавал посреди озера, подняв голову, и жалобно стонал.

– Ты все снял? – спросил Ричард у Аркаши.

– Я старался.

– Надеюсь, ты понимаешь, какую ценность для мировой науки представляет твой фильм?

– Он слабо себе представляет, – пожаловался Шпигли. – И если бы я ему постоянно не напоминал, он забывал бы нажимать на кнопку.

Это было неправдой, но Аркаша уже изучил характер своего охранника и не обращал внимания на его странности.

Он уже стал беспокоиться, перенесут ли коо путешествие в шестьдесят пять миллионов лет. Они казались совсем слабыми, не просто насекомыми, а тенями насекомых.

Ричард подошел к машине времени и посмотрел на показания пульта.

– Странно, – сказал он. – Последним, если не ошибаюсь, было перемещение сюда, а прибор показывает, что я перемещался отсюда в будущее.

Аркаша слушал Ричарда вполуха, он искал глазами Красивого Ая. Куда задевалось негодное создание?

В гроте его не было.

Аркаша уже научился различать коо – обе сестренки Красивого Ая (а может, его братья?) были поменьше ростом с более темными глазами. К тому же один из братьев носил на голове красный обруч, а у второго на щеке был нарисован желтый кружочек.

– Учитель Жи, – спросил он, – а где же ваш ученик Красивый Ай?

– Этот вопрос я могу переадресовать вам, – ответил с помощью Шпигли учитель. – Ведь вы прилетели с ним сюда на остров и оставались тут, пока уважаемый разбойник Сильвер Джонович изволил летать за нами.

В гроте наступила тягостная тишина.

– Никуда он не мог деться, – сказал наконец Сильвер. – Сейчас мы его найдем. Он же еле ноги передвигает.

Пират обошел грот, который был, впрочем, невелик, но никакого коо не нашел. Он даже заглянул в узкую щель в стене, куда и палец не входил, и спросил у учителя Жи:

– А ваша натура какая? Залезть в замочную скважину сможете?

– Вам кажется, что мы червяки, – ответил учитель Жи. – Но это не совсем так. Мы очень жесткие, как в теле, так и в принципах.

– Тогда простите, – сказал Сильвер. – Но, наверное, ваш Ай вылез наружу и утонул в озере.

Все взволновались и выбежали на берег.

Но далеко им бежать не пришлось, потому что на берегу, перекрывая вход в грот, лежал очень большой водяной динозавр, у которого вместо передних лап были ласты. Динозавр прижался к скале, чтобы не было так холодно от ветра, который гулял над озером. Он тихо ныл, и порой по его длинному, как подводная лодка, телу прокатывалась волна дрожи.

– Давай ползи отсюда! – воскликнул грубый пират Сильвер. – Не видишь разве, что мы ребенка потеряли?

Но динозавр и не подумал уходить. Он склонил голову к гроту и разглядывал Сильвера, как будто тот был надоедливым насекомым.

– Как жалко, что у нас нет для него одеяла, – сказал Аркаша.

– Так бы мы с тобой его и таскали, – ответил Шпигли. – А здесь, кстати, динозавров несколько миллионов, если не миллиард – на всех одеял не напасешься!

Положение спас пиратский попугай. Он вылетел из грота, подлетел к голове динозавра и принялся легонько клевать его в ухо.

Динозавр взвыл.

– Ему щекотно, – сказал Шпигли, – а он не выносит чесотки и щекотки. Откуда попугай об этом догадался?

Попугай уловил вопрос Шпигли и ответил:

– А я в цирке работал. Со слонами и крупными хищниками. Меня дрессировщик всегда ко львам и слонам подпускал, чтобы их на арену выгнать. Пощекочешь, вот он и бежит.

Упираясь лапами и короткими задними лапами, несчастный динозавр с трудом приподнялся и пополз к бушующему озеру.

Все разбежались по берегу, звали Красивого Ая, но его нигде не было.

И тут из пещеры послышался голос Ричарда, который в мирном сражении с динозавром участия не принимал.

– Кажется, я все понял, – сказал он, когда все прибежали в грот. – Смотрите, здесь показания масс, перемещенных сюда и отсюда.

Все сгрудились возле машины времени.

– Вот сумма поступлений сюда за сегодняшний день. Видите: одна масса в сто килограммов, включая кусок дерева весом в двенадцать килограммов.

– Это я, – сообщил пират Сильвер.

– Смотрите, вот еще одна масса – четыреста граммов!

– А это я, – догадался попугай. – Карррамба!

– И тут мы видим, как кто-то воспользовался машиной времени для встречного движения. То есть некто весом в двенадцать килограммов перелетел из мелового периода в нашу эпоху. И это мог быть только ваш Красивый Ай. А вот и последний перелет: семьдесят два кило – ваш покорный слуга.

– Ну и отлично, – сказал Сильвер. – По крайней мере, мальчик жив.

– Я же предупреждал тебя! – сказал Шпигли, который, видно, чувствовал свою вину, что не проследил за мыслями насекомого. – Я предупреждал тебя, практикант, что пришелец что-то задумал, но мы были снаружи, и каменная скала мешала мне слушать его мысли...

– Все равно нам надо возвращаться обратно, – сказал Ричард. – А там мы разберемся. Представляю, что сейчас творится в институте! Они как раз все на работу вышли, утро, солнышко встает – Темпеста нет, Сильвера нет, даже попугая нет, а вместо них пришелец неизвестного происхождения.

Ричард засмеялся, но, кроме Аркаши, никто его не поддержал.

Затем Ричард выглянул наружу и сказал:

– Аркаша, дай-ка мне камеру.

– Возьмите. – Аркаша отдал камеру, но спросил: – А зачем она вам? Я все, что надо, снимал.

– Пока вы перебираетесь в наше время, я возьму ковер-самолет и сгоняю к месту взрыва космического корабля коо.

– Это опасно, – сказал Шпигли. – Там высокая радиация.

– Я пролечу на большой высоте. Ничего не случится. Если не снять сейчас, может статься, что снова в этот век мы уже не попадем. Ведь, считайте, Аркаше повезло, что он увидел момент гибели динозавров.

– А вы знаете, почему это произошло? – спросил Аркаша.

– Когда возвратимся домой, я все расскажу. У меня есть гипотеза, только надо найти ей подтверждения. Сильвер, займись переброской людей. Меня не ждать!

– Слушаюсь, адмирал! – Сильвер отдал честь Ричарду. Конечно, он шутил. Он был на триста лет старше Ричарда и за жизнь нахулиганил на всех морях и океанах. Но за свое место в Институте времени он держался. Все-таки при деле! А больше всего на свете пират боялся, что его отправят на пенсию.

Ричард вышел наружу, и Аркаша увидел, как взлетает маленький ковер-самолет.

– Значит, так, – заявил пират Сильвер, страшно гордый тем, что он командует ответственной операцией. – Первым идет Аркаша.

– Нет, – сказал Шпигли. – Первым иду я с практикантом Сапожковым.

- А разве это не одно и то же?
- Все зависит от правильной точки зрения, – сказал Шпигли.
- Ну ладно, пускай будет по-твоему. Первым идет Аркаша со своим охранником Шпигли. Шпигли обиженно вздохнул, но больше спорить не посмел.
- Затем, когда Аркаша убедится, что там все в порядке, мы запускаем пришельцев. По восходящей.
- Что значит «по восходящей»? – спросил учитель Жи.
- Сначала самый маленький, потом средний, а потом вы, – ответил Сильвер. – Последним иду я. Линию мы не закрываем и ждем возвращения адмирала Темпеста. Участникам переброски все понятно?
- Так точно! – сказал Шпигли. – Я иду первым, затем пришельцы, а в конце капитан Сильвер Джонович.
- Примерно так, – согласился пират. Он тоже знал, каким упрямым бывает браслетик. Он подошел к пульту и широким жестом пригласил Аркашу сделать шаг вперед.

Глава двенадцатая И БОЧОНОК РОМА!

Возвращение домой прошло без приключений.

Один за другим все путешественники во времени собрались в круглом зале Института времени вокруг прозрачной кабины.

Там их уже ждали: робот Вертер, которого срочно вызвали с конференции. Директор института академик Миль-Пардон. Комиссар Интергалактической полиции Милодар, восемь журналистов, шесть докторов и неизвестно как проникший в институт Пашка Гераскин из Аркашиного класса.

Аркашу хотели сразу же тащить в медпункт, чтобы сушить, отогревать и пичкать лекарствами, но он конечно же отказался, пока все не выяснится с пришельцами коо.

А так как встречающие конечно же ничего не знали, кроме того, что основная машина времени погибла и Аркаше со Шпигли пришлось преодолеть много километров до запасной машины, Аркаша в двух словах рассказал о том, что произошло с ним, Землей, динозаврами и космическими пришельцами шестьдесят пять миллионов лет назад.

Так что когда из машины вышел первый из пришельцев, все были к этому готовы, и его немедленно начали обследовать, чтобы тут же соорудить специальную камеру с нужным давлением и воздухом для беглецов.

Аркаша понял, что все в первый раз видят детей коо, и спросил:

– А разве только что не прилетел сюда точно такой же мальчик?

– Нет, – хором ответили встречающие.

– Не может быть! – воскликнул Аркаша. – Он улетел оттуда полчаса назад!

– А почему ты думаешь, что он прилетел именно сюда? Разве он умеет обращаться с машиной? Ведь точность перелета зависит от многих причин! А попасть в конкретный день или даже год, если ты путешествуешь за шестьдесят пять миллионов лет, очень трудно.

– Ах! – воскликнул Аркаша. – Я все понял! Он здесь уже давно!

– Как так давно?

– Я его видел перед отлетом, но ничего не понял, потому что думал, что вижу в первый раз. Вы можете спросить у моей подруги Алисы Селезневой. Три дня назад он подошел к нам на улице и хотел, чтобы я был его папой. Несчастный ребенок! А я его отогнал и передал в Патруль-12.

Робот Вертер тут же соединился с Патрулем-12, и там сказали, что у них третьи сутки содержится непонятный пришелец, чувствует себя плохо, совсем ничего не ест, врачи боятся за его жизнь.

– Немедленно доставьте его сюда! – воскликнул директор института академик Миль-Пардон. – Мы готовим специальное помещение для этих существ.

Потом он повернулся к своему заместителю и сказал:

– Немедленно проверьте, как могло получиться, что два или три дня назад к нам из мелового периода проник пришелец, и никто его не заметил.

– Но ведь была же новогодняя ночь! – ответил заместитель. – Мы пили шампанское.

– Все уволены! – крикнул директор. И ушел из зала.

А комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар вынул диктофон и сказал:

– Запишем фамилии всех, кто встречал Новый год в институте. Мне с ними хочется поговорить.

Настроение у всех немного испортилось, но тут из машины вышел еще один пришелец, а пока Аркаша рассказывал о своих приключениях, прилетел и учитель Жи. Последним появился пират Сильвер на деревянной ноге.

Никто не расходился. Ждали, когда вернется Ричард.

Сильвер спросил:

– Красивого Ая нашли?

– Нашли, но не здесь. Он, оказывается, неточно нажал на кнопку и прилетел три дня назад, в новогоднюю ночь.

– А где же все были? – спросил Сильвер.

– Наверное, где и вы, – сказал Шпигли. – За торжественным праздничным столом.

– Ничего подобного! – сказал Сильвер. – Как я есть вахтер и охрана научного учреждения, я никогда не пью шампанское в институте.

– Так где же вы были в новогоднюю ночь? – спросил комиссар Милодар.

– Будучи свободен, так как была не моя смена, я находился в своей комнате и учился читать по-китайски.

– Зачем? – спросил Милодар.

– А вдруг к нам приедет китайская делегация? – ответил Сильвер. – Кто им все покажет, кто к директору проведет?

И тогда сверху раздался голос директора, который конечно же из своего кабинета наблюдал за всеми событиями в институте.

– Вахтер Сильвер, – сказал он. – За образцовое несение службы, изучение китайского языка, спасение практиканта и инопланетян вы производите из вахтеров в главные вахтеры института и получаете мою личную благодарность.

– Рад стараться! – воскликнул Сильвер и притопнул деревянной ногой.

– Кроме того, я награждаю вас премией – большим русско-китайским словарем. И чем еще?

– Бутылкой рома! – ответил Сильвер.

– Вы не угадали, главный вахтер! Бочонком рома. Бочонком ямайского рома!

– Что ж, – сказал пират, и по его щеке скатилась слеза, – стоит жить и трудиться стоит!

Из машины вышел Ричард Темпест. Его трясло от холода, одежда обледенела, под мышкой он держал скатанный в рулон ковер-самолет, с которого на пол лилась ледяная вода.

К Ричарду кинулись врачи, но он остановил их и спросил:

– Все в порядке? Где Красивый Ай?

– Мальчик нашелся, – ответил комиссар Милодар. – Сейчас его доставят. Камера для коо скоро будет готова.

– Хорошо еще, что все хорошо кончилось, – раздался из-под потолка голос директора института. – Так что вы, Ричард, отделались выговором.

– Я признаю свою вину, – согласился Ричард. – Можно пойти высушиться и переодеться?

– Если больше вам нечего сказать, то идите.

– Единственное, что я хотел бы добавить, – произнес тогда Ричард, – что наш практикант Аркадий Сапожков сделал великое открытие. Теперь мы знаем, отчего вымерли динозавры.

Аркаша открыл было рот, чтобы сказать: «Я не сделал никакого открытия!»

Но Шпигли беззвучно зашипел:

– Молчи. Никогда не отказывайся от открытий и достижений. Если Ричард говорит, что открыл, значит, открыл.

И тут же Шпигли продолжил вслух:

– К сожалению, сотрудник Темпест забыл, что мы путешествовали вдвоем с практикантом Сапожковым и вместе переносили все опасности и тяготы этого похода. Так что я с благодарностью разделяю заслуги Аркаши.

В институте все знали характер Шпигли, так что в ответ на его слова раздался веселый смех.

Ричард сказал:

– Завтра, Аркаша, я приду к тебе в класс, и мы обо всем расскажем твоим друзьям. Как и обещал, Ричард на следующий день пришел в класс.

Каролина Павловна хотела уступить ему свое место и сесть в классе, но Ричард сказал, что сначала полезно послушать Аркашу Сапожкова, потому что он успешно прошел историческую практику и сделал большое открытие.

Аркаша смутился и покраснел. Он так и не знал, в чем же состоит его открытие. И когда вчера вечером дедушка, бабушка, мама, братья и сестры – вся семья, кроме папы, который никогда не задает вопросов, потому что все вопросы за него задает мама, допрашивала Аркашу, что же он открыл, он смог ответить, что увидел много интересного, но так и не догадался, отчего вымерли динозавры.

Вот и сейчас он смотрел на своих друзей. Он им все рассказал. И о космическом сражении, о дождях, о холоде – обо всем. Но почему вымерли динозавры?

– От холода, – сказала Алиса.

– Еще шаг, еще немножко! – воскликнул Ричард. Он сморкался, не смог сразу отделаться от простуды. На его запястье был меховой браслет – ну разве такой разговор обойдется без Шпигли?

– А вы догадались? – спросила Каролина Павловна.

– Такая гипотеза существовала давно, – сказал Ричард. – Некоторые ученые догадывались о правде еще сто лет назад. Но Аркадий увидел событие собственными глазами и снял бессмертный фильм! Он наверняка будет показан во всем мире. И будет называться «Гибель эпохи».

– Не уверен, – сказал Шпигли, – мне еще надо подумать.

– Тогда расскажите нам обо всем, – попросила Маша Белая. Она уже приготовила блокнот, и на его экране появились буквы «Гибель эпохи».

– Что случилось шестьдесят пять миллионов лет назад? – задал вопрос Ричард. И сам на него ответил: – У самой поверхности Земли взорвался колоссальный космический корабль. Это был удар даже более сильный, чем от столкновения Земли с большим астероидом. От этого удара в воздух поднялось облако пыли, нарушился состав атмосферы, скрылось солнце, даже ось Земли немного сместилась. Опасная радиация проникла во все концы нашей планеты. Но главное, конечно, – солнечные лучи перестали достигать Земли. И температура резко упала. А ведь динозавры жили в теплом, мягком климате, на них не было шерсти, в большинстве своем они даже были холоднокровными и зависели от температуры воздуха. Страшная перемена климата погубила не только самих динозавров, но и их потомство – из их яиц уже не смогли вывестись малыши... Только маленькие, шустрые, покрытые шерстью млекопитающие смогли уцелеть... А Аркаша не только все увидел, но, главное, снял обо всем фильм.

– Ну, каждый на его месте сделал бы то же самое! – сказал Пашка Гераскин. – Ведь он не виноват, что так удачно угодил в самую серединку событий.

– Я не знаю, как ты будешь вести себя в такой ситуации, – сказал Ричард. – Мы посмотрим.

– А я согласен с высокой оценкой нашей с практикантом работы. И прошу не забывать, что в это же время мы успели совершить подвиг и спасти население целой планеты Коо.

Все захлопали в ладоши, хотя Пашка Гераскин хлопал не очень сильно, он немного завидовал своему другу и очень надеялся, что завтра, когда он отправится отгадывать свою историческую тайну, на его долю тоже выпадут подвиги почище Аркашиных.

Потом Джавад Рахимов спросил:

– А что же будет дальше с насекомыми?

– Они сейчас находятся в специальной камере, где для них подобрали состав воздуха и давление. А Центральный галактический компьютер уже нашел для них небольшую мирную

планету, которая отлично им подойдет. Жители той планеты вовсе не возражают против того, что коо будут жить вместе с ними. Так что не надо беспокоиться.

Ребята пошли провожать Ричарда к выходу.

И когда они уже были на ступеньках школы, то увидели, что к школе ковыляет странное существо, похожее на насекомое, – с четырьмя тонкими ручками и двумя ножками. Головка у него муравьиная, но мохнатая, а глаза золотые и круглые.

– О, папа! – захрипело существо, увидев Аркашу. – Постольку поскольку я тебя нашел, пожалуйста, запиши мой адрес. Меня с тобой разлучают!

Аркаша обнял несчастного ребенка и сказал:

– Я уже знаю, что у вас будет новая хорошая планета.

– Но у меня не будет папы!

– Я обещаю, что я к тебе прилечу.

– Ты лучше обещай, что перебеешь всех злобных кластапугов! Ты ведь все можешь!

– Я постараюсь, – сказал Аркаша.

Он поднял своего приемного сына и передал его Ричарду.

Все они стояли на ступеньках школы и махали вслед Ричарду, который улета к себе в институт заниматься научной работой и увозил несчастного ребенка с планеты Коо.

– Когда нужно будет разгромить этих псов кластапугов, – сказал Пашка, – не забудь меня позвать! Люблю наводить справедливость и освобождать угнетенных.

Пашка-троглодит

Глава первая РОБОТ НАОБОРОТ

На окраине Москвы, на краю Грибного леса, возле Земляничной поляны стоит Институт времени.

Издали он кажется невысоким, длинным и даже скучным зданием, таким обыкновенным, что на него второй раз и глядеть не станешь.

Вот это будет ошибкой.

... Дверь открылась, пропустив Пашку Гераскина внутрь. Он оказался лицом к лицу с вахтером, пожилым мужчиной с черной повязкой на глазу и багровым шрамом на щеке. Одна нога у вахтера была деревянной, на второй красовался башмак с серебряной пряжкой.

Правда, в остальном вахтер был одет обыкновенно: в синий мундир и фуражку с золотым гербом Института времени – золотой змеей, свернувшейся в клубок и кусающей собственный хвост. Пашка знал, что эта змея – символ Вечности.

– Привет тебе, племя младое и незнакомое, – сказал вахтер. – Небось на практику спешишь?

– Здравствуйте, – ответил Пашка. – Я никуда не спешу. А вообще вы правы – у нас практика по истории.

– Поздравляю, – сказал вахтер. – Люблю новичков. Может, понравится – останешься у нас навсегда.

– Вряд ли, – хмыкнул Пашка. – Я больше люблю космическую биологию. Там приключений больше.

– Неужели в истории тебе приключений недостаточно? Разве плохо стать рыцарем и сражаться на турнире?

Видно, вахтер был наблюдательным человеком и поэтому сразу раскусил, что Пашка в душе – страшный авантюрист.

– Сражался я на турнирах, – сказал Пашка небрежно. – Свалил пару рыцарей, одного барона приложил головой о землю. Нет, скучновато.

– Ясно, – согласился вахтер. – Тогда тебе и в самом деле у нас неинтересно. Но практика есть практика. Никуда не денешься.

Вахтер вытащил из тумбы, стоявшей при входе, большую темно-зеленую бутылку, на которой было написано «Ром». Вытащил пробку и отпил прямо из горлышка.

Пашка понял, что вахтер – самый настоящий пират. Это может плохо кончиться для Института времени.

Но он и виду не подал, что догадался. Молчал как каменный. Вот встретится с надежным человеком, тогда откроет ему глаза.

Вахтер пробкой заткнул бутылку и кинул ее не глядя обратно в тумбочку.

– Значит, тебе к Ричарду Темпесту? – спросил он.

– А вы откуда знаете?

– Меня для того здесь и держат, – сказал одноногий пират, – чтобы все знать. Например, знать, что тебя, мальчик, зовут Пашкой Гераскиным, а выбрал ты для практики первобытную эпоху, потому что тебе очень хочется собственными руками убить мамонта.

– Откуда?.. Быть того не может! – воскликнул Пашка. – Я даже маме не сказал. Я вообще никому об этом не говорил.

– Но ведь подумал, – ответил пират и захохотал, показывая три оставшихся зуба. – Нам этого достаточно. Кстати, только попробуй поднять руку на мамонта – я лично в первобытную эпоху отправлюсь, чтобы тебе уши надрать.

Наверное, вахтер нажал какую-то кнопку или просто говорил так громко, что его голос был слышен по всему институту. Не успел он закончить свою грозную речь, как в коридоре показался худой, лохматый, подвижный, как ртуть, младший научный сотрудник Ричард, старый друг Пашки и Алисы Селезневой.

– Сильвер Джонович, зачем вы так запугиваете практикантов? – спросил Ричард. – Посмотрите, на ребенке лица нет.

– Нет лица? – Пират наклонился к Пашке, потрогал жестким указательным пальцем кончик его носа и заявил: – Ошибаетесь, гражданин младший научный, – есть лицо, но глупое.

Ричард взял Пашку за руку и потащил прочь от вахтера.

– Ты на него не обижайся, – говорил он на ходу. – Что с него взять? Дикое существо, прибежал к нам из своего времени, спасаясь от расправы. Его приятели хотели зарезать. Мы весь институт перевернули, искали его, а он прятался в вентиляционной трубе. Чудом остался жив. В общем, не удалось нам от него отделаться – пристроили на работу, он и старается.

– Он что, телепат? – спросил Пашка. – Откуда он узнал, что я хочу в первобытную эпоху попасть и на мамонта охотиться?

– А он ночью к компьютеру подключился и запомнил все, что у нас есть о практикантах.

Пашка не стал объяснять Ричарду, что тот ошибается. Ни в каком компьютере нет сведений о Пашкиной мечте, которой он ни с кем не успел поделиться.

В кабинете Ричарда был беспорядок. Непроходимый, окончательный и такой дикий, что только сам Ричард мог в нем разобраться.

Как-то года два назад случился страшный скандал. Взяли на работу нового робота-уборщика, старательного, молодого, только что с завода. Робота никто не предупредил, что к Ричарду в кабинет лучше не соваться, а самого Ричарда в Москве не было – он как раз уехал в экспедицию в какие-то дальние страны и времена.

Вернулся Ричард рано утром. В институте – только вахтер Сильвер Джонович, который мирно храпит на диванчике у дверей. Сильвер потом и рассказал удивленным сотрудникам института, что произошло.

Вернулся Ричард и сразу пошел к себе в кабинет. И тут увидел, что в кабинете у него идеальная чистота, порядок, каждая бумажка лежит, подобранная по размеру, каждая книжка уместилась на полке, а каждая кассета стоит на месте.

Ричард не только рассердился. Он пришел в ужас. Он понял, что никогда ничего не сможет отыскать в своем кабинете. Что ему придется теперь уйти из института, начать жизнь сначала, а может, даже повеситься.

И вот в этот момент в кабинет вошел робот-уборщик, страшно гордый и довольный, и спросил:

– Ну как вам понравилась моя работа? Я возился целый день. Зато теперь все разложено по порядку, по размеру и даже по цвету.

– Ах это ты, мерзавец! – закричал Ричард.

Вахтер Сильвер Джонович проснулся от этого дикого крика, побежал к Ричарду в кабинет и увидел, что из открытой двери вылетают какие-то металлические детали – оказывается, Ричард напал на робота и разобрал его на части.

Как вы знаете, нападать на роботов нельзя, так поступают только дикари. Робот – всего-навсего машина, хоть и разумная. Роботы стараются помочь людям. Убить робота – все равно что убить собаку за то, что она лаяла ночью и мешала тебе спать. А ведь собака лаяла, чтобы отпугнуть воров.

Сильвер еле успел спасти остатки робота от гнева младшего научного сотрудника. А Ричард все никак не мог успокоиться и повторял:

– А как же я теперь? А что же мне делать?

– Ничего особенного, – сказал Сильвер. – Посиди спокойно, выпей чаю. Я тебе помогу.

Сильвер всегда всем помогал. Он говорил, что, пока был пиратом, сильно набедокурил и убил множество невинных моряков. И теперь он хочет трудом искупить свою вину перед человечеством.

Ричард не мог сидеть на месте и пошел в Грибной лес за опятами.

А вахтер собрал по углам куски робота и начал над ними мудрить. Долго ли, коротко ли, но, когда Ричард вернулся к вечеру из леса, вахтер уже мирно храпел на диванчике у дверей, а рядом стояла пустая бутылка из-под рома.

– Ни на кого нельзя надеяться, – вздохнув, произнес Ричард.

Было воскресенье, институт был совсем пуст, лучи закатного солнца пробивались сквозь закрытые шторы. Ричард поднялся в свой кабинет, остановился на пороге, не смея открыть дверь. Наконец пересилил себя и открыл.

И чуть не грохнулся на пол от удивления.

В кабинете был сказочный, невероятный, невообразимый беспорядок, но Ричард сразу понял: теперь он опять точно знает, где что лежит.

– Сильвер! – закричал Ричард. – Как ты это сделал?

Он с грохотом сбежал по лестнице, и вахтер проснулся от шума.

– Ну вот, – проворчал Сильвер, – поспать человеку не дадут.

– Как? Ты? Это? Сделал? – вопил Ричард. – Признавайся!

– Да очень просто, – ответил вахтер. – Я собрал робота задом наперед. И пустил его с такой вот «перевернутой» программой. Так что ему ничего не оставалось, как снова устроить в твоём кабинете беспорядок. Понятно?

Ричард покачал головой. О таком он еще не слышал.

– Не веришь? – усмехнулся вахтер. – Оглянись, только не пугайся.

Мимо них задом наперед шагал несчастный робот.

– А ему не больно? – спросил Ричард.

– Раньше надо было думать, – сказал вахтер.

– Магулсу мишав к, – произнес робот.

Ричард не сразу сообразил, как это перевести, а когда сообразил, расхохотался и долго не мог остановиться.

– Перед тем как заняться практикой, надо, чтобы ты выучил теорию, – объявил Пашке Ричард, когда они уселись в его кабинете возле компьютера. Экран монитора занимал всю стену.

– Еще не хватало!

– Если ты решил стать ученым, – терпеливо сказал Ричард, – ты должен знать, что наука состоит из теории и практики. Сначала нужно выучить формулы, уравнения, запомнить даты и зазубрить правила. И только когда ты все будешь знать, начнется практика, то есть проверка теории. Например, ты решил побывать у первобытных людей, чтобы посмотреть, как они охотятся на мамонтов, и снять об этом фильм.

– Какая же это практика? – засмеялся Пашка. – Вот когда я сам пойду на охоту...

– Постарайся этого не делать, – сказал Ричард. – За вас, практикантов, в институте все дрожат. А вдруг вы попадете в беду или натворите что-нибудь?

– Если бы все было так опасно, нас никто не пустил бы, – уверенно возразил Пашка. – Я же знаю ваши правила: ребенок должен находиться в безопасности. В абсолютной безопасности.

– Абсолютной безопасности, к сожалению, не бывает даже в собственной постели. Там тебя может комар укусить.

– Все равно вы увешаете меня всякими мониторами и датчиками, и буду я ходить как новогодняя елка – туда нельзя, этого тебе, мальчик, делать не положено, руки на стол!

– Ну, не так уж все трагично, – сказал Ричард. – Мы имеем дело с разумными отроками, а не с маленькими детьми. Вы все понимаете. Вы же собираетесь стать учеными.

– Когда это еще будет, – вздохнул Пашка. – А пока приходится подчиняться вам, взрослым. Не дождусь, когда вырасту!

– Не торопись, мой друг, – сказал Ричард. – Вырастешь – станешь жалеть, что детство прошло так бессмысленно. А там и жизнь проскочит. – Ричард включил большой экран, – Итак, твоя задача – попасть в каменный век, к первобытным людям, к троглодитам, как их раньше называли...

– Хорошее название, – одобрил Пашка. – Проглодит! Троглодит, троглодит крокодила проглотит!

– Не смешно, – заметил Ричард. – Продолжаем урок. Троглодит – это пещерный человек. Мы будем пользоваться фильмами, которые сняли наши сотрудники.

– Они там были? – Пашка был разочарован.

– А ты думал, что станешь еще одним Колумбом и откроешь новую Америку? Нет, наши сотрудники уже побывали в разных местах.

– Зачем же тогда мне снимать фильм, – спросил Пашка, – раз его сняли?

– Смешной ты человек! Если рассуждать по-твоему, то больше и книжек писать не надо?

– Почему?

– Потому что одну книжку уже написали. И картину нарисовали, и кино сняли, и стихи сложили.

– Но ведь это документальное кино!

– Нет, не совсем документальное. Сейчас я тебе все объясню. Наши сотрудники летали в первобытное прошлое ненадолго. А ты будешь жить среди троглодитов, спать возле них, ходить с ними на охоту...

– Вот именно!

– И у тебя будет время снять очень хороший фильм, чтобы его не только в институте, но и в школах на уроках истории показывали. И все бы удивлялись: кто же это такой талантливый оператор?

Пашка даже смутился. Немного смутился, потому что сильно смущаться он не умел.

– Может, и не получится ничего, – сказал он. – Может, зря вы меня хвалите. – Но мысль стать знаменитым кинооператором ему понравилась. – Ладно, давай показывай, что там до меня сняли. По крайней мере, буду знать, чего мне уже снимать не надо.

– Начнем сначала, – сказал Ричард. – Вдруг ты что-нибудь забыл.

– Или не знал, – великодушно произнес Пашка.

Глава вторая

НАШИ МОХНАТЫЕ ПРЕДКИ

– Конечно, тебе, Пашка, хотелось бы сейчас с копьём в руке выйти в древние степи и сразиться с саблезубым тигром. Я тебя правильно понимаю? – спросил Ричард.

– Приблизительно, – сказал Пашка.

– Но тебе придется провести полчаса в этой комнате, чтобы усвоить некоторые очень важные вещи. Ведь любой исследователь – это разведчик. Ты должен будешь жить среди совершенно незнакомых людей, чтобы потом рассказать о них нам, твоим современникам. Но если ты заранее ничего об этих людях не узнаешь, они сразу догадаются, что ты чужой, и отрежут тебе голову.

– Ну уж, голову!

– В лучшем случае они тебя выгонят. Ведь невежливо идти в гости, не выяснив, как зовут хозяев.

– Я не маленький, понимаю, – сказал Пашка. – Но и ты меня пойми! Я жду не дождусь, когда окончу школу, и никто не будет гонять меня на уроки и заставлять писать контрольные, а то и экзамены сдавать. И вот пожалуйста. Я пришел в ваш Институт времени, а ты мне собираешься лекции читать.

– Неужели тебе не интересно узнать, куда ты отправляешься? Ведь это было удивительное время – на Земле появился человек!

– Мне все интересно, – ответил Пашка. – Но я человек действия.

– Вот и оставайся в первобытной эпохе. Там такие нужны. Взял дубину и пошел на охоту или на драку с соседним племенем. Можешь даже забыть, что дважды два – четыре.

– Я пошутил, – сказал Пашка. – Мне интересно, начинай. Только, пожалуйста, недолго. А то все мамонты вымрут, пока меня дождутся.

Ричард включил экран. Фильм был снят на стереопленке, и Пашке показалось, что в кабинете начал расти тропический лес, а сам он, Пашка, летит над вершинами деревьев, а затем спускается и ныряет в темную густую листву. Сразу стало еще темнее. Лучи солнца с трудом пробивались внутрь. Отовсюду слышны были оглушительное пение птиц, стрекот насекомых, крики животных.

«В великих тропических лесах как сегодня, так и миллионы лет назад жизнь кипела наверху, в листве, ближе к свету. До земли свет почти не доходил, и потому там не было почти никакой растительности, царили вечный полумрак, духота и влажность. В таком месте хорошо чувствовали себя змеи и жабы».

Фильм был не только со стереоизображением и стереозвуком – он передавал запахи и даже дуновение ветра. Поэтому Пашка сразу почувствовал, каково побывать на самом дне многоэтажного тропического леса.

«Много миллионов лет назад, – продолжал голос за кадром, – в листве тропического леса обитало небольшое, размером с кошку, животное, похожее, правда, на белку, а может быть, на лемура с острова Мадагаскар. Вот это животное, которое называют нотарктусом, и стало предком человека».

Нотарктус посмотрел на Пашку и скрылся в густой листве столь поспешно, словно его не устраивал такой потомок.

– Стой! – возмутился Пашка. – Я с детства знаю, что человек произошел от обезьяны. Об этом еще Чарлз Дарвин говорил.

– Во-первых, – сказал Ричард, – Чарлз Дарвин этого никогда не говорил, хотя бы потому, что человек не произошел от обезьяны.

– А от кого же он произошел? От этой кошки?

– Нотарктус – общий предок и человека и обезьяны; он жил так давно, когда еще не было не только обезьян, но и никого на них похожего.

Кошачья мордочка общего предка еще раз мелькнула в листе.

– Но прошли миллионы лет, и потомки нотарктуса научились отлично лазить по ветвям, у них были цепкие лапы, а длинным хвостом они помогали себе держаться за ветки. Существовало множество различных зверюшек такого рода, некоторые из них подросли, научились собираться в стаи, стали иногда спускаться на землю. В общем, они оказались сообразительнее других зверей, поэтому, когда климат изменился и стало суше, они смогли покинуть лес и перейти жить в саванну. Ты знаешь, что такое саванна?

– Знаю, – сказал Паша. – Это африканская степь, по которой расставлены баобабы, а между ними гуляют львы и зебры.

– Почти правильный ответ, – согласился Ричард. – Договоримся, что саванна – это лесостепь. И вот в этой саванне стали жить наши предки.

– Обезьяны?

– Нет, как раз в те времена и произошло разделение: предки обезьян остались в лесу, на деревьях, а наши предки вышли на открытое пространство. Обезьяне, чтобы передвигаться в лесу, нужны все четыре лапы и цепкий хвост, а нашим предкам хвост уже был не нужен. Куда важнее в степи далеко видеть. И вот наши предки встали на задние лапы. Видеть они смогли дальше, к тому же передние лапы у них освободились. А теперь смотри...

Ричард снова включил экран.

Картина на нем изменилась. Широко раскинулась саванна, поросшая высокой травой. Недалеко от Пашки, раздвигая высокую траву, шли три существа, похожие на обезьян, но все же не обезьяны. При чем отличались они от обезьян не столько видом, сколько повадками.

Они шли согнувшись, руки их, скрытые травой, наверное, почти касались земли, но все же существа не опускались на четыре конечности – они уже привыкли ходить как люди.

Вдруг все трое замерли – впереди, метрах в двадцати, на большой валун опустилась птица, похожая на голубя, и принялась вертеть головой.

– Далеко, – сказал Пашка. – Не допрыгнут.

Одно из существ подняло лапу с зажатым в пальцах камнем. Ловко и с силой обезьяно-человек кинул камень, и птица упала. Заверещав, предки кинулись к ней.

– Ты недооцениваешь своего дедушку, Паша, – заметил Ричард.

Пашка, конечно, шутку понял, но сделал вид, что не понял, и сказал:

– Мой дедушка был путешественником и никогда не выходил из дома без очков.

«Останки таких отдаленных предков людей, называемых гоминидами, найдены во множестве, – произнес голос за кадром: диктор тем временем продолжал объяснять Пашке то, что происходит на экране, словно Пашка и сам этого не видел. – Но чаще всего они встречаются в Африке. Африку считают колыбелью человечества».

Диктор рассказывал о том, какие экспедиции там работали, как были найдены кости этих гоминидов. Сначала Пашка заинтересовался, но, честно говоря, скоро заскучал и лишь покорно ждал, когда же кончится теория и можно будет перейти к практике.

Видно, он был не первым практикантом у Ричарда. Тот заметил, что Пашка отвлекся, и спросил:

– Может, сделаем перерыв, и ты немножко погуляешь?

Пашке стало стыдно, что он ведет себя как ребенок. Он сразу сосредоточился и попросил Ричарда рассказывать дальше.

– И тут наступил ледниковый период, – сказал Ричард таким голосом, что Пашке даже стало зябко. – Что ты знаешь о ледниковом периоде?

– Тогда везде были ледники, а между ними ходили мамонты, – ответил Пашка.

– Абсолютно не научный ответ! – возмутился Ричард. – Если бы я ничего не знал о ледниковых периодах, то из твоего ответа ничего и не узнал бы. Смотри и слушай.

В кабинете стало темно и очень холодно. На экране ветер гнул верхушки деревьев и прижимал к земле траву на полянах.

«В истории Земли бывали времена, когда она получала меньше света и тепла от Солнца, чем обычно, – произнес голос диктора. – Так случалось после грандиозного извержения вулкана или падения гигантского метеорита. Если лето выдавалось холодное, то снег на севере и в горах не успевал растаять. Год за годом он накапливался там, превращаясь в лед. Широкие мощные ледяные реки сползали в долины. И чем больше становилось льда, тем холоднее было на Земле. Вода на Земле находится большей частью в океанах. Из океанов она испаряется и потом выпадает в виде дождя и снега. Но в ледниках, покрывших все горы и территории нынешней Сибири, Норвегии, Канады, скопилось столько воды, что океаны обмелели, отступили от берегов, и на Земле стало не только холоднее, но и куда суше. Многие животные и растения, которые привыкли к теплоте и влажному климату, погибли. А их место заняли те их родственники, которые смогли пережить морозы и засуху».

Теперь вместо саванны вокруг расстилалась скучная равнина, поросшая мхом и кустарником, лишь кое-где поднимались елки и березы. Вдалеке тянулись цепочкой мамонты – большие волосатые слоны с длинными, завернутыми в кольцо бивнями.

«С каждым годом климат становился все более суровым», – продолжал диктор.

Пашка снова увидел своих предков. За миллион лет они изменились. Они все еще были сутулыми, руки по-прежнему доставали до земли, тела покрыты шерстью, лобики маленькие, покатые – такими предками трудно гордиться. Но обезьянами их тоже никак не назовешь. К тому же они обзавелись дубинками.

Пашка к ним потихоньку привыкал. Ведь если родителей не выбирают, то прабабушек и прадедушек – тем более.

– Обрати внимание, Паша, – сказал Ричард, – наши предки отличаются от всех животных... Чем?

– Они ходят на двух ногах.

– Это мы уже видели. Чем еще?

– Не знаю.

– У кого самая длинная морда? – спросил Ричард. И тут же сам ответил: – У крокодила. Потому что он ловит добычу зубами. У волка и собаки тоже длинные морды. А вот у обезьяны, которая всеядна, морда куда короче. Человеку, как только у него появились настоящие руки, уже не было нужды хватать добычу зубами. И морда превратилась в лицо. И глаза теперь смотрят вперед, а не по сторонам.

– Может, это и важно, – не стал спорить Пашка, – но я не понимаю, зачем мне все это знать?

– Потому что знать – интересно! Все великие открытия и изобретения были сделаны потому, что ученым и инженерам интересно заниматься своим делом.

– Сдаюсь, – сказал Пашка. – Сдаюсь. Хотя я и не ученый.

– Я скоро закончу, – пообещал Ричард. – Мы подходим к нашим дням. Предки людей встали на ноги, взяли в руки оружие и вышли в степь. Затем началось потепление, ледники постепенно отступили, и Европа освободилась ото льда. Первобытные люди заселили Европу. И мы с тобой подошли к главной тайне ледниковой эпохи. Пока что ее не смог разгадать ни один путешественник.

– Вы не смогли, а на меня надеетесь?

– Ты везучий, Паша. Об этом все знают.

– Тогда расскажи мне об этой тайне.

Ричард вновь включил экран.

Снова появилась степь, правда, деревьев стало побольше, чем раньше, выросла трава, ее щипали антилопы и козы. Справа, на склонах холма, темнел сосновый лес.

– Как у нас, – заметил Пашка.

– Вот сюда ты отправляешься, – сказал Ричард. – Выслушай мое последнее сказание, и я не буду больше мучить тебя теорией. Ты отправляешься на тридцать тысяч лет назад. Не так уж далеко, по меркам истории Земли. Похожие на обезьян предки человека уже вымерли, уступив место более приспособленным к новой жизни существам. Их мы можем называть людьми. А вообще один из видов первобытных людей назывался неандертальцами. Посмотри на них. Скоро ты увидишь их воочию.

Пашка разглядывал семью неандертальцев. Пожалуй, они больше походили все-таки на здоровенных обезьян, чем, например, на Пашку. Тела их полностью, за исключением лиц, покрывала короткая шерсть, а лица были страшноватыми – убегающий лоб, скошенный подбородок, глаза прячутся в глубоких ямах под бровями. Видно, что эти неандертальцы были сильными невероятно. Но ума у них – ни на грош.

Так Пашка и заявил Ричарду. На что Ричард ответил ему:

– Эти люди и есть одна из самых удивительных загадок земной истории.

– Не похоже.

– Никто не знает, откуда они пришли. Но точно известно, что неандертальцы не хуже нас ходили на двух ногах, наверняка умели говорить, пользовались каменными и костяными орудиями и почти ничем, кроме внешности, не отличались от кроманьонцев.

– Ричард! – взмолился Пашка. – Перестань пичкать меня умными словами. Ведь я не энциклопедия и даже не отличник! И вообще, пускай вместо меня поедет Аркаша Сапожков – у него замечательная память – или Алиса Селезнева, она отличница.

– Как мне не хочется верить, что ты такой безнадежный! – засмеялся Ричард. – Сделай над собой усилие и запомни: тридцать тысяч лет назад на Земле обитали два типа людей. Одни из них назывались неандертальцами. Ты их видел. Может, они кое в чем похожи на горилл, но во всем остальном они уже настоящие люди. Неандертальцы самое тяжелое время прожили неподалеку от края ледников, научились шить себе одежду из звериных шкур и даже придумали великое изобретение – одеяло.

Только тут Пашка сообразил, что неандертальцы на экране одеты! «Одежда» их была сделана из шкур, настолько старых и вытертых, что Пашка сначала принял эту «одежду» за собственную шерсть неандертальцев.

– Расскажи о втором типе людей, – попросил Пашка.

– Сейчас ты их увидишь.

На экране появился вход в пещеру. Перед пещерой стояли и сидели самые обыкновенные люди, которые, казалось, просто оделись, как дикари, собираясь на маскарад.

– Вот это кроманьонцы, – пояснил Ричард. – Названия «неандертальцы» и «кроманьонцы» происходят от названия мест, где впервые откопали их кости.

– Все просто и не очень интересно, – сказал Пашка. – Одних нашли в деревне Кроманьонке, а других в Неандерталке.

– Не совсем так, – возразил Ричард. – Неандерталь – это долина в Германии, а Кроманьон – название пещеры на юге Франции.

– Нелегко запомнить. Жалко, что их нашли не у нас.

– Кроманьонцы – наши прямые предки, – сказал Ричард. – Их принято называть троглодитами, то есть обитателями пещер.

– Ладно, – сказал Пашка, – на это я согласен. А в чем тайна?

– Тайна заключается в том, что неандертальцы вскоре исчезли. Без следа. И никто не знает, куда они делись.

– Как так «делись»? В смысле, они не дожили до наших дней?

– Нет, все сложнее. Археологи отыскивали множество мест стоянок неандертальцев и много о них знают: как они охотились, как жили, как защищались от холода. Известно, что неандертальцы населяли равнины по всей Европе, но за пределы этих равнин не выходили. В Африке их никогда не было. И так продолжалось несколько тысяч лет. Затем археологи заметили, что в Европе появились кроманьонцы. А мы с тобой знаем, что это первобытные люди, которые ничем от нас не отличаются – высокие, стройные, красивые. Они появились в Африке и смогли перейти из Африки в Европу. Неандертальцы в течение долгого времени жили рядом с кроманьонцами, но с ними не смешивались. И вдруг, тридцать тысяч лет назад, неандертальцы исчезли. С тех пор и по сей день археологи не нашли ни одного жилища неандертальцев, ни одного их кладбища, ни одного орудия, сделанного ими. Были люди, многочисленный по тем временам народ, и вдруг исчезли.

– Любопытно, – сказал Пашка. – И что же думает наука?

– У науки есть целый ряд гипотез. Но все-таки большинство ученых думают, что виноваты кроманьонцы. Может быть, они воевали с неандертальцами, чтобы захватить места хорошей охоты, ведь в ледниковый период всем пищи не хватало. Может, кроманьонцы перебили мамонтов и других животных, которыми питались неандертальцы, и те постепенно вымерли от голода, но как это произошло – мы не знаем. Не удалось об этом узнать и нашим сотрудникам. Ведь речь идет о целом континенте и тысячах лет. Попробуй отыщи последнего неандертальца!

– А может, они где-то спрятались? – спросил Пашка. – Как снежные люди?

– Мне приходилось читать, что снежные люди, которых долго искали, но так и не нашли, были последними неандертальцами. Так что, Паша, если тебе удастся узнать что-нибудь новое о тайне неандертальцев, пожалуйста,ними об этом фильм, а потом прочтешь доклад в Академии наук.

– Ну и шутки у тебя! – сказал Пашка и засмеялся. Но подумал: а славно было бы подняться на трибуну в Академии наук и рассказать великим академикам, что именно он, школьник Гераскин, разгадал одну из самых главных тайн человечества. Пускай удивляются и трясут белыми бородами.

Ричард поднялся и сказал:

– Иди отдохни, поиграй в футбол.

– Я фехтовальщик, – сказал Пашка. – Мне этот спорт больше по душе. И еще я занимаюсь стрельбой из лука.

– Ясно, мой рыцарь. Но не забудь, что за завтрашний день ты должен будешь дома просмотреть все материалы по животным первобытной эпохи. Ты должен уметь их распознавать и знать, кого опасаться, а на кого можно не обращать внимания. Динозавров там не будет – они давно вымерли.

– Я знаю. Там будут мамонты.

– И другие слоны.

– Мамонты и есть другие слоны.

– Не будь упрямым, – сказал Ричард. – В ледниковый период на Земле существовало несколько видов слонов – все они сильно отличались от современных и друг от друга. Иди-иди, поработай.

Нельзя сказать, что Пашка устал от теории. Кое-что ему было интересно, а кое-что не очень. Но он понимал, что человеку не вредно знать, как и от кого он произошел.

А вот история с загадочным исчезновением неандертальцев его заинтересовала куда больше. Ничего себе, думал он, живут на Земле, например, русские и англичане. И вдруг через сто тысяч лет выясняется, что все англичане куда-то делись. Или русские. Но ведь это целые народы!

Может, случилась эпидемия? Какая-нибудь страшная болезнь, вирус которой напал только на неандертальцев? Надо будет об этом хорошенько подумать.

Глава третья

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ В БАССЕЙНЕ

Пашка забежал домой, перекусил и решил сначала заглянуть в бассейн. Когда у человека устает голова, нужно срочно укрепить тело, как говорил его знакомый пират Весельчак У. Пашке и его подруге Алисе Селезневой удалось побывать в самых различных краях Галактики и встретиться с настоящими космическими пиратами. Конечно, с пиратами Пашка не дружил – какая дружба у московского школьника с пенителями космических трасс, бессовестными грабителями и обманщиками? Но с некоторыми из пиратов Пашка был хорошо знаком – надо же знать своего врага. Он даже недолго дружил с их Королевой. Но это все дела давно прошедших дней, когда Пашка еще был маленьким и учился в четвертом классе. Сейчас он уже пятиклассник, человек серьезный и готовится к самостоятельной научной экспедиции в ледниковый период.

В разгар дня в бассейне почти никого не было. Пашка разделся, принял душ, потом взобрался на трехметровый трамплин и прыгнул в воду. Вода была хрустально-голубой и прохладной. Пашка медленно всплывал на поверхность и думал, что жизнь в принципе складывается удачно. И если удастся найти неандертальца – тогда считай, что первый шаг к всемирной славе сделан.

Пашка вынырнул, протер глаза, открыл их и увидел, что в трех метрах от него не спеша плывет самый настоящий неандерталец.

– Вот это да! – сказал Пашка и от неожиданности опять нырнул.

Под водой он открыл глаза – Пашка умел смотреть под водой – и увидел, что совсем неподалеку от него медленно движутся чьи-то мохнатые ноги.

Вы подумайте! Только что Пашка гулял по улице и рассуждал о том, когда и от чего вымерли неандертальцы, и тут же встречает неандертальца – нет, не в лесу, не в горах, а в бассейне «Чайка»!

Когда Пашка вынырнул вновь, неандерталец уже отплыл в сторону. Он смотрел на Пашку и улыбался. А улыбка у неандертальцев – зрелище не для слабонервных. Такой рот и такие зубы открываются вашему взору, что хочется бежать без оглядки.

Конечно, Пашка не убежал и даже нырять снова не стал. Он тоже улыбнулся неандертальцу. Они как бы стояли в воде, поводя руками по поверхности. Только у Пашки руки обыкновенные и не толстые, а у неандертальца руки вообще трудно назвать руками, настолько они мускулистые и волосатые. То ли руки, то ли лапы медведя.

– Вы любите плавать? – спросил неандерталец по-русски, но с акцентом.

– Я люблю плавать, – ответил Пашка, почему-то тоже с акцентом.

– Плавать укрепляет здоровье, – сказал неандерталец.

«Как он попал в бассейн? – думал Пашка. – Может, он скрывается в лесах, а сюда пробирается по ночам искупаться?»

– А вы давно плаваете? – спросил Пашка, прикидывая, далеко ли от него лесенка, чтобы в случае опасности выскочить из бассейна.

– Меня зовут Клык, – сказал неандерталец. Конечно же он не хотел отвечать на Пашкин вопрос. – А тебя?

– Меня зовут Павел. – Тут Пашка набрался смелости и спросил: – Скажите, пожалуйста, вы случайно не неандерталец?

– А как ты догадался, человеческий детеныш?

– Ну, как вам сказать... – Только бы не обидеть его, а то растерзает. – У вас есть некоторые особенности. Вы отличаетесь от нас.

– Я тоже это заметил, – кивнул неандерталец. – Даже не очень приятно глядеть на таких тонких и бледных людей. Я думал, что вы покрепче.

– Сходите на соревнования по борьбе, – посоветовал Пашка. – Там вы встретите очень похожих на вас людей. Они так и называются – борцы.

– Ах, как жаль, что нет записная книжка, – сказал неандерталец. – Я хотел бы с вами общаться. Вы знаете много полезных вещей. Вы есть умный мальчик.

– А где вы обычно живете? – спросил Пашка. Он был на грани великого открытия: неандертальцы не вымерли!

– Обычно я живу дома, – сказал неандерталец. – Но моя дочь хочет найти друга по переписке. Вы хотите переписываться с моей дочерью?

– Разумеется! – Добыча сама шла в руки Пашке. – Я буду рад, если вы дадите свой адрес.

«Они уже писать научились! – отметил он про себя. – Нет, мы просто обязаны найти их и помочь стать нормальными людьми. А то на что это похоже – взрослый неандерталец так боится за свою жизнь, что вынужден скрываться в бассейне!»

Пашка поплыл к бортику бассейна. Неандерталец тоже. Стили неандерталец не знал, молотил по воде лапами, как собака.

Они уже были у самого бортика, как из-за вышки для прыжков выглянул другой неандерталец.

– Престо-престо, – заговорил он по-неандертальски. – Грандом чеки-чеки замминистра!

– Каррамба! – воскликнул неандерталец, вероятно употребив доисторическое ругательное слово, и мгновенно выскочил из воды. Вода стекала с его шкуры, и было видно, какие у него могучие мышцы. Наверное, второй неандерталец предупредил его о какой-то опасности, потому что оба они поспешно скрылись в раздевалке.

Конечно, Пашка мог бы их догнать и записать адрес. Но это было рискованно. На суше неандертальцы очень опасны. Придется следить за ними издали.

В раздевалке Пашка неандертальцев не увидел. Он одевался быстро и все время оглядывался. Понятно же – они могут его подстергать. Пашка не трус, но он представил себе, что если его знакомый неандерталец сознается, что хотел дать адрес человеческому детенышу, то второй ответит на это: «Дурак, надо немедленно ликвидировать свидетеля. Где этот детеныш? Давай-ка быстренько его придушим!»

Эта картина так живо нарисовалась в Пашкином воображении, что он мгновенно оделся и помчался на улицу. Там дула поземка, сыпал колючий снег. Пашка укрылся в кустах, что росли вдоль тротуара, и тут увидел, как из-за угла бассейна выскочила низкая черная машина и, чуть приподнявшись на воздушной подушке, помчалась прочь. Пашке показалось, что за темным стеклом он различил лицо неандертальца. Более того, тот явно пытался что-то сказать ему – может, даже просил о помощи. Но что мог Пашка поделать? Пока он вглядывался в стекло, машина умчалась, и Пашка даже не успел запомнить номера.

Все ясно: неандертальца похитили.

Тайна принимала зловещий оборот.

Пашка тут же набрал номер Ричарда, но того не было в институте. К тому же он снял браслет связи, чтобы не отвлекаться понапрасну. Так иногда делали люди, которым надоедало говорить по видео.

Кому сообщить? Куда бежать? Может, неандертальцев похитили международные преступники? Но зачем? И главное – где неандертальцы скрывались все эти тысячелетия?

Возбужденный и раскрасневшийся Пашка примчался к своему другу Аркаше Сапожкову.

Аркаша слушал его невнимательно. Он был занят сборами. Он тоже собирался на историческую практику. С точки зрения Аркаши Сапожкова, тайна, которую ему следовало разгадать, была куда серьезнее и важнее, чем тайна Пашки. Ему предстояло узнать, когда вымерли дино-

завры и почему они исчезли с лица Земли. Задача была похожа на ту, которую будет решать Пашка, только ответ на нее, наверное, связан с космической катастрофой.

Пашке отправляться завтра. Аркаше – сегодня. Пашка еще только учит теорию, причем кое-как. Например, фильмы про животных ледникового периода и смотреть не начинал. А Аркаша, в отличие от него, уже прочел все что можно, просмотрел все, что есть на свете на эту тему, и знает о динозаврах больше любого ученого – такой у Аркаши характер.

Если на уроке математики надо решить задачу, в которой в бассейн по одной трубе вливалась вода, а по другой выливалась, то можете быть уверены, что Аркаша заодно вычислит состав воды, узнает, из чего сделан бассейн, какая погода стояла в тот день, и в результате решит задачу совершенно неожиданно даже для самого учителя. Поэтому далеко не все учителя любят Аркашу – слишком уж он дотошный и любознательный.

Хоть Аркаша очень спешил (у него оставалось полтора часа до отлета в меловой период), ради Пашки он отложил все свои дела и, подключившись к памяти компьютера, через три минуты узнал о неандертальцах все, что известно науке. Пашка так учиться не любил – в тебя впихивают знания, взятые неизвестно откуда. Лучше просмотреть фильм и истратить на него два часа, чем за три минуты получить информацию из памяти компьютера прямо в собственную память.

– Все ясно, – сказал наконец Аркаша. – Это не неандертальцы.

– А кто же?

– Среди людей иногда встречаются такие типы, – сообщил Аркаша, – обросшие волосами, низколобые, могучие. Это самые обыкновенные люди, а не неандертальцы. Просто им не повезло с внешностью.

– Но они говорили на непонятном языке!

– Значит, они живут в Австралии, – сказал Аркаша. – Не выдумывай тайну там, где ее нет.

– А почему они умчались на черной машине? – спросил Пашка.

– Во-первых, они спешили. А во-вторых, это были не они, – сказал Аркаша. – И будь другом, оставь меня в покое. Я могу опоздать, и сеанс начнется без меня.

– Желаю тебе счастья среди динозавров, – сказал Пашка.

– А я тебе желаю разгадать тайну неандертальцев, – ответил Аркаша, и они попрощались. Пашка отправился домой.

Он шел пешком и думал. Конечно, Аркаша – человек умный, но Пашка ему не до конца поверил. Тайну неандертальцев так легко не разгадать. И вряд ли Пашка спутал неандертальца с обычным, но только волосатым и не очень красивым человеком. Можно спутать одного, но их было двое!

Ладно, завтра он поговорит об этом с Ричардом. А пока надо идти домой и изучать ископаемых зверей. Иначе Ричард его в прошлое не пустит.

Пашка, хоть и устал за день, заснул не сразу. Спал он тревожно, часто просыпался, и ему все мерещились неандертальцы, которые с дубинками гонялись за ним по Гоголевскому бульвару.

С утра Пашка уселся за изучение зверей, которые водились на Земле в ледниковый период. Он понимал, что знать о них нужно – иначе какой он исследователь? Да и охотник, который не знает, на кого охотится, – человек легкомысленный, и любой крокодил имеет право его съесть.

Как Пашка понял из фильма, животных в ледниковый период было немного, куда меньше, чем в более древние эпохи. Да это и понятно – ведь они привыкли жить в теплых краях. Когда стало сухо и холодно, их шкуры оказались недостаточно теплыми, а их обычная пища – бананы или финики – исчезла. Вместо этого вокруг росли елки и березки, а под ногами – мох и белые грибы. Далеко не каждому бегемоту такое по нраву.

Многие животные не выдержали таких испытаний и вымерли, другие сумели приспособиться к новой пище и суровому климату. Как и люди.

Лучше всех приспособился к суровой жизни полярный слон, которого мы все знаем под именем мамонт.

Пашка не мог не любоваться им на экране, где в степи под редким снежком паслось стадо мамонтов, совершенно не обращающих внимания на холод и ветер.

И было понятно, почему мамонту ничего не страшно.

У мамонтов совершенно особенная шерсть, объяснил диктор Пашке. Она не такая, как у собак или медведей. Тело мамонта защищено очень толстым слоем жира, который, как шуба, согревает тело, шкура же покрыта густой и не очень длинной шерстью. А на шкуре растут волосы. Это очень длинные и толстые волосы, и больше всего они похожи на крысиные хвосты. Может, и не очень красивое сравнение, зато точное. Сквозь такую преграду ни один мороз не пробьется. И потому мамонты жили возле ледников, им достаточно было самой простой и грубой пищи, а морозы, от которых другие звери погибали, им были совершенно не страшны.

Мамонт мог есть мох, тундровую траву, кусты, побеги деревьев – все, что было хоть чуть-чуть съедобным.

Мамонты отличались от всех остальных слонов своими бивнями – ни у кого не было таких потрясающе красивых бивней. Правда, пользы они приносили немного. Такими гигантскими бивнями-кольцами можно гордиться и толкаться. Ничего больше ими не сделаешь.

У мамонтов было по четыре пальца на ногах, зато подошвы были широкими настолько, что мамонт мог спокойно идти по зыбкому болоту и не проваливаться.

Мамонтов в тундре было очень много. Раньше в Сибири специально собирали их бивни и вырезали из них шары для бильярда, шахматы и другие вещи. Мамонтовая кость считалась обычным и дешевым товаром – она заменяла пластмассу. Говорят, что в течение девятнадцатого века из Сибири вывезли больше пятидесяти тысяч бивней.

Многие думают, объяснил диктор, что раньше были мамонты, а потом от них произошли слоны. Ничего подобного. Пород у слонов было множество – как теперь у собак. Самый известный из современников мамонта назывался мастодонтом. И если мамонт питался в основном травой, то мастодонт, тоже покрытый шерстью, имел особенные зубы, приспособленные для того, чтобы пережевывать ветки деревьев. Поэтому мамонты жили в тундре и степи, а мастодонты – в лесу.

Пашка увидел мастодонта. Он был похож на мамонта, только пониже ростом, шерсть покороче, а бивни торчат вперед.

Глядя на экран, где одни животные сменялись другими, Пашка все никак не мог отделаться от мысли: откуда в Москве в двадцатом веке появились неандертальцы? И никакой ошибки быть не могло – ведь неандерталец признался, что он неандерталец.

– Паша, не забывай, что ты меня смотришь, – попросил его компьютер.

– Отстань, – сказал Пашка, но снова стал смотреть на экран.

Там показывали тундру, где паслись северные олени, точно такие же, какие пасутся там сегодня.

Но тут компьютер, чтобы развлечь Пашку, изобразил его рядом с оленем. Для масштаба. Олень оказался маленьким, чуть больше овчарки. Пашка на экране стал гладить оленя, потом почесал его между рогами, а Пашка в комнате сказал:

– Прекрати этот детский сад. Мы занимаемся наукой.

Компьютер промолчал, но изображение Пашки с экрана исчезло.

Пашка увидел еще некоторых животных тундры. Вот возле края ледника пасутся мускусные быки – у них шерсть свисает до земли. Вот промчались козы – тоже защищенные от морозов длинной шерстью.

Это был зимний мир – все знали о холодах и старались к ним подготовиться. Только у человека уже не было шерсти, поэтому ему приходилось прятаться в пещерах и разводить костры.

Затем глаз камеры переместился в лес – осенний, холодный, дождливый, потому что конец ледника был отсюда недалеко. В том лесу росли обычные деревья – березки, осины, елки, не очень высокие, чахлые. На земле мох. И вот тут Пашка впервые увидел одного из хозяев этого леса – пещерного медведя.

Почти черный, с длинной шерстью, которая на холке стояла дыбом, он был похож на обыкновенного, только одетого в очень теплую шубу мишку, у которого, однако, морда оказалась куда злее и зубастее, чем у его бурого собрата.

Медведь стоял на берегу лесной речки и смотрел с интересом, как гигантские, размером с бегемотов, бобры строят плотину. Может, медведь хотел порыбачить, но бобры попросили его не мутить воду. Из леса выглянул волк, но медведь рявкнул на него, и волк убрался восвояси.

И тут Пашка увидел животное, какого раньше ему видеть вроде бы не приходилось. И только когда компьютер объяснил, что это первобытный ленивец, может быть, даже один из последних ленивцев, живших когда-то на территории нашей страны, Пашка догадался, что видел в зоопарке его небольшого современного собрата. Головка у ленивца была маленькая, похожая на головку младенца, шерсть бесконечной длины свисала, как зеленоватые водоросли, лапы были огромными, когтистыми, хотя когти ленивцу, который питается листвой, нужны, только чтобы удерживаться на деревьях.

Медленно-медленно, словно во сне, ленивец спускался с дерева. И вдруг замер.

Пашка понял почему: на берег реки вышел хозяин тех мест – саблезубый тигр, самый страшный хищник ледникового периода.

Конечно, саблезубый тигр принадлежал к кошачьей породе, но Пашке не хотелось обижать кошек и тигров – чудовище походило на тигров только своими черными и желтыми полосами. В остальном это была страшная машина, готовая убить любого, кто станет у нее на пути. Даже когда его пасть была закрыта, из нее торчали желтоватые кинжалы – клыки! А уж заглядывать в его беспощадные желтые глаза никому не хотелось.

Не заметив тигра, к реке вышел благородный олень. Пашка даже ахнул, увидев такую красоту.

От копыт до конца рогов олень достигал трех метров и по росту мог сравниться с мамонтом. Но главное – рога! Такие могучие, ветвистые и раскидистые, что было даже странно, как олень удерживает их на голове. Компьютер объяснил Пашке, что в размахе рога достигают четырех метров.

Тигр медленно повернул голову, посмотрел на оленя и, когда тот спустился к воде, присел, прижался к земле – лишь кончик хвоста отбивал бесшумно дробь по траве. Остальные звери, даже медведь и мамонт, в ужасе замерли. Тигр распрямился, как пружина, и взлетел в воздух. Всем весом своего тела он, словно пушечное ядро, ударил по оленю, и тот, от неожиданности не удержавшись на ногах, упал в воду.

Это его и погубило. Потому что, пока олень пытался выбраться на берег, чтобы встретить нападавшего рогами, тигр перегрыз ему горло.

Зрелище было таким страшным, что все звери разбежались, а бобры нырнули в воду.

Пашка выключил экран.

Хоть он был ученым и ничего не боялся, есть вещи, на которые даже ученому смотреть не хочется.

Прежде чем отправиться в Институт времени, Пашка прокрутил на экране кадры про птиц и насекомых ледникового периода. Среди них встречались гиганты – пауки и скорпионы. Но компьютер сказал, что они скоро вымрут, так как остались от прежних, более теплых и

влажных времен. Это Пашку не утешило, потому что ему-то положено отправляться во времена, где они еще не вымерли.

В заключение компьютер честно предупредил, что самый страшный зверь в ледниковом периоде – это комар, мошка, гнус. Их там тучи! Правда, если Пашка попадет в лес осенью, комаров будет меньше, потому что они совершенно не выносят заморозков.

– И все-таки попроси в институте, – посоветовал компьютер, – чтобы тебя окунули в антикомариный раствор – как Иванушку в кипящий котел. И ты выйдешь из него добрым молодцем.

Пошутив так, компьютер расхохотался. Хохотал он беззвучно, подмигивая лампочками.

– Спасибо, – сказал Пашка, который не очень любил, когда компьютеры шутят. Компьютеры знают, что шутить надо, что все люди умеют это делать, значит, и компьютеру надо уметь шутить. Но хотя они давно обошли людей и не только считают, но и думают быстрее самого умного человека, до чувств они не добрались – чувства остались только для людей. И как ни стараются компьютеры приблизиться к людям по этой части, пока им это не удастся.

Глава четвертая ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Ричард ждал Пашку.

– Дома со всеми попрощался? – спросил он.

– Мама дала мне с собой свитер.

– Придется оставить здесь, – сказал Ричард.

– Неужели я не понимаю, что в ледниковой эпохе еще никто не умел вязать?! – воскликнул Пашка. – Я и маме это сказал, а она ответила: «Я все понимаю, но возьми на всякий случай». Разве родителей переделаешь?

– Отлично, – сказал Ричард. – Родителей не выбирают. Но мы с тобой сейчас займемся выбором.

– Я тебя не понял.

– С сегодняшнего дня у тебя будут приемные родители – небольшое племя кроманьонцев, живущее в пещере на берегу реки, которую через много тысячелетий назовут Неглинкой.

– Кроманьонцев? – удивился Пашка. – А я думал, что мы разгадываем тайну неандертальцев.

– Как же ты ее разгадаешь, друг мой, если я не могу поселить тебя к неандертальцам? Они сразу догадаются, что ты чужой, и сделают из тебя котлеты.

– А с чего бы кроманьонцам думать, что я свой?

– Потому что ты типичный кроманьонец. Мы скажем, что ты потерялся в лесу, твоих родителей растерзал саблезубый тигр.

– И бабушку тоже?

– Какую еще бабушку? – не сообразил Ричард.

– Мою бабушку, – ответил Пашка, глядя на него ясными невинными глазами.

– А почему саблезубый тигр должен есть твою бабушку?

– Вот я и удивляюсь. Саблезубому тигру никогда не съесть мою бабушку.

Ричард совсем растерялся и только молча смотрел на Пашку. Тогда Пашка объяснил ему, в чем дело:

– Моя бабушка сама съест любого тигра. Она пенсионерка, но раньше работала цирковой волшебницей. Это редчайшая специальность, она выше классом, чем любой фокусник. Бабушка умела делать настоящие чудеса. До сих пор к ней приезжают ученики.

– А почему я ничего не слышал о твоей бабушке? – спросил Ричард.

– Молодой еще, – отмахнулся Пашка. – Не застал ты ее. Хотя, может, ты и видел одно из ее достижений. Это она перенесла гостиницу «Россия» на другую сторону Москвы-реки, чтобы та своим уродством не портила Кремль.

– Странно, – сказал Ричард. – А я думал, что гостиница «Россия» всегда стояла на другом берегу.

– Вот так, – вздохнул Пашка, – стараешься, делаешь, совершаешь подвиги, а через несколько лет о тебе уже забыли.

– Я обязательно проверю, – сказал Ричард. – Сегодня же погляжу в Справочной.

«Гляди-гляди, – подумал Пашка. – Ничего ты не найдешь. Все компьютеры мира делают удивленные глаза и сообщают, что информации нет». А ведь мама сама рассказывала об этом Пашке. Она была тогда девочкой, а бабушка еще выступала на сцене. И однажды бабушка приехала в Москву, пошла гулять, с дороги провидеофонила маме и сказала, что она такого безобразия не потерпит. Кто поставил этот уродливый ящик рядом с Кремлем? Мама ответила, что это случилось давно, больше ста лет назад, когда Россией правили люди, совершенно не имевшие представления о красоте. Они были необразованные, очень нахальные и мечтали

прославиться в веках. История им отомстила – никто не помнит их имен. Забыли. А бабушка тогда спросила маму: хочешь приехать посмотреть, как я наведу порядок в центре Москвы? Мама схватила флаер, прилетела, и бабушка у нее на глазах подняла в воздух гигантскую гостиницу «Россия», раздвинула на другом берегу старые дома и втиснула многоэтажную коробку – подальше с глаз долой. Потом мановением руки посадила на месте гостиницы траву и деревья. И приказала всем людям, кроме Пашкиной мамы, об этом забыть. Представляете: человек в гостинице проснулся, вышел на улицу и удивляется: вроде бы он не сюда вчера приехал. Но гостиница стоит – большая, крепкая. Махнет человек рукой и думает: наверное, я вчера очень устал. Бегут на работу официанты, дежурные, слесари, едет директор, все подъезжают к тому месту, где раньше стояла гостиница, а там травка и деревья. Но бабушка не глупая была, она всюду понаставила указатели: «В связи с ремонтом мостовой гостиница «Россия» переносится на другой берег. Просим пользоваться мостом». Кто-то удивился, кто-то нет. А через три дня уже никто не удивлялся. Только некоторые люди из Кремля выходили на Красную площадь и думали, как хорошо и свободно смотреть в сторону реки. А раньше что-то мешало. Но что мешало – так никто и не вспомнил.

Ричард слушал, недоверчиво качая головой.

– Расскажите мне про найденыша, – попросил Пашка.

– С тобой поребутаю наши гримеры и костюмеры, – сказал Ричард. – Ведь ты должен быть очень диким мальчиком и не отличаться от других детей.

– Согласен.

– Ты не боишься босиком ходить?

– Еще не хватало!

– Может, ты холода боишься?

– Ричард, зачем ты все время спрашиваешь, боюсь ли я того-сего? Честно говоря, ничего я не боюсь. Иногда я сам себе удивляюсь: ну что за урод из меня вышел! Все нормальные люди чего-нибудь боятся. Темноты, кладбища, больших пауков или дождя. А мне вот не знакомо чувство страха, и все тут!

– Жаль, очень жаль, – сказал Ричард. – Если бы я знал об этом с самого начала, никогда бы тебя не взял на практику.

– Почему? Тебе больше нравятся трусы? Маменькины сыночки?

– Страх – это нормальная реакция организма на опасность. Люди, не чувствующие страха, – больные люди. Но меня успокаивает то, что ты сам себя пока плохо знаешь. И чувство страха у тебя есть, как у каждого нормального человека. Только ты еще ребенок и сам себя обманываешь.

За слово «ребенок» Пашка готов был растерзать Ричарда, но он понимал, что тот его дразнит. И решил не поддаваться.

– Значит, ты не боишься темноты? – спросил Ричард.

– Не боюсь.

– Это хорошо – в пещере нет света.

– Как так нет света? А костер?

– Вряд ли он заменит тебе свет, к которому ты привык. Так что никакого чтения перед сном!

– Я понимаю, ты шутишь! – воскликнул Пашка. – Они еще не умели читать.

– А ты и рад разучиться!

– Не исключено, – сказал Пашка. – Если я буду вести жизнь, полную приключений, на что мне чтение? Разве мне компьютера не хватит?

Ричард улыбнулся и продолжал:

– И не боишься холода?

– Можешь отправить меня на Северный полюс и там проверить.

– Отлично! Ты хорошо плаваешь?

– Как рыба.

– Другого ответа от нашего героя я и не ждал.

«Издавайся, издавайся, – повторял про себя Пашка. – Мы еще посмотрим, кто из нас прав. Когда я вернусь и покажу тебе фильм, ты на пол грохнешься от зависти. И не исключено, что мне предложат бросить школу и поступить в Институт времени старшим научным сотрудником. Я возглавлю первобытный отдел, а ты, голубчик Ричард, будешь мне подчиняться».

– С твоим доктором я разговаривал, – сказал Ричард. – Он подтвердил, что ты совершенно здоров.

– Тоже мне неожиданность! – усмехнулся Пашка.

– С родителями твоими я поговорил. Они не возражают.

Пашка насупился. Уж очень они здесь с ним возятся – как будто он в самом деле ребенок.

– Если бы ты знал, в каких я уже побывал переделках, – сказал Пашка, – то не стал бы проверять, ем я манную кашку или не ем.

– Я знаю все о твоих переделках. И надо сказать, что не всегда ты вел себя как разумный человек. Но надеюсь, ты подрос и поумнел. А теперь давай потратим с тобой еще несколько минут и познакомимся с твоей будущей семьей. С теми троглодитами, которые живут в этой пещере.

Против этого Пашка не возражал. Ему тоже было любопытно, кого он завтра увидит.

Камера глядела на лесистый склон, в котором темнел вход в пещеру. Был вечер. Теплый летний вечер.

Из пещеры тянулась струйка голубого дыма.

– У них там печка? – спросил Пашка.

– Костер.

– Я же говорил, что читать можно.

Немолодая женщина с жестким, грубым лицом вышла из пещеры. Она куталась в тигриную шкуру, которая свисала до колен.

Женщина Пашке так не понравилась, что ему даже расхотелось отправляться в прошлое.

– Мы еще не знаем, как их зовут. Мы боимся их спугнуть и снимаем издали. Но известно, что это вождь племени, ее все уважают и слушаются.

Женщина кого-то звала – до Пашки доносились неразборчивые звуки.

– Такая как найдет меня в лесу, сразу прикончит, – сказал Пашка. – Конечно, я ее не боюсь, я никого не боюсь, но все же жалко, если я погибну совсем молодым.

Снизу по склону поднялись двое мальчишек. Они тащили вдвоем длинный сук, почти бревно. Женщина показала, куда положить бревно, и обернулась к пещере. Оттуда показался мужчина с обезображенным лицом – скорее всего, догадался Пашка, он встретился на охоте с каким-нибудь чудовищем. К тому же мужчина прихрамывал. Он нес в руке овальный, заостренный с одной стороны булыжник. Подойдя к бревну, мужчина стал его изучать, ходить вокруг, примериваться. Пашке даже стало смешно.

Потом мужчина присел на корточки перед бревном и приготовился по нему ударить. Тут появились еще двое.

Первым шел здоровенный костлявый человек, который нес на спине небольшую антилопу или козу, – у нее были длинные, загнутые назад рога. Следом за ним шла молодая женщина, не с таким грубым, как у вождихи, лицом, а даже приятным, веселым.

Охотник привлек к себе всеобщее внимание. Из пещеры появились и другие члены семьи. Конечно же Пашка их не разглядел и не запомнил, но успел заметить, что детей было довольно много, вели они себя смело, сразу бросились помогать охотнику снять с плеч добычу, но вождиха, судя по всему, приказала нести антилопу в пещеру, и вскоре все скрылись там. Стало тихо, слышно было только, как поют птицы.

– Ну, не раздумал? – спросил Ричард. – Шумная семейка и довольно бесцеремонная. Еще не поздно отказаться, и мы тебя направим на практику в цивилизованные времена. Например, к Колумбу.

– При чем тут Колумб?! – рассердился Пашка. – И что ты меня все время подзуживаешь, дразнишь и даже издеваешься? И не веришь ни одному моему слову! Я сказал, что хочу снимать фильм об охотниках на мамонтов, и я это сделаю!

– Вот, наконец-то я вижу не мальчика, но мужа, – сказал Ричард. – Кто так сказал?

– Наверное, какой-нибудь рыцарь.

– Не рыцарь, а Пушкин. В драме «Борис Годунов». Пора бы тебе ее прочесть.

– Сейчас не до драм, – отрезал Пашка. – Ты забыл, что я готовлюсь к важному заданию?

– Если готовишься, – сказал Ричард, – то я умолкаю. Давай с тобой осваивать камеру, которой ты будешь пользоваться.

В тот день они с Ричардом изучали кинокамеру, которую кудесникам из института удалось очень остроумно замаскировать под небольшую кость. Эта «кость» вместо пуговицы скрепляла на плече у Пашки одежду – что-то вроде куртки без рукавов, которая доставала почти до колен. Чтобы камера заработала, достаточно было провести над ней пальцем – камера угадывала Пашку по отпечатку указательного пальца. Камера была цифровой, она передавала зашифрованное изображение в электронную память, уместившуюся в стальной горошинке.

Во всем остальном Пашка был первобытным мальчишкой, правда, повыше своих будущих братьев, хотя, возможно, не сильнее. Ему можно было дать на год-два больше, чем сверстникам-троглодитам.

Главное отличие не в этом!

Первобытные люди жили недолго, и не только из-за того, что на них охотились хищники, что на каждом шагу их подстерегала опасность. Внутри их скрывались многочисленные враги – болезни, с которыми никто не мог бороться. Если ты выздоравливал, значит, тебе повезло. А умер – не повезло. Первобытные люди не знали колдунов и шаманов. Они только-только выбрались из животного состояния, но еще не стали настоящими людьми.

В Институте времени от Пашки многого ждали. Ведь умный ребенок увидит то, что взрослому не удастся заметить.

Самого Пашку проверили и перепроверили на компьютере, отыскивая болезни, а когда не нашли, то ввели ему столько противоядий и защитных вакцин, что у него даже голова закружилась. Пришлось сесть и минут двадцать приходиться в себя.

Но Ричард был доволен:

– По крайней мере, ты можешь пить сырую воду, есть немытые фрукты, глотать сырых лягушек и горстями кидать в рот муравьев, не говоря уж о дождевых червяках...

– Ричард! – воскликнул Пашка. – Я их терпеть не могу!

– А придется. Ведь твоё племя ест то, что удастся отыскать или убить. Сегодня убили антилопу – несколько дней все сыты. А что, если антилопа не встретится? Придется переходить на корешки, муравьев и гусениц.

– Лучше уж поголодаю, – сказал Пашка.

– Но помни: ты как разведчик в стане врага. Никто не должен тебя заподозрить. Ты найдешь, но все равно один из них. Так что постарайся не выделяться.

– Постараюсь, – буркнул Пашка.

– Последняя штука, которая тебе может пригодиться, – это кнопка тревоги. К сожалению, мы не можем наблюдать за тобой круглые сутки. Но если с тобой что-то случится – у нас зазвонит сигнал тревоги. И к тебе на помощь тут же пойдет наш сотрудник. Если необходимо, мы тебя сразу вытащим обратно. Так что не бойся...

– Я уже пять раз сказал, что ничего не боюсь!

– Ах да, конечно, а я забыл. Стареть начинаю!

Когда Пашку уже подготовили к перелету – облачили в шкуру, смазали специальным жиром волосы, чтобы от них не пахло мылом или шампунем (дикари могут заподозрить неладное), – когда все было готово, его снова отвели в медицинский кабинет. Там молчаливый старый доктор потянул Пашку за мочку уха и прижал к ямке за ухом тонкую трубочку. Трубочка вонзилась в кожу – на секунду стало больно, но Пашка выдержал это испытание.

– Все в порядке, – сказал доктор, – можете забирать вашего дикаря.

– Тронь кончиком пальца за ухом, – велел Ричард.

Пашка попробовал. Под кожей катался маленький, как зернышко черного перца, шарик.

– Теперь нажми на него. Сильнее. Вот так!

По институту прокатился тревожный звон.

– Это ты звонишь. Так что попрошу тебя, отважный воин, зря не нажимать, не пугать людей.

– Не буду, – пообещал Пашка.

– Иди посмотришь в зеркало и помни, что теперь ты не скоро себя снова увидишь – только если будешь глядеться в пруд. Две недели ты проведешь на свежем воздухе.

Пашка подошел к зеркалу.

Он не был готов увидеть такого отвратительного, грязного, лохматого дикареныша, и ему потребовалось, наверное, с полминуты, прежде чем он узнал самого себя.

– Да, изобразили вы меня... – пробормотал он недовольно.

– Я тебя понимаю, – согласился с ним Ричард. – Каждому хочется выглядеть героем или хотя бы молодцом. Но не всякому это дано. Так что придется потерпеть. Но как только станет совсем тяжело и захочется домой, к бабушке, сразу жми на кнопку – появится добрый дядя и ответит тебя обратно.

Ричард опять дразнил, опять старался вывести Пашку из себя, опять испытывал, крепкие ли у него нервы.

Пашка все понял, мысленно усмехнулся и отвернулся от Ричарда.

Зажегся яркий свет, защелкали камеры.

– Потерпи еще пять минут, – сказал Ричард. – Сейчас проверят все системы и запечатлеют тебя перед отправкой в далекое путешествие.

– Я жду, – кивнул Пашка.

Через пять минут свет погас, стало полутемно.

Ричард протянул Пашке руку и сказал:

– Ну что ж, желаю тебе счастливого пути. Временная кабина в соседней комнате. Сейчас мы туда с тобой пойдем.

Пашка первым вошел в круглый зал, где на возвышении стояла небольшая, прозрачная, круглая кабина размером со старинную телефонную будку. Внутри, на столбике, размещался пульт с кнопками.

– Машина работает на автоматике, – сообщил Ричард. – Смело нажимай зеленую кнопку.

Пашка нажал на кнопку, под которой было написано: «Пуск».

Раздалось жужжание, все заволочло туманом, и вскоре зал исчез.

Пашка на секунду потерял сознание, но тут же пришел в себя и огляделся.

Теперь темнота была другой. Другим был и воздух. Пашка вспомнил: кабина спрятана в пещере, из которой трудно выбраться. Но ему объяснили, как найти нужный ход.

Пашка закрыл машину времени и пошел по туннелю.

Глава пятая ВЕЗУНЧИК

Здесь, в первобытной древности, было раннее утро, и птицы пели точно так же, как и в двадцать первом веке, хотя Пашка никогда специально птицами не интересовался.

Он выбрался из пещеры и остановился. Ричард предупредил его, что лесная тишина обманчива. В лесу водятся не только птички, но и любители полакомиться человеческими детенышами. И хотя Пашка тогда отмахнулся, потому что чувство страха ему неведомо, он не мог не признать, что осторожность – обязательное качество любого охотника.

Надо было сделать ровно двести шагов, чтобы выйти на тропинку.

Пашка прошел шагов пятьдесят и вдруг почувствовал, что в лесу стало совсем тихо. Слишком тихо. Даже птицы замолчали.

Пашка остановился. Разумеется, он не испугался. Он только подумал, не возвратиться ли в пещеру к машине времени, а то придется сражаться с каким-нибудь чудовищем, вот и эксперимент сорвется. Ричард будет недоволен: тебя послали снимать кино, а ты победил какого-то там дракона!

Пашке не дали никакого настоящего оружия – сказали, что мальчишке нечего делать в древности с пистолетом или даже саблей, которых еще не придумали, а миниатюрного оружия, допустим бомбомета или лазерного генератора, который умещается под ногтем, в Институте времени не нашлось.

– Мы никому не даем оружия, – сказал Ричард, – чтобы не было соблазна. Если на стене висит ружье, оно обязательно когда-нибудь выстрелит. А одного выстрела достаточно, чтобы погубить множество людей и свести на нет все наши усилия.

Так что безоружный Пашка стоял посреди леса и прислушивался к шорохам, как заяц, который поднялся столбиком и шевелит ушами.

Пошли дальше, уговаривал себя Пашка. Осталось сто пятьдесят шагов. Там будет тропинка, она ведет прямо к пещере. По этой тропинке все время ходят люди из племени. Ты ляжешь и сделаешь вид, что спишь.

Спящих никто не боится. Тебя найдут и разбудят. Единственная трудность – придется потерпеть комаров, которых в лесу немало.

И вот теперь комары, увидев, что посреди леса стоит незнакомый мальчик и вертит головой, поняли, что к ним пришел завтрак. Да еще такой вкусенький, свеженький, нежненький! И они кинулись на Пашку, как свирепые гиены.

Конечно, они оказались куда злее, чем наши родные, цивилизованные насекомые.

Пашка стал отмахиваться от них и тут услышал, как что-то тяжело упало на землю. Потом ветви большого куста, который рос шагах в двадцати от Пашки, зашевелились и медленно-медленно начали раздвигаться.

Пашка понял, что это не случайно.

Он затаил дыхание. Он даже перестал чувствовать, как в него вонзаются комариные жала.

А в темной дыре, открывшейся в кустах, что-то сверкнуло!

Пашка понял, что оттуда на него глядят сверкающие глаза тигра, который уже изготовился к прыжку.

Тут уж некогда размышлять, боишься ты кого-нибудь или никого не боишься. Остается только одно – мчаться куда-нибудь со всех ног.

И Пашка помчался.

Он не мог вернуться в пещеру, где стояла машина времени, потому что путь назад был отрезан хищным чудовищем. И поэтому бежал вперед.

Он не обращал внимания на сучья и камни под ногами, на ветви, хлеставшие по лицу. Ему хотелось закричать: «Мама!» – но голос его не слушался. Ему уже казалось, что сзади трещат сучья – это преследователь настигает его...

Пашка не заметил, что уже давно бежит по тропинке.

Тропинка становилась все шире и вдруг, когда у Пашки уже не осталось никаких сил, когда легкие готовы были разорваться, он выскочил на открытую площадку над рекой и увидел вход в пещеру – ту самую, которую наблюдал на экране в Институте времени.

Перед входом в пещеру сидели дети и очищали какие-то корешки и клубни. Услышав треск кустов, они вскочили на ноги и тут обнаружили Пашку. Наверное, вид у Пашки был ужасен, потому что дети завопили в четыре голоса и кинулись в пещеру.

Навстречу им выскочила вождиха, совершенно голая – может, она еще спала, и ее разбудили вопли. За ней выбежали остальные взрослые. Они держали в руках палки и камни, готовясь защищать свой каменный дом от неведомого чудовища.

Увидев троглодитов, Пашка понял, что спасен.

Он кинулся к вождихе, которая сейчас вовсе не казалась ему такой уж страшной и жестокой, обхватил ее за талию и, задыхаясь, принялся объяснять, что там, вон там вон, оттуда вот мчится буйный пещерный тигр, поэтому он, Пашка, просит племя дать ему, Пашке, убежище и как можно скорее вернуть к маме.

Вождиха оказалась куда разумнее детей и самого Пашки. Она дала ему подзатыльник и толкнула в пещеру, объяснив при этом на своем первобытном языке, что детям на охоте делать нечего. А Пашка, хоть и не слышал в жизни первобытного языка, сразу все понял.

Он подчинился, но в глубь пещеры забегать не стал. Оставшись у входа вместе с ребятами, он принялся наблюдать, как мужчины племени во главе с вождихой, один за другим, осторожно пошли вперед по тропинке, чтобы встретить врага.

Пашке понравилось, что они такие смелые.

Когда стало тихо, а толпа у входа сильно поредела, первобытные дети хотели выйти на площадку, но старуха и девушка, которая пришла с охоты, не выпустили их.

Дети окружили Пашку. Они щупали его, касались рук и лица, удивляясь, должно быть, что он такой светлокожий и светловолосый по сравнению с ними. Наверное, они спрашивали его, откуда он появился, на что Пашка сказал парню его возраста:

– Моих родителей сожрал саблезубый тигр. Он хотел и со мной расправиться, но не удалось. Я оказался ему не по зубам.

Дети кивали, соглашаясь, хотя ничего, конечно, не понимали.

Тут послышался шум и голоса. Потом кто-то засмеялся.

«Ну и отлично, – решил Пашка, – они убили или прогнали зверя. А я выполнил первое задание Ричарда – проник в пещеру и, как настоящий шпион, внедрился в чужое племя».

Пашка настолько пришел в себя, что нажал на «косточку» – свою кинокамеру, чтобы заснять возвращение охотников, убивших саблезубого тигра. И подумал: как хорошо, что он прекрасно владел собой и почти не испугался при виде саблезубого тигра, а то нажал бы на точку за ухом, вызвал бы помощь и опозорился. Подумав так, Пашка вздохнул и сказал сам себе: «Ну зачем врать, Павел! Ведь ты просто от страха забыл про кнопку, а то бы наверняка вызвал подмогу». Только не от страха, поправил сам себя Пашка, а от неожиданности.

Кусты, затрещав, раздвинулись.

Первой шагала вождиха, которая, кстати, убегая на охоту, так и не оделась. Следом за ней двое мужчин волокли большое, размером с теленка, животное, покрытое зеленоватой длинной шерстью. Голова у этого непонятного животного была маленькая, а толстые короткие мохнатые лапы заканчивались длинными загнутыми когтями – по три когтя на каждой. Так это же гигантский ленивец!

Убитого зверя охотники кинули перед входом в пещеру, и тут же все племя высыпало наружу, чтобы пощупать добычу. Гвалт стоял невероятный. Видно, троглодиты вообще были народом разговорчивым. Но Пашка заметил, что говорили они как-то отрывисто, словно выпаливали слова по отдельности, без всякой связи. При этом они помогали себе объясняться жестами и ужимками.

Пашка тоже подобрался поближе к добыче, и ему стало так стыдно, что он готов был бежать обратно в лес навсегда и больше не встречаться с людьми. Значит, он удирал от ленивца, который просто свалился с дерева! Хорошо еще, если Ричард не видел этого позорного бегства. Хотя, впрочем, посмотрели бы мы на Ричарда в лесу, одинокого, безоружного, когда из кустов на него полезет такое вот чудовище.

Гвалт прекратился. Пашка поднял глаза и увидел, что вождиха, которая успела сходить в пещеру и накинуть на себя тигриную шкуру, подняла довольно грязную толстую мускулистую руку, сжатую в кулак. Потом она разжала кулак и показала пальцем на Пашку. И начала свою речь:

– Этот-маленький-добыча-звал-кушать-хороший.

Может, Пашка не совсем точно перевел для себя эту короткую речь, но, надо сказать, он быстро привыкал к языку троглодитов. Во-первых, для изучения язык был очень простой: одни слова и никакой грамматики. Слов было немного, их дополняли ужимки, гримасы, рычание, ворчание, хихиканье и множество всяких звуков, которые не были словами, но помогали понять суть. А Пашка, как и любой школьник конца двадцать первого века, знал двенадцать языков, включая космояз, то есть галактический язык, который изобрели специально, чтобы жители разных планет могли общаться друг с другом.

Разрабатывали космояз в Галактическом центре, и Пашка видел об этом фильм, который привезла из центра Алиса Селезнева. Оказывается, на всех цивилизованных планетах было объявлено, что проводится вселенский конкурс на создание общего галактического языка, поскольку иначе, если его не создать, Галактика разорится на переводчиках и переводческих компьютерах.

Над языком трудились множество институтов, групп и одиночек, самые передовые компьютеры старались решить такую задачу: язык должен включать в себя элементы ста тридцати шести тысяч основных языков Галактики, и притом быть очень простым, чтобы любой ребенок мог его выучить за месяц.

С изобретением языка была связана одна трогательная история, которую вам с удовольствием расскажут на Голоптуну-шэр, небольшой водной планете, расположенной довольно далеко от Солнца.

На эту планету как-то приехала экспедиция с Трискады. На Трискаде живут синие птицы с размахом крыльев в три метра. Трискады – известные артисты. Их хлебом не корми – дай выступить перед зрителями. Так что половина населения этой планеты летает по Вселенной и дает концерты синхронного летания. Это все равно что синхронное плавание, только в воздухе. Зрелище, надо сказать, великолепное! Десятки синих птиц совершают в воздухе пируэты, собираются в сложные фигуры, мгновенно расстаются, потом свиваются в клубок и взмывают к небу... Нет, этого не рассказать! Такое представление надо увидеть собственными глазами.

И вот как-то синие птицы с Трискады прилетели на планету Голоптуну-шэр и там узнали, что концерт не состоится, поскольку вокруг острова, единственного крупного острова, на котором стоят гостиницы и космодром, бушует шторм, и жители планеты не смогут приплыть, чтобы посмотреть на выступление птиц. Тем более что по небу несутся низкие облака.

Три дня птицы ждали, что шторм прекратится, но он продолжался. Тогда птицы стали собираться домой, но одна из них, назовем ее Шони-зи, все же решила рискнуть и немного размяться среди облаков.

Пока все спали, она вышла на крышу гостиницы, взмахнула крыльями и понеслась над волнами. Она совершала безумные кульбиты, пикировала к самым волнам и поднималась вновь. Осьминогу Лупи-топи, который специально проплыл тысячу миль, чтобы полюбоваться таким зрелищем, и уже отчаялся его увидеть, Шони-зи показалась дочерью Неба, легкой, как утренний ветерок. Она была прекрасней любой рыбы или медузы. Осьминог полюбил воздушную акробатку безумной, благородной и чистой любовью.

Когда птица, исполнив свой танец, скрылась, осьминог Лупи-топи подплыл к обрыву, которым заканчивался остров, и, забравшись в подводную пещеру, застыл возле стекла, отделяющего воду от воздуха. Он знал, что туристы на Голоптуну-шэр посещают эту пещеру, чтобы поглядеть на подводную жизнь планеты, а жители планеты, как разумные осьминоги, так и сообразительные дельфины, проводят часы у этой преграды, разглядывая туристов и других гостей. Порой тут завязываются знакомства.

Осьминог Лупи-топи не зря рассчитывал увидеть еще раз свою возлюбленную. Не прошло и часа, как, томясь бездельем, птицы прилетели в подземный зал поглядеть на осьминогов и дельфинов, а осьминоги и дельфины стали смотреть на птиц, которые медленно разгуливали по залу, сложив синие крылья и переговариваясь на своем языке. Осьминог сразу узнал Шони-зи. Такова сила любви!

Лупи-топи не мог оторвать от птицы своих громадных круглых глаз, и этот настойчивый взгляд привлек внимание Шони-зи.

– Кто этот красивый водоплавающий зверь с множеством щупальцев, – спросила она у переводчика, – который так пристально смотрит на меня?

Переводчик включил подводную связь и сказал, что синяя птица Шони-зи спрашивает, как зовут осьминога, который так пристально смотрит на нее.

Осьминог очень обрадовался, что его заметили, и сказал, что его зовут Лупи-топи.

– Ах, какое красивое имя! – воскликнула птица. – Передайте ему, что меня зовут Шони-зи.

– Я смотрел сегодня, как вы летали, – сказал осьминог. – Вы были прекрасны.

Птица и осьминог еще долго разговаривали, затем Шони-зи решила снова подняться в небо и еще раз показать симпатичному осьминогу свое искусство. Но уже стемнело, и представление пришлось отменить. А ночью стремительный межзвездный корабль унес птиц дальше, к другой звездной системе.

С тех пор осьминог тосковал по птице, а птица, хоть и не так сильно, тосковала по осьминогу. Осьминог с радостью писал бы своей подруге письма, но переводить их было некому – переводчики на острове всегда по горло заняты, да и перевод стоит так дорого, что осьминогу он не по карману.

И тут как раз объявили галактический конкурс на создание нового языка – космоязы, или, как он еще называется, Интерлингвы.

Лупи-топи никогда не был силен в языках: он знал всего-навсего три или четыре подводных наречия. Но ему так хотелось придумать способ, который поможет общаться с любимой, что осьминог перестал есть, спать, плавать и даже шевелиться – три недели он думал и наконец придумал самый простой и удачный межзвездный язык. И когда жюри конкурса проверило все семнадцать тысяч двести сорок конвертов, то компьютер и члены жюри единогласно решили: победил участник конкурса, приславший свой труд под девизом «Для нас нет преград». Оказалось, что великим изобретателем стал скромный молодой осьминог с планеты Голоптуну-шэр.

Лупи-топи прославился в один день. К нему помчались корреспонденты и любопытные туристы, он написал воспоминания о том, как впервые увидел Шони-зи и как любовь к ней помогла ему преодолеть непреодолимые трудности.

Эти воспоминания принесли славу и ему, и самой танцующей птице Шони-зи. Птица была рада, что такой милый осьминог прославился и прославил ее.

Они снова встретились и с тех пор больше не расставались.

На берегу острова Лупи-топи построил большой дом. Центральная комната этого дома представляет собой круглый бассейн с выходом в открытое море. Возле бассейна посажены большие деревья гзиго, на которых птицы с планеты Трискада отдыхают и спят.

Теперь птица Шони-зи, если она не на гастролях, летает над островом, или сидит на дереве гзиго, или купается в бассейне с осьминогом. И они счастливы.

Вождиха произнесла короткую речь и улыбнулась.

Мужчина, тот самый, хромой, с обезображенным лицом, подошел к Пашке и потрепал его волосы.

– Волосы, – сказал он. – Как солнце. Хорошо.

– Где твоё племя? – спросила вождиха.

Пашка все это понял. Ну что тут сложного для пятиклассника?

– Племя. – Пашка ударил себя кулаком в грудь. – Не знаю. Папа-мама ам-ам тигр. Племя нет.

И Пашка начал плакать, стараясь показать, как он расстроен.

Троглодиты очень сочувствовали Пашке. Одна маленькая девочка тоже заплакала. Самый большой и сильный воин с низким лбом и волосатой грудью и плечами подхватил Пашку на руки.

– Ты как зовут? – спросил он. – Ты плохо не надо.

– Пашка, – признался Гераскин.

– Пшшшк, – произнес воин и поставил Пашку на землю. – Нет понимать. Нет. – Он обвел взором своих соплеменников и сказал, показав на вождиху: – Ма-ма! Мама-у!

И все вокруг повторили хором это имя.

Вторым в племени мужчина считал себя. Поэтому он прорычал, ткнув себе в живот пальцем:

– Гром.

И все стали изображать грохот.

– Все ясно, – остановил их Пашка. – Все понятно без перевода.

Мужчина постарше, с изуродованным лицом, оказался Тигром. Сидевшая у костра старуха, которая почему-то невзлюбила Пашку, оказалась Тучей. Может, когда-то она и была похожа на тучу, но теперь даже облачком ее не назовешь.

Потом подошла очередь молодой охотницы, которая понравилась Пашке с самого начала. И тут Пашка увидел, что из пещеры выходит точно такая же. Близняшки!

Ора и Ура – так их звали. Почему у остальных имена что-то значили, а у этих не значили ничего – разве поймешь? Потом из пещеры вышел еще один мужчина, скорее молодой, чем старый, но немного горбатый и очень печальный. Он укачивал на руках ребенка. Ребенок не плакал, а тихонько подвывал. Вот тут Грому пришлось потрудиться, прежде чем он смог объяснить Пашке, в чем дело. Оказывается, этот мужчина по имени Крот очень расстроен. У него пропала жена, мать этого ребенка, у которого имени не было. Имя человеку дают, когда он стал большой и всем уже ясно, что из него вышло. Правильно они придумали, решил Пашка.

Женщина Большой Огонь ушла в лес и не вернулась. А трое детишек остались.

Вот ее муж и нянчит их. Никто не смеялся, и Пашка понял, что эти люди, может, и не такие уж первобытные, если так переживают за других.

Теперь наступила Пашкина очередь.

– Пшшшк нехорошо, – сказал Гром.

И все, включая детей, которым еще даже не положено иметь имя, принялись шуметь и измываться над добрым именем Гераскина. Оно казалось этим троглодитам совершенно не подходящим для такого славного парня, как их новый соплеменник.

Каждый норовил придумать Пашке имя, и со всех сторон неслись слова, которые Пашка должен был угадывать. В конце концов остановились на имени Седой. Хотя были имена и не хуже. Например, Палец, чтобы показать, как Пашка одинок. Или Камыш, потому что Пашка высокий и худой. Гром хотел назвать Пашку Снегом – наверное, из-за светлых волос.

Ну ладно, Седой так Седой.

Пашка вспомнил, что совсем забыл про съемки. Вот это глупо! Какую сцену упустил! Неужели человечество никогда не увидит этих кадров?

Он попробовал заставить свою новую семью повторить знакомство, но его никто не понял. Все разошлись по своим делам.

Пашка сделал вид, что осваивается в пещере, и никто его не останавливал. Его признали своим и даже, очевидно, решили, что он специально заманил сюда ленивца, чтобы было вкусненькое на ужин. А уж когда узнали, что он сирота и у него нет своего племени, признали окончательно, и никто не мешал ему ходить куда хочешь и смотреть на что хочешь. Пашка вдруг подумал, что жить среди троглодитов даже лучше, чем среди цивилизованных людей. Ни одна душа тебя не воспитывает, не учит, не заставляет заниматься тем, чего ты делать не хочешь. И если бы в пещере не было так противно, ему бы здесь понравилось. Но в пещере стояла душлимая вонь – ведь здесь много лет жили совершенно немытые люди, которые к тому же не выбрасывали объедки, а сваливали их в дальнем углу жилища.

Пашка снимал по очереди своих новых родственников, тихо повторял их имена, чтобы потом не перепутать, затем снял кучу вонючих отбросов и подумал, что обязательно научит троглодитов убираться. Дальше, в самую глубь пещеры, Пашка сунуться не рискнул. Там было совершенно темно. Он стоял на границе тьмы и слабого света, когда одна из близняшек – наверное, Ура, у которой, в отличие от сестры, была родинка на щеке, – вдруг нагнулась, вытащила из костра большой тлеющий сук и, светя им перед собой как факелом, подошла к Пашке.

– Иди, – сказала она и уверенно направилась в темноту.

Пашка пошел следом.

– Эй! – вдруг сказала Ура.

Она ткнула факелом вперед, и Пашка чуть не кинулся бежать обратно: на них смотрел гигантский, размером с ботинок, пауко-скорпион, который сидел посреди неопрятной густой паутины, перекрывающей путь.

– Эй! – громче крикнула Ура.

И к ней тут же подбежала сестра-близняшка Ора, которая, видно, понимала сестру с четверть слова. Она тоже несла факел.

Ура ткнула своим факелом в пауко-скорпиона. Тот, поднявшись на задние лапы, принялся угрожающе водить клешнями в воздухе и вдруг прыгнул вперед.

Пашка от неожиданности сел на землю.

Однако он успел увидеть, как Ора на лету подхватила пауко-скорпиона и открутила ему голову – одним движением.

– Седой! – закричала Ура. – Смотри!

Ора показывала ему убитого пауко-скорпиона, который еще шевелил страшными клешнями, пытаясь ударить девушку когтем, расположенным на конце хвоста.

– Брось! – крикнул ей Пашка.

– Зачем брось? – удивилась Ора. – Еда. Вкусно.

Пашка хотел подняться, но рука его задела что-то скользкое. Он машинально вцепился в это скользкое плотное «что-то», которое зашевелилось у него в руке. От страха Пашка отбросил это скользкое в сторону и с испугом увидел, как в воздух взлетела огромная белая гусеница. Ура поймала ее.

– Смотри! – закричала она. – Смотри, что нам добыл Седой.

– Ого! – сказала Ора, поедая пауко-скорпиона. – Седой – большой охотник. Седой – везунчик.

И девушки поспешили обратно, поближе к входу в пещеру. Ура несла белую гусеницу и факел, а Ора – факел и недоеденного пауко-скорпиона.

У костра их встретили остальные троглодиты.

Вы бы видели, какое поднялось веселье! Ура и Ора, перебивая друг дружку, рассказывали, как они увидели пауко-скорпиона, чудище страшное и ядовитое, но вкусное и полезное.

«Надо же, – подумал Пашка, который уже без труда понимал все разговоры, – ведь был кто-то первый, кто осмелился схватить пауко-скорпиона и выяснить, что он вкусный!» Сам Пашка решил, что есть эту гадость не будет. Не будет он есть и скользкую гусеницу.

Но тут-то он и не угадал.

Девушки продолжали рассказывать, и Пашка понял, что, пока они занимались своим обыкновенным девичьим делом – боролись с пауко-скорпионом, – наш Седой отыскал в темноте редчайшее лакомство – гусеницу Ко. И сейчас будет пир, а самый лучший кусок этой гусеницы достанется Седому. Потому что, несмотря на молодость и на то, что он пришел из чужого племени, он оказался славным охотником и добытчиком. Он смог разглядеть в густой листве большущего ленивца, а потом в полной темноте пещеры поймал белую гусеницу Ко, которая не попадалась никому уже три зимы.

Тут же гусеницу передали Маме, и та собственноручно занялась ее разделкой. Пашка с ужасом думал, что, если его все-таки заставят есть эту пакость, его вырвет, и он сразу себя выдаст: троглодиты догадаются, что он шпион, и убьют его.

Пока Пашка пытался изгнать из головы эти печальные мысли, Мама оторвала гусенице голову, и Пашка увидел, что из скользкой твари закапала какая-то желтая жидкость.

Мама приложила обезглавленную гусеницу к губам и глотнула. Лицо ее стало добрым, помолодевшим и даже симпатичным.

Она передала гусеницу Пашке. Троглодиты смотрели на него. Пашка понимал, что ему пришел конец, но он был гордым человеком и решил бороться до конца. Он поднес к губам гусеницу – скользкую колбасу с желтой жидкостью внутри – и, зажмурившись, высунул язык, чтобы попробовать. Вырвет или не вырвет?

И языку своему не поверил! Это был самый обыкновенный мед.

Гусеница оказалась полна меда. Не гусеница, а склад, где древние пчелы хранили мед. Но про то, что это пчелиный склад, Пашка узнал позже, из рассказа хромого Тигра, самого мудрого человека в племени.

С великим облегчением Пашка сделал глоток меда и вернул гусеницу Маме. Та обвела племя взором – все смотрели на гусеницу в ее руке – и протянула ее Грому.

И все пробовали мед по очереди, только злой старухе почти не досталось.

«Что ж, для начала получается неплохой фильм, – решил Пашка. – Ричард лопнет от зависти».

Глава шестая ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Пашка собирался погулять по окрестностям, проверить, не осталось ли здесь случайного динозавра. Он знал, конечно, что динозавры давно вымерли, но ведь бывают же исключения. И если Пашке удастся увидеть живого динозавра, он сделает великое открытие.

Ему давно хотелось сделать великое открытие, но всегда не хватало чуть-чуть. То кто-то другой успевал его сделать раньше, то открытие срывалось в самый решительный момент.

Пашка вышел из пещеры и направился к реке. Кстати, в реках иногда водятся крокодилы пострашнее динозавра.

Но Пашка не успел далеко отойти. Его окликнула Мама.

– Седой! – позвала она и протянула какой-то камень. Пашка не понял, зачем ему камень, поэтому подумал, что, может, такими камнями троглодиты динозавров убивают.

– Спасибо, – сказал Пашка и взял камень, похожий по форме на фасолину с ладонь размером, оббитый и чуть заостренный с одного края. Таким никого не убьешь.

Пашка собирался продолжить свой путь, но Мама взяла его за шиворот, если, конечно, у шкуры бывает шиворот, и повернула лицом к ленивцу, который лежал на земле. Ребятишки во главе с противной старухой пилили и кромсали его шкуру.

– Давай-давай, – сказала Мама. – Работать.

– Ну вот, – расстроился Пашка, – не успели превратиться в людей, а уже – работай, работай! Работай и будешь с уродским горбом!

– Работай хорошо, – возразила Мама. – Работа – кушай, не работа – не кушай.

– Где-то я этот лозунг уже слышал, – сказал Пашка.

– Работай – хорошо. Много кушай! – прошипела злобная старуха, и Пашке показалось, что она издевается над ним.

Надо бы ответить ей, конечно! Но он здесь в гостях, так что придется быть вежливым. Пашка подчинился и пошел работать, чтобы кушать.

Он присел на корточки возле ленивца и стал смотреть, как трудятся остальные. Работали ребята ловко.

Сначала они разрезали шкуру, потом начали подрезать ее, чтобы снять с туши.

Пашка попробовал делать как все, но его кремь все время соскальзывал. Ребята бросили работу и принялись смеяться, глядя на Пашкины усилия.

– Чего ржете, как жеребцы? – рассердился Пашка. – Неужели не видите, что это не скребок, не ножик, а просто булыжник. У вас-то скребки лучше, фирменные!

Каким-то образом старуха поняла эту длинную речь и молча протянула Пашке собственное орудие. Они обменялись, и Пашка тут же понял, что бабкин скребок не острее, чем у него, только скользкий от крови.

Когда у Пашки ничего не получилось и с новым скребком, ребята просто от смеха покапались. Но старуха прикрикнула на них, и они умолкли, а старуха подошла к Пашке, взяла его ладонь своими сухими сильными пальцами и стала водить его рукой, чтобы научить Пашку пользоваться скребком. Пашка не сопротивлялся, не то совсем засмеют. Он постарался сделать так, как показала старуха, и – не сразу, правда, – у него стало получаться.

«В конце концов, – подумал Пашка, – у меня за плечами пять классов школы и еще тридцать тысяч лет. Я знаю миллион разных вещей, о которых вы и представления не имеете. Я вас могу только жалеть – какую первобытную некультурную жизнь вы ведете».

Вот, например, этот скребок. Ну что бы его не сделать железным, то есть ножом? Надо будет рассказать им, как делать железные ножи.

– Железо, – сказал он старухе. – Железо хорошо. Мы бы этого ленивца в два счета раз-
делали.

Старуха кивнула, теперь она ничего не поняла. Может, подумала, что Пашка благодарит
ее за науку.

«Ну а если железа у вас пока нет, – продолжал мысленно размышлять Пашка, – мы можем
заострить скребок по-другому. Как это сделать? Наверное, надо найти большой камень и об
него молотить!»

Поскольку работа над разделкой ленивца шла своим ходом, а от Пашки пользы было
мало, никто не стал возражать, когда новенький троглодит отошел в сторону, сел над самым
обрывом, где лежала каменная плита, и принялся молотить по этой плите своим скребком.

От его ударов сыпались искры.

Он молотил, молотил, в раж вошел, разозлился и тут почувствовал, что его кто-то, крепко
схватив за ухо, поднимает. Пашка постарался обернуться, но было больно, и он лишь по голосу
догадался, что это Мама.

Она взяла с плиты скребок и стала его крутить в свободной руке.

– Ой, плохо! – зарычала она. – Скребок хороший, Седой плохой. Зачем скребок ломал?
Зачем тупой делал? – И отвесила Пашке подзатыльник.

И поскольку ему давно никто, кроме мамы, не давал подзатыльников, Пашка вспылil и
кинулся на нее с кулаками. Он все равно не воспринимал ее ни как настоящую женщину, ни
как вождиху, а считал большой обезьяной.

Ну, тут он получил! Его колотили, молотили, крутили, кидали, швыряли – только что в
землю не закопали.

– Сдаюсь! – закричал наконец Пашка. – Сдаюсь же, кому сказал.

Вождиха отпустила провинившегося мальчишку и стала ему выговаривать:

– Мама – главная. Нельзя бить. Плохо.

– Ой, плохо! – говорили остальные и качали головами. Они стали объяснять Пашке как
могли, где словами, где руками, что если поднять руку на вождя, то не будет порядка в пле-
мени. А не будет порядка, любой враг может перебить несчастных троглодитов. Они приня-
лись рыдать, размазывая по грязным лицам слезы, и даже Мама присоединилась к рыданиям.

– Ну кто сказал, что вы нечувствительные! – воскликнул Пашка. – Просто кружок по
вышиванию!

Он сразу почувствовал себя умнее и сильнее троглодитов. Они же как дети. Они дикари.
И обращаться с ними надо как с детьми. Конечно, он мог бы стать вождем племени, но для
этого надо ввести у троглодитов демократию и выборы. И еще не известно, стоит ли этим
заниматься. Научишь их демократии, а потом практика кончится, и что они без тебя с этой
демократией делать будут? Вдруг они для нее не созрели?

Конечно, вести себя надо умнее. Не стоит переделывать их примитивные орудия. Надо
пойти по пути изобретения новых!

Так что Пашка покинул своих соплеменников, которые все еще шумели у пещеры, и
спустился к реке. Там его никто не будет отвлекать от мыслей.

Река оказалась не очень широкой, но довольно быстрой, и, хотя в этих краях стояло позд-
нее лето, погода была не из лучших – так, на уровне октября. С утра собирался дождь и все
никак не мог толком начаться.

Пашка спустился к воде. Первым делом ему хотелось умыться. Он бы и искупался, но
место незнакомое, течение быстрое, и неизвестно, какие гады тут водятся.

Умываясь, Пашка осматривался вокруг, стараясь найти подходящие камни, чтобы сде-
лать из них настоящие орудия, достойные человека. Камней было немного, трава подступала
к самой воде, и Пашка понял, что, наверное, все хорошие камни троглодиты уже растащили,
и придется идти дальше, куда они еще не добрались.

Шагов через двадцать Пашка отыскал сразу несколько хороших булыжников – они лежали в быстрине на мелководе. Пашка зашел в воду. Он был, естественно, босиком, но состав, которым в Институте времени намазали ему ступни, охранял их от колючек и всяких острых предметов, словно прозрачные тапочки.

Пашка взял один камень, он ему не подошел, потом другой – получше. И третий... Нет, этот тоже не годится.

Он размахнулся и бросил ненужный камень в сторону. Тот плюхнулся в реку, вода забурлила, и из нее высунулась оскаленная пасть неизвестного Пашке чудовища. Оно смахивало на крокодила или на небольшого дракона. У него были короткие передние лапы, покрытые чешуей, с когтистыми пальцами.

Крокодил метнулся за Пашкой, в мгновение ока оказался на берегу и угрожающе зарычал.

Пашка стал отступать вверх по склону. Может, и стоило позвать на помощь, но конечно же ему было стыдно, и он молчал.

У крокодила оказалось короткое толстое туловище, хвост едва доставал до земли. Чудовище размахивало этим коротким хвостом и било им по деревьям и кустам.

Пашка понял, что не может тягаться с этим крокодилом или кто он там, тем более что на дороге попался густой куст и Пашка застрял в нем, как в паутине.

Хриплый крик вырвался из его уст.

На счастье, поблизости оказалась старуха, которая всегда с такой злобой смотрела на Пашку. Она, видно, собирала какие-то корешки.

При виде Пашки старуха выпрямилась и бросила корешки на землю. Похоже, она испугалась куда больше Пашки, потому что заверещала, словно поросенок.

Пашка все бился в кусте, но от старухино верещания крокодил оторопел и остановился. Наверное, теперь он не знал, на кого кидаться.

И тут на подмогу сверху скатился пес. Пещерный ископаемый пес, похожий и на собаку, и на лисицу, и на енота – видно, окончательное формирование еще не произошло. Но лаять он умел великолепно, крокодила вовсе не испугался, а стал, залиvisto лая, прыгать на него.

Крокодил несколько раз открыл и закрыл пасть, будто просил прощения, и начал пятиться вниз по склону, неосторожно оступился и потерял равновесие. Конец своего пути к реке он катился как бревно. Пашка чуть было не рассмеялся.

Старуха сразу стала кричать на Пашку, слов он не понимал, но смысл конечно же улавливал: «Куда ты суешь свой нос, так можно и вовсе без носа остаться! Видели бы тебя дедушка или мать – они бы этого не пережили!»

Пашка отмахнулся от глупой старухи.

Пес подбежал к нему, стал прыгать вокруг, потом лег на спину – все четыре лапы кверху, – ну, как настоящий! Пашка погладил его и тут же отдернул руку – на нем, наверное, миллион блох!

Можно считать, крокодилу просто повезло, что он не догнал Пашку. Если бы посмел догнать – тут бы Пашка ему и треснул по голове!

Так Пашка и сказал ребятам, которые прибежали следом за псом. Они стали расспрашивать старуху, кто напал на Пашку, она им что-то отвечала, все время повторяя слово «дуля». Дуля и дуля. Наверное, так у троглодитов называется этот крокодил.

Пашка поднялся на площадку перед пещерой. Ребята снова принялись разделять ленивца, дымок, которым тянуло из пещеры, стал гуще – вероятно, на костре что-то готовили. Пахло печеными овощами.

Близняшки куда-то ушли, не было видно и мужчин. Только Мама встретила Пашку, и, когда старуха рассказала ей, что Пашка чудом спасся от смерти в челюстях крокодила-дули, она начала Пашке выговаривать, чтобы не смел соваться куда не просят. Но поскольку Пашке

всю жизнь взрослые только это и говорят, он давно научился такие советы пропускать мимо ушей.

Пашка уселся на землю возле большой каменной плиты и положил на нее булыжник, который ему все-таки удалось найти в реке, пока старуха читала свои нотации.

– Сейчас будем изобретать настоящее оружие, – сказал он себе под нос.

Наверное, лучше всего сделать нож. Каменный нож. Он видел такие ножи на картинке в учебнике истории. Но нужен третий камень – чтобы откалывать от булыжника куски.

Тут к Пашке подошла любопытная девчонка, которая еще не получила имени. Она была поменьше Пашки, хотя он пока с трудом определял возраст троглодитов. Выглядела девчонка лет на семь-восемь. На Пашку она взирала с почтением и поэтому понравилась ему.

– Ты что? – спросила она.

Пашка повернулся к Девочке-без-имени и ответил:

– Я делаю острый камень.

В языке троглодитов не было слова «нож». Пашка догадался, что у них существуют обозначения только для тех вещей, которые уже придуманы.

– Зачем?

Пашка не ответил. Он подумал: «Неправильно, что детям не дают имен. Ну как их называть?!»

– Как тебя называть?

– Девочка, – сказала девочка.

– А вон ту, которая режет ленивца?

– Девочка.

– А того мальчика?

– Мальчик.

– А как вас, девочек, различать?

– Нас не надо различать, мы себя различать сами. – Девочка с трудом сказала такую длинную фразу. И она попыталась объяснить Седому, которому, вообще-то говоря, рано иметь имя, но для которого сделали исключение: – Все равно какой ребенок. Зови одного, приду я – ребенок. Все равно какой.

– Ладно, – смирился Пашка. – Лучше смотри. Вот как надо делать ножи.

Он положил камень на плиту и стал бить по нему другим камнем.

Девочка-без-имени сказала:

– Так нельзя. Плохо. Камень плохой.

– Что ты понимаешь!

– Надо кремь, – сказала девочка. – Это не кремь.

Тут, конечно, и другие дети подбежали. И начали объяснять, что нужен кремь, что орудия делают только из кремня, что за кремнем взрослые ходят далеко-далеко, целый день идут. Что-то Пашка понял, чего-то не понял. Но главное, он не знал троглодитского слова, обозначающего кремь, и потому все речи детей были для него пустым звуком.

Он бил камнем по камню, стараясь откалывать кусочки, но ничего не получалось. Оба камня крошились, и только.

Пришел горбун Крот. Он тоже принялся объяснять Пашке, что тот неправильно делает орудие. Даже Мама подошла наконец и строго сказала Пашке, что, хоть он уже и получил имя, это не значит, что он взрослый охотник. Он должен всех слушаться и перестать стучать плохим камнем о плохой камень.

Правда, во всей этой шумной сцене Пашка понимал далеко не все из того, что ему говорили и кричали, а троглодиты понимали не все, что им отвечал Пашка.

– Нет! – закричал Пашка, вконец разозлившись. – Я вам докажу, что я прав!

И со злости он так ударил камнем по камню, что его булыжник раскололся точно пополам.

И оказалось, что он внутри полый!

Внутренность камня сияла, потому что кончиками внутрь в нем расположились какие-то сверкающие кристаллы.

– Эх, – вздохнул Пашка, – не повезло. А я думал, что камень целый.

Но троглодитов просто поразили Пашкины действия – словно он был знаменитым фокусником.

Мама наклонилась и медленно подняла половинку камня, будто чашу, выложенную изнутри алмазами.

– Чего удивляетесь? – сказал Пашка. – Горного хрусталя, что ли, не видели? Дикие люди!

Троглодиты кудахтали, как куры на базаре, потом Мама попыталась отколупнуть один из кристаллов.

Из пещеры выполз Гром. Наверное, он спал, и крики его разбудили.

– Что случилось? – спросил Гром.

– Седой! – закричали дети. – Седой! Седой!

Они затарахтели, объясняя Грому, как новичок притащил камень, чтобы сделать нож, а вместо этого камень разбил. И там внутри оказались кристаллы.

– Зато красиво, – сказал Пашка.

Гром отобрал половинку камня у Мама, положил его на плиту и так ударил сверху глыбой, что «чашка» рассыпалась и кристаллы покатались во все стороны.

Все кинулись подбирать кристаллы, но Мама криком приказала оставаться на местах. Она сама собрала кристаллы, а потом начала раздавать их. Себе взяла самый большой, Грому дала поменьше, остальным – совсем маленькие. Правда, Пашке достался кристаллик чуть больше, чем у остальных.

«Ну что ж, – решил Пашка, – по крайней мере, надо мной не смеются. И я им всем еще докажу, что я – великий человек. Эти троглодиты еще будут передо мной преклоняться!»

– Седой – хороший, – сказала Мама. Потом быстро приказала старухе что-то сделать, та пыталась возражать, Мама на нее прикрикнула, и старуха ушла в пещеру.

Через минуту она вылезла обратно. В руках она держала настоящий кожаный пояс с карманом спереди – такие пояса носили лишь главные троглодиты. Даже у девушек Уры и Оры их не было. Не было пояса и у самой старухи. Только у Тигра, Крота, Грома и Мама.

– Твой, – сказала Мама. – Бери.

Пашка обрадовался такому подарку. Значит, он перешел в число настоящих охотников. К тому же удобно иметь хотя бы один карман. Попробовали бы вы прожить день без карманов или сумки. Пашка прихватил поясом шкуру – удобно!

Смешные люди эти троглодиты. Недаром раньше путешественники брали с собой бусы для туземцев. Им так нужны блестящие камешки!

Пашка провел острием кристаллика по камню – и на камне появилась белая полоса. Смотри-ка! Может, научить их писать? Они будут писать записки, а потом у них появится литература. Нет уж, лучше не надо! А то напишут скучную классику и заставят детей, у которых даже имени еще нет, учить свои рассказы.

Крот подобрал с земли обглоданную лопатку оленя, склонил голову, задумался, потом принялся царапать хрусталиком по кости. Пашка подошел поближе. Оказывается, они умеют рисовать!

Пашка включил камеру и стал снимать, как из-под пальцев Крота на лопатке появляется медведь, стоящий на задних лапах. А перед медведем – человек с палкой.

Многие подходили к Кроту полюбоваться картинкой, которая всем очень понравилась. Правда, сравнивать-то им было не с чем.

Крот подошел к остывающему костру возле пещеры, набрал в ладони золы и начал тереть лопатку. Зола попала в углубления, и рисунок стал четким, словно Крот делал его карандашом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.